
Родная
Речь
Книга 2
2 часть

С книгой жить — век не тужить.
Чтение — лучшее учение.
Пока живёшь, до тех пор учись.
Хорошо того учить, кто слушается.

Родная речь

**УЧЕБНИК
ДЛЯ УЧАЩИХСЯ
НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ**

В трёх книгах

Книга 2

Часть 2-я

*Рекомендовано
Министерством образования
Российской Федерации*

МОСКВА «ПРОСВЕЩЕНИЕ» 1993

ББК 81.2Р-922
Р60

Составители: М. В. Голованова, В. Г. Горецкий, Л. Ф. Климанова

Родная речь. Учеб. для учащихся нач. шк. В 3 кн. Кн. 2, ч. 2 /
Р60 Сост. М. В. Голованова и др.— М.: Просвещение, 1993.—224 с.: ил.—
ISBN 5-09-006015-0.

Р $\frac{4306020200—219}{103(03)—93}$ инф. письмо-93, № 40

ББК 81.2Р-922

ISBN 5-09-006015-0 (ч. 2)
ISBN 5-09-004977-7

Любимые
детские
писатели

Трудно найти человека, который не любит сказки. Малыши, ребята постарше и даже взрослые с удовольствием слушают и читают сказки. Многие писатели, оказывается, тоже не мыслят себя без сказок. И в нашей стране, и в других странах пишут свои или обрабатывают (пересказывают) народные сказки.

У народных и авторских сказок много общего: и в тех и в других происходят невероятные события, встречаются необычные персонажи, разные волшебства. Однако каждая сказка, сколько бы в ней ни было вымысла, в конечном счёте говорит нам о реальной жизни, наставляет нас, учит разумному, доброму, помогает лучше узнать и себя, и других.

Добрый и внимательный наш читатель!

Постарайся перенестись в мир, созданный писателем, оказаться в той обстановке и среди тех героев, которых он изобразил, мысленно стань не только наблюдателем, но и участником событий.

Подумай, так ли всё было? Что всё же могло быть в реальном мире? Сказки ли это или что-то иное?

А теперь в путь! Новых мыслей, наблюдений, творчества!

МАКСИМ ГОРЬКИЙ
(АЛЕКСЕЙ МАКСИМОВИЧ ПЕШКОВ).

(1868—1936)

Случай с Евсейкой.

Однажды маленький мальчик — Евсейка — очень хороший человек! — сидя на берегу моря, удил рыбу. Это очень скучное дело, если рыба капризная, не клюёт. А день был жаркий, стал Евсейка со скуки дремать и — бултых! — свалился в воду.

Свалился, но ничего, не испугался и плывёт тихонько, потом нырнул и тотчас достиг морского дна.

Сел на камень, мягко покрытый рыжими водорослями, смотрит вокруг — очень хорошо!

Ползёт, не торопясь, алая морская звезда, солидно ходят по камням усатые лангусты, боком-боком двигается краб; везде на камнях, точно крупные вишни, рассеяны актинии, и всюду множество всяких любопытных штук: вот цветут, качаются морские лилии, мелькают, точно мухи, быстрые креветки, вот тащится морская черепаха, а над её тяжёлым щитом играют две маленькие зелёные рыбёшки, совсем как бабочки в воздухе, а вот по белым камням везёт свою раковину рак-отшельник. Евсейка, глядя на него, даже стихи вспомнил:

Дом — не тележка у дядюшки Якова...

И вдруг слышит, над головою у него точно кларнет запищал:

— Вы кто такой?

Смотрит, над головою у него огромнейшая рыба

в сизо-серебряной чешуе, выпучила глаза и, оскалив зубы, приятно улыбается, точно её уже зажарили и она лежит на блюде среди стола.

— Это вы говорите? — спросил Евсейка.

— Я-а...

Удивился Евсейка и сердито спрашивает:

— Как же это вы? Ведь рыбы не говорят!

А сам думает:

«Вот так раз! Немецкий я вовсе не понимаю, а рыбий язык сразу понял! Ух, какой молодчина!»

И, приосанясь, оглядывается: плавает вокруг него разноцветная игривая рыбёшка и — смеётся, разговаривает:

— Глядите-ка! Вот чудище приплыло: два хвоста!

— А чешуи — нет, фи!

— И плавников только два!

Некоторые, побойчее, подплывают прямо к носу и дразнятся:

— Хорош, хорош!

Евсейка обиделся:

— Вот нахалки! Будто не понимают, что перед ними настоящий человек...

И хочет поймать их, а они, уплывая из-под рук, резвятся, толкают друг друга носами в бока и поют хором, дразня большого рака:

Под камнями рак живёт,
Рыбий хвостик рак жуёт,
Рыбий хвостик очень сух,
Рак не знает вкуса мух.

А он, свирепо шевеля усами, ворчит, вытягивая клешни:

— Попадитесь-ка мне, я вам отстригу языки-то!

«Серьёзный какой»,— подумал Евсейка. Большая же рыба пристаёт к нему:

— Откуда это вы взяли, что все рыбы — немые?

— Папа сказал.

— Что такое — папа?

— Так себе... Вроде меня, только — побольше и усы у него. Если не сердится, то — очень милый...

— А он рыбу ест?

Тут Евсейка испугался: скажи-ка ей, что ест! Поднял глаза вверх, видит сквозь воду мутно-зелёное небо и солнце в нём, жёлтое, как медный поднос; подумал мальчик и сказал неправду:

— Нет, он не ест рыбу, костлявая очень...

— Однако — какое невежество! — обиженно вскричала рыба.— Не все же мы костлявые! Например — моё семейство...

«Надо переменить разговор»,— сообразил Евсей и вежливо спрашивает:

— Вы бывали у нас наверху?

— Очень нужно! — сердито фыркнула рыба.— Там дышать нечем...

— Зато — мухи какие...

Рыба оплыла вокруг него, остановилась прямо против носа, да вдруг и говорит:

— Му-хи? А вы зачем сюда приплыли?

«Ну, начинается! — подумал Евсейка.— Съест она меня, дура...» И, будто бы беззаботно, ответил:

— Так себе, гуляю...

— Гм! — снова фыркнула рыба.— А может быть, вы — уже утопленник?

— Вот ещё! — обиженно крикнул мальчик.— Нисколько даже! Я вот сейчас встану и...

Попробовал встать, а — не может: точно его тяжёлым одеялом окутали — ни поворотиться, ни пошевелиться!

«Сейчас я начну плакать»,— подумал он, но тотчас же сообразил, что плачь не плачь — в воде слёз не видно, и решил, что не стоит плакать,— может быть, как-нибудь иначе удастся вывернуться из этой неприятной истории.

А вокруг — господи! — собралось разных морских жителей — числа нет! На ногу взбирается голотурия, похожая на плохо нарисованного поросёнка, и шипит:

— Желаю с вами познакомиться поближе...

Дрожит перед носом морской пузырь, дуется, пыхтит,— укоряет Евсейку:

— Хорошо! хорошо! Ни рак, ни рыба, ни моллюск, ай-я-яй!

— Погодите, я, может, ещё авиатором буду,— говорит ему Евсей, а на колени ему влез лангуст и, ворочая глазами на ниточках, вежливо спрашивает:

— Позвольте узнать, который час?

Проплыла мимо сепия, совсем как мокрый носовой платок; везде мелькают сифонофоры, точно стеклянные шарики, одно ухо щекочет креветка, другое — тоже щупает кто-то любопытный, даже по голове путешествуют маленькие рачки,— запутались в волосах и дёргают их.

— Ой, ой, ой! — воскликнул про себя Евсейка, стараясь смотреть на всё беззаботно и ласково, как папа, когда он виноват, а мама сердится на него.

А вокруг в воде повисли рыбы — множество! — поводят тихонько плавниками и, вытаращив на мальчика круглые глаза, скучные, как алгебра, бормочут:

Как он может жить на свете без усов и чешуи?
Мы бы, рыбы, не могли бы раздвоить хвосты свои!
Не похож он ни на рака, ни на нас —
весьма во многом.
Не родня ли это чудо безобразным осьминогам?

«Дуры! — обиженно думает Евсейка. — У меня по русскому языку в прошлом году две четвёрки было...»

И делает такой вид, будто он ничего не слышит, даже хотел беззаботно посвистеть, но — оказалось — нельзя: вода лезет в рот, точно пробка.

А болтливая рыба всё спрашивает его:

— Нравится вам у нас?

— Нет... то есть — да, нравится... У меня дома тоже очень хорошо! — ответил Евсей и снова испугался:

«Батюшки, что я говорю?! Вдруг она рассердится, и начнут они меня есть...»

Но вслух говорит:

— Давайте как-нибудь играть, а то мне несколько скучно...

Это очень понравилось болтливой рыбе, она засмеялась, открыв круглый рот так, что стали вид-

ны розовые жабры, виляет хвостом, блестит острыми зубами и старушечьим голосом кричит:

— Это хорошо — поиграть! Это очень хорошо — поиграть!

— Поплывём наверх! — предложил Евсей.

— Зачем? — спросила рыба.

— А вниз уже нельзя ведь! И там, наверху,— мухи.

— Мух-хи! Вы их любите?..

Евсей любил только маму, папу и мороженое, но ответил:

— Да...

— Ну что ж? Поплывём! — сказала рыба, перевернувшись головой вверх, а Евсей тотчас цоп её за жабры и кричит:

— Я — готов!

— Стойте! Вы, чудовище, слишком засунули свои лапы в жабры мне...

— Ничего!

— Как это — ничего? Порядочная рыба не может жить, не дыша.

— Господи! — вскричал мальчик.— Ну что вы спорите всё? Играть так играть...

А сам думает:

«Лишь бы только она меня немножко подтащила наверх, а там уж я вынырну».

Поплыла рыба, будто танцуя, и поёт во всю мочь:

Плавниками трепеща,
И зубаста и тоща,
Пищи на обед ища,
Ходит щука вкруг леща!..

Маленькие рыбёшки кружатся и хором орут:

Вот так штука!
Тщетно тщится щука
Ущемить леща!
Вот так это — штука!

Плыли-плыли, чем выше — тем всё быстрее и легче, и вдруг Евсейка почувствовал, что голова его выскочила на воздух:

— Ой!

Смотрит — ясный день, солнце играет на воде, зелёная вода заплёскивает на берег, шумит, поёт, Евсейкино удилище плавает в море, далеко от берега, а сам он сидит на том же камне, с которого свалился, и уже — весь сухой!

— Ух, — сказал он, улыбаясь солнцу, — вот я и вынырнул!

КОНСТАНТИН ГЕОРГИЕВИЧ ПАУСТОВСКИЙ.

(1892—1968)

Растрёпанный воробей.

На старых стенных часах железный кузнец ростом с игрушечного солдатика поднял молоток. Часы щёлкнули, и кузнец ударил с оттяжкой молотом по маленькой медной наковальне. Торопливый звон посыпался по комнате, закатился под книжный шкаф и затих.

Кузнец ударил по наковальне восемь раз, хотел ударить в девятый, но рука у него вздрогнула и повисла в воздухе. Так, с поднятой рукой, он и простоял целый час, пока не пришёл срок пробить по наковальне девять ударов.

Маша стояла у окна и не оглядывалась. Если оглянешься, то нянюшка Петровна непременно проснётся и погонит спать.

Петровна дремала на диване, а мама, как всегда, ушла в театр. Она танцевала в театре, но никогда не брала с собой Машу туда.

Театр был огромный, с каменными колоннами. На крыше его взвивались на дыбы чугунные лошади. Их сдерживал человек с венком на голове — должно быть, сильный и храбрый. Ему удалось остановить горячих лошадей у самого края крыши. Копыта лошадей висели над площадью. Маша представляла себе, какой был бы переполох, если бы человек не сдержал чугунных лошадей: они сорвались бы с крыши на площадь и промчались с громом и звоном мимо милиционеров.

Все последние дни мама волновалась. Она готовилась впервые танцевать Золушку и обещала взять на первый же спектакль Петровну и Машу. За два дня до спектакля мама вынула из сундука сделанный из тонкого стекла маленький букет цветов. Его подарил маме Машин отец. Он был моряком и привёз этот букетик из какой-то далёкой страны.

Потом Машин отец ушёл на войну, потопил несколько фашистских кораблей, два раза тонул, был ранен, но остался жив. А теперь он опять далеко,

в стране со странным названием «Камчатка», и вернётся не скоро, только весной.

Мама вынула стеклянный букет и тихо сказала ему несколько слов. Это было удивительно, потому что раньше мама никогда не разговаривала с вещами.

— Вот,— прошептала мама,— ты и дождался.

— Чего дождался? — спросила Маша.

— Ты маленькая, ничего ещё не понимаешь,— ответила мама.— Папа подарил мне этот букет и сказал: «Когда ты будешь в первый раз танцевать Золушку, обязательно приколи его к платью после бала во дворце. Тогда я буду знать, что ты в это время вспомнила обо мне».

— А вот я и поняла,— сказала сердито Маша.

— Что ты поняла?

— Всё! — ответила Маша и покраснела: она не любила, когда ей не верили.

Мама положила стеклянный букетик к себе на стол и сказала, чтобы Маша не смела дотрагиваться до него даже мизинцем, потому что он очень хрупкий.

В этот вечер букет лежал за спиной у Маши на столе и поблёскивал. Было так тихо, что казалось — всё спит кругом: весь дом, и сад за окнами, и каменный лев, что сидел внизу у ворот и всё сильнее белел от снега. Не спали только Маша, отопление и зима. Маша смотрела за окно, отопление тихонько пищало свою тёплую песню, а зима всё сыпала и сыпала с неба тихий снег. Он летел мимо фонарей и ложился на землю. И было непонятно, как с такого чёрного

неба может слетать такой белый снег. И ещё было непонятно, почему среди зимы и морозов распустились у мамы на столе в корзине красные большие цветы. Но непонятнее всего была седая ворона. Она сидела на ветке за окном и смотрела, не моргая, на Машу.

Ворона ждала, когда Петровна откроет форточку, чтобы проветрить на ночь комнату, и уведёт Машу умываться.

Как только Петровна и Маша уходили, ворона взлетала на форточку, протискивалась в комнату, хватала первое, что попадалось на глаза, и удирала. Она торопилась, забывала вытереть лапы о ковёр и оставляла на столе мокрые следы. Петровна каждый раз, возвратившись в комнату, всплёскивала руками и кричала:

— Разбойница! Опять чего-нибудь уволокла!

Маша тоже всплёскивала руками и вместе с Петровной начинала торопливо искать, что на этот раз утащила ворона. Чаще всего ворона таскала сахар, печенье и колбасу.

Жила ворона в заколоченном на зиму ларьке, где летом продавали мороженое. Ворона была скупая, сварливая. Она забивала клювом в щели ларька все свои богатства, чтобы их не разворовали воробьи.

Иной раз по ночам ей снилось, будто воробьи прокрались в ларёк и выдалбливают из щелей кусочки замёрзшей колбасы, яблочную кожуру и серебряную обёртку от конфет. Тогда ворона сердито каркала во сне, а милиционер на соседнем углу оглядывался и прислушивался. Он уже давно слышал по ночам

карканье из ларька и удивлялся. Несколько раз он подходил к ларьку и, загородившись ладонями от света уличного фонаря, всматривался внутрь. Но в ларьке было темно, и только на полу белел поломанный ящик.

Однажды ворона застала в ларьке маленького растрёпанного воробья, по имени Пашка.

Жизнь для воробьёв пришла трудная. Маловато было овса, потому что лошадей в городе почти не осталось. В прежние времена — их иногда вспоминал Пашкин дед, старый воробей, по имени Чичкин,— воробьиное племя все дни толкалось около извозчичьих стоянок, где овёс высыпался из лошадиных торб на мостовую.

А теперь в городе одни машины. Они овсом не кормятся, не жуют его с хрупом, как добродушные лошади, а пьют какую-то ядовитую воду с едким запахом. Воробьиное племя поредело. Иные воробьи подались в деревню, поближе к лошадям, а иные — в приморские города, где грузят на пароходы зерно и потому там воробьиная жизнь сытая и весёлая.

«Раньше,— рассказывал Чичкин,— воробьи собирались стаями по две-три тысячи штук. Бывало,

как вспорхнут, как рванут воздух, так не то что люди, а даже извозчичьи лошади шарахались и бормотали: «Господи, спаси и помилуй! Неужели нету на этих сорванцов управы?»

А какие были воробьиные драки на базарах! Пух летал облаками. Теперь таких драк нипочём не допустят...»

Ворона застала Пашку, как только он юркнул в ларёк и не успел ещё ничего выковырять из щели. Она стукнула Пашку клювом по голове. Пашка упал и завёл глаза: прикинулся мёртвым.

Ворона выбросила его из ларька и напоследок каркнула — выбранилась на всё воробьиное племя вороватое.

Милиционер оглянулся и подошёл к ларьку. Пашка лежал на снегу: умирал от боли в голове и только тихонько открывал клюв.

— Эх ты, беспризорник! — сказал милиционер, снял варежку, засунул в неё Пашку и спрятал варежку с Пашкой в карман шинели.— Невесёлой жизни ты воробей!

Пашка лежал в кармане, моргал глазами и плакал от обиды и голода. Хоть бы клюнуть какую ни на есть крошку! Но и у милиционера хлебных крошек в кармане не было, а валялись только бесполезные крошки табаку.

Утром Петровна с Машей пошли гулять в парк. Милиционер подозвал Машу и строго спросил:

— Вам, гражданочка, воробей не требуется? На воспитание?

Маша ответила, что воробей ей требуется, и даже

очень. Тогда красное, обветренное лицо милиционера вдруг собралось морщинками. Он засмеялся и вытащил варежку с Пашкой:

— Берите! С варежкой. А то удерёт. Варежку мне потом принесёте. Я с поста сменяюсь не раньше чем в двенадцать часов.

Маша принесла Пашку домой, пригладила ему перья щёткой, накормила и выпустила. Пашка сел на блюдечко, попил из него чаю, потом посидел на голове у кузнеца, даже начал было дремать, но кузнец в конце концов рассердился, замахнулся молотком, хотел ударить Пашку. Пашка с шумом перелетел на голову баснописцу Крылову. Крылов был бронзовый, скользкий — Пашка едва на нём удержался. А кузнец, осердясь, начал колотить по наковальне и наколотил одиннадцать раз.

Пашка прожил в комнате у Маши целые сутки и видел вечером, как влетела в форточку старая ворона и украла со стола копчёную рыбью голову. Пашка спрятался за корзину с красными цветами и сидел там тихо.

С тех пор Пашка каждый день прилетал к Маше, поклёвывал крошки и соображал, чем бы Машу отблагодарить. Один раз он принёс ей замёрзшую рогатую гусеницу — нашёл её на дереве в парке. Но Маша гусеницу есть не стала, и Петровна, бранясь, выбросила её за окно. Тогда Пашка, назло старой вороне, начал ловко утаскивать из ларька ворованные вещи и приносить их обратно к Маше. То притащит засохшую пастилу, то окаменелый кусочек пирога, то красную конфетную бумажку.

Должно быть, ворона воровала не только у Маши, но и в других домах, потому что Пашка иногда ошибался и притаскивал другие вещи: расчёску, карту — трефовую даму — и золотое перо от «вечной» ручки.

Пашка влетал с этими вещами в комнату, бросал их на пол, делал по комнате несколько петель и стремительно, как маленький пушистый снаряд, исчезал за окном.

В этот вечер Петровна что-то долго не просыпалась.

Маше было любопытно посмотреть, как ворона протискивается в форточку. Она этого ни разу не видела.

Маша влезла на стул, открыла форточку и спряталась за шкафом. Сначала в форточку летел крупный снег и таял на полу, а потом вдруг что-то заскрипело. Ворона влезла в комнату, прыгнула на мамин стол, посмотрелась в зеркало, взъерошилась, увидев там такую же злую ворону, потом каркнула, вороовато схватила стеклянный букет и вылетела за окно.

Маша вскрикнула. Петровна проснулась, заохала и заругалась. А мама, когда возвратилась из театра, так долго плакала, что вместе с ней заплакала и Маша. А Петровна говорила, что не надо убиваться, может, и найдётся стеклянный букетик — если, конечно, дура-ворона не обронила его в снег.

Утром прилетел Пашка. Он сел отдохнуть на баснописца Крылова, услышал рассказ об украденном букете, нахохлился и задумался.

Потом, когда мама пошла на репетицию в театр,

Пашка увязался за ней. Он перелетал с вывесок на фонарные столбы, с них — на деревья, пока не долетел до театра. Там он посидел немного на морде у чугунной лошади, почистил клюв, смахнул лапой слезинку, чирикнул и скрылся. Вечером мама надела на Машу праздничный белый фартучек, а Петровна накинула на плечи коричневую атласную шаль, и все вместе поехали в театр. А в этот самый час Пашка по приказу Чичкина собрал всех воробьёв, какие жили поблизости, и воробьи всей стаей напали на вороний ларёк, где был спрятан стеклянный букет.

Сразу воробьи не решились, конечно, напасть на ларёк, расселись на соседних крышах и часа два дразнили ворону. Они думали, что она разозлится и вылетит из ларька. Тогда можно будет устроить бой на улице, где не так тесно, как в ларьке, и где на ворону можно навалиться всем сразу.

Но ворона была учёная, знала воробьиные хитрости и из ларька не вылезала.

Тогда воробьи наконец собрались с духом и начали один за другим проскакивать в ларёк. Там поднялся такой писк, шум и трепыхание, что вокруг ларька тотчас собралась толпа.

Прибежал милиционер. Он заглянул в ларёк и отшатнулся: воробьиный пух летал по всему ларьку, и в этом пуху ничего нельзя было разобрать.

— Вот это да! — сказал милиционер. — Вот это рукопашный бой по уставу!

Милиционер начал отдирать доски, чтобы открыть заколоченную дверь в ларёк и прекратить драку.

В это время все струны на скрипках и виолончелях в театральном оркестре тихонько вздрогнули. Высокий человек взмахнул бледной рукой, медленно повёл ею, и под нарастающий гром музыки тяжёлый бархатный занавес качнулся, легко поплыл в сторону, и Маша увидела большую нарядную комнату, залитую жёлтым солнцем, и богатых уродок — сестёр, и злую мачеху, и свою маму — худенькую и красивую, в стареньком сером платье.

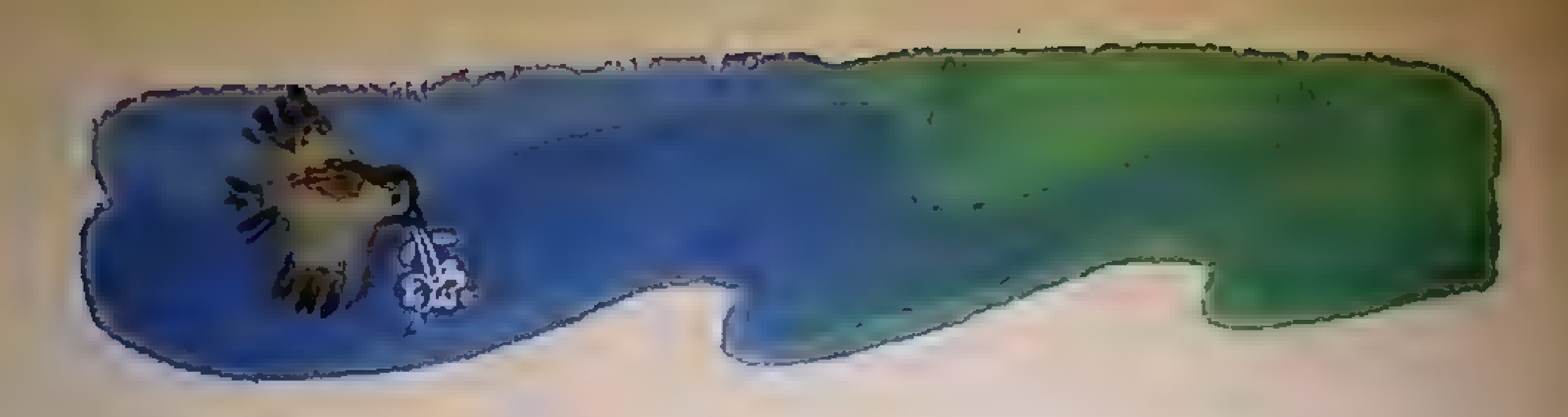
— Золушка! — тихо вскрикнула Маша и уже не могла оторваться от сцены.

Там, в сиянии голубого, розового, золотого и лунного света, появился дворец. И мама, убегая из него, потеряла на лестнице хрустальную туфельку.

Было очень хорошо, что музыка всё время только и делала, что печалилась и радовалась за маму, как будто все эти скрипки, гобои, флейты и тромбоны были живыми добрыми существами. Они всячески старались помочь маме вместе с высоким дирижёром. Он так был занят тем, чтобы помочь Золушке, что даже ни разу не оглянулся на зрительный зал.

И это очень жаль, потому что в зале было много детей с пылающими от восторга щеками.

Даже старые капельдинеры, которые никогда не смотрят спектакли, а стоят в коридорах у дверей с пучками программок в руках и большими чёрными биноклями, — даже эти старые капельдинеры бесшумно вошли в зал, прикрыли за спиной двери и смотрели на Машину маму. А один даже вытирал глаза. Да и как ему было не прослезиться, если так

хорошо танцевала дочь его умершего товарища, такого же капельдинера, как и он.

И вот, когда кончился спектакль и музыка так громко и весело запела о счастье, что люди улыбнулись про себя и только недоумевали, почему у счастливой Золушки на глазах слёзы,— вот в это самое время в зрительный зал ворвался, поносившись и поплутав по театральным лестницам, маленький растрёпанный воробей. Было сразу видно, что он выскочил из жестокой драки.

Он закружился над сценой, ослеплённый сотнями огней, и все заметили, что в клюве у него что-то нестерпимо блестит, как будто хрустальная веточка.

Зал зашумел и стих. Дирижёр поднял руку и остановил оркестр. В задних рядах люди начали

вставать, чтобы увидеть, что происходит на сцене. Воробей подлетел к Золушке. Она протянула к нему руки, и воробей на лету бросил ей на ладони маленький хрустальный букет. Золушка дрожащими пальцами приколола его к своему платью. Дирижёр взмахнул палочкой, оркестр загремел. Театральные огни задрожали от рукоплесканий. Воробей вспорхнул под купол зала, сел на люстру и начал чистить растрёпанные в драке перья.

Золушка кланялась и смеялась, и Маша, если бы не знала наверное, никогда бы не догадалась, что эта Золушка — её мама.

А потом, у себя в доме, когда погасили свет и поздняя ночь вошла в комнату и приказала всем спать, Маша сквозь сон спросила маму:

— Когда ты прикалывала букет, ты вспомнила о папе?

— Да,— ответила, помолчав, мама.

— А почему ты плачешь?

— Потому что радуюсь, что такие люди, как твой папа, бывают на свете.

— Вот и неправда! — пробормотала Маша.— От радости смеются.

— От маленькой радости смеются,— ответила мама,— а от большой плачут. А теперь спи!

Маша уснула. Уснула и Петровна. Мама подошла к окну. На ветке за окном спал Пашка. Тихо было в мире, и крупный снег, что падал и падал с неба, всё прибавлял тишины. И мама подумала, что вот так же, как снег, сыплются на людей счастливые сны и сказки.

ВАЛЕНТИН ПЕТРОВИЧ КАТАЕВ.

(1897—1986)

Дудочка и кувшинчик.

Поспела в лесу земляника.

Взял папа кружку, взяла мама чашку, девочка Женя взяла кувшинчик, а маленькому Павлику дали блюдечко.

Пришли они в лес и стали собирать ягоду: кто раньше наберёт.

Выбрала мама Жене полянку получше и говорит:

— Вот тебе, дочка, отличное местечко. Здесь очень много земляники. Ходи собирай.

Женя вытерла кувшинчик лопухом и стала ходить.

Ходила-ходила, смотрела-смотрела, ничего не нашла и вернулась с пустым кувшинчиком.

Видит — у всех земляника. У папы четверть кружки. У мамы полчашки. А у маленького Павлика на блюдечке две ягоды.

— Мама, а мама, почему у всех у вас есть, а у меня ничего нету? Ты мне, наверное, выбрала самую плохую полянку.

— А ты хорошо искала?

— Да. Там ни одной ягоды, одни листики.

— А под листики ты заглядывала?

— Не заглядывала.

— Вот видишь! Надо заглядывать.

— А почему Павлик не заглядывает?

— Павлик маленький. Он сам ростом с землянику, ему и заглядывать не надо, а ты уже девочка довольно высокая.

А папа говорит:

— Ягодки — они хитрые. Они всегда от людей прячутся. Их нужно уметь доставать. Гляди, как я делаю.

Тут папа присел, нагнулся к самой земле, заглянул под листики и стал искать ягодку за ягодкой, приговаривая:

— Одну ягодку беру, на другую смотрю, третью замечаю, а четвёртая мерещится.

— Хорошо, — сказала Женя. — Спасибо, папочка. Буду так делать.

Пошла Женя на свою полянку, присела на корточки, нагнулась к самой земле и заглянула под листики. А под листиками ягод видимо-невидимо. Глаза разбегаются.

Стала Женя рвать ягоды и в кувшинчик бросать. Рвёт и приговаривает:

— Одну ягодку беру, на другую смотрю, третью замечаю, а четвёртая мерещится.

Однако скоро Жене надоело сидеть на корточках.

«Хватит с меня, — думает. — Я уж и так, наверное, много набрала».

Встала Женя на ноги и заглянула в кувшинчик. А там всего четыре ягоды.

Совсем мало! Опять надо на корточки садиться. Ничего не поделаешь.

Села Женя опять на корточки, стала рвать ягоды, приговаривать:

— Одну ягодку беру, на другую смотрю, третью замечаю, а четвёртая мерещится.

Заглянула Женя в кувшинчик, а там всего-навсего восемь ягодок — даже дно не закрыто.

«Ну,— думает,— так собирать мне совсем не нравится. Всё время нагибайся да нагибайся. Пока наберёшь полный кувшинчик, чего доброго, и устать можно. Лучше я пойду поищу себе другую полянку».

Пошла Женя по лесу искать такую полянку, где земляника не прячется под листиками, а сама на глаза лезет и в кувшинчик просится.

Ходила-ходила, полянки такой не нашла, устала и села на пенёк отдыхать. Сидит, от нечего делать ягоды из кувшинчика вынимает и в рот кладёт. Съела все восемь ягод, заглянула в пустой кувшинчик и думает: «Что же теперь делать? Хоть бы мне кто-нибудь помог!»

Только она это подумала, как мох зашевелился, мурава раздвинулась, и из-под пенька вылез небольшой крепкий старичок: пальто белое, борода сизая, шляпа бархатная и поперёк шляпы сухая травинка.

— Здравствуй, девочка,— говорит.

— Здравствуй, дяденька.

— Я не дяденька, а дедушка. Аль не узнала? Я старик-боровик, коренной лесовик, главный начальник над всеми грибами и ягодами. О чём вздыхаешь? Кто тебя обидел?

— Обидели меня, дедушка, ягоды.

— Не знаю. Они у меня смирные. Как же они тебя обидели?

— Не хотят на глаза показываться, под листики

прячутся. Сверху ничего не видно. Нагибайся да нагибайся. Пока наберёшь полный кувшинчик, чего доброго, и устать можно.

Погладил старик-боровик, коренной лесовик свою сизую бороду, усмехнулся в усы и говорит:

— Сущие пустяки! У меня для этого есть специальная дудочка. Как только она заиграет, так сейчас же все ягоды из-под листиков и покажутся.

Вынул старик-боровик, коренной лесовик из кармана дудочку и говорит:

— Играй, дудочка.

Дудочка сама собой заиграла, и, как только она заиграла, отовсюду из-под листиков выглянули ягоды.

— Перестань, дудочка.

Дудочка перестала, и ягодки спрятались.

Обрадовалась Женя:

— Дедушка, дедушка, подари мне эту дудочку!

— Подарить не могу. А давай меняться: я тебе дам дудочку, а ты мне кувшинчик: он мне очень понравился.

— Хорошо. С большим удовольствием.

Отдала Женя старику-боровику, коренному лесовику кувшинчик, взяла у него дудочку и поскорей побежала на свою полянку. Прибежала, стала посередине, говорит:

— Играй, дудочка.

Дудочка заиграла, и в тот же миг все листики на полянке зашевелились, стали поворачиваться, как будто бы на них подул ветер.

Сначала из-под листиков выглянули самые моло-

дые любопытные ягодки, ещё совсем зелёные. За ними высунули головки ягоды постарше — одна щёчка розовая, другая белая. Потом выглянули ягоды вполне зрелые — крупные и красные. И наконец, с самого низу показались ягоды-старики, почти чёрные, мокрые, душистые, покрытые жёлтыми семечками.

И скоро вся полянка вокруг Жени оказалась усыпанной ягодами, которые ярко сквозили на солнце и тянулись к дудочке.

— Играй, дудочка, играй! — закричала Женя.— Играй быстрей!

Дудочка заиграла быстрей, и ягод высыпало ещё больше — так много, что под ними совсем не стало видно листиков.

Но Женя не унималась:

— Играй, дудочка, играй! Играй ещё быстрей.

Дудочка заиграла ещё быстрей, и весь лес наполнился таким приятным проворным звоном, точно это был не лес, а музыкальный ящик.

Пчёлы перестали сталкивать бабочку с цветка; бабочка захлопнула крылья, как книгу; птенцы малиновки выглянули из своего лёгкого гнезда, которое качалось в ветках бузины, и в восхищении разинули жёлтые рты; грибы поднимались на цыпочки, чтобы не пропустить ни одного звука, и даже старая лупоглазая стрекоза, известная своим сварливым характером, остановилась в воздухе, до глубины души восхищённая чудной музыкой.

«Вот теперь-то я начну собирать!» — подумала Женя и уже было протянула руку к самой большой и самой красной ягоде, как вдруг вспомнила, что об-

меняла кувшинчик на дудочку и ей теперь некуда класть землянику.

— У, глупая дудка! — сердито закричала девочка. — Мне ягоды некуда класть, а ты разыгралась. Замолчи сейчас же!

Побежала Женя назад к старику-боровику, коренному лесовику и говорит:

— Дедушка, а дедушка, отдай назад мой кувшинчик! Мне ягоды некуда собирать.

— Хорошо, — отвечает старик-боровик, коренной лесовик, — я тебе отдам твой кувшинчик, только ты отдай назад мою дудочку.

Отдала Женя старику-боровику, коренному лесовику его дудочку, взяла свой кувшинчик и поскорее побежала обратно на полянку.

Прибежала, а там уже ни одной ягодки не вид-

но — одни только листики. Вот несчастье! Кувшинчик есть — дудочки не хватает. Как тут быть?

Подумала Женя, подумала и решила опять идти к старику-боровику, коренному лесовику за дудочкой.

Приходит и говорит:

— Дедушка, а дедушка, дай мне опять дудочку!

— Хорошо. Только ты дай мне опять кувшинчик.

— Не дам. Мне самой кувшинчик нужен, чтобы ягоды в него класть.

— Ну, так я тебе не дам дудочку.

Женя взмолилась:

— Дедушка, а дедушка, как же я буду собирать ягоды в свой кувшинчик, когда они без твоей дудочки все под листиками сидят и на глаза не показываются? Мне непременно нужно и кувшинчик, и дудочку.

— Ишь ты, какая хитрая девочка! Подавай ей и дудочку, и кувшинчик! Обойдёшься и без дудочки, одним кувшинчиком.

— Не обойдусь, дедушка.

— А как же другие-то люди обходятся?

— Другие люди к самой земле пригибаются, под листики сбоку заглядывают, да и берут ягоду за ягодой. Одну ягоду берут, на другую смотрят, третью замечают, а четвёртая мерещится. Так собирать мне совсем не нравится. Нагибайся да нагибайся. Пока наберёшь полный кувшинчик, чего доброго, и устать можно.

— Ах, вот как! — сказал старик-боровик, коренной лесовик и до того рассердился, что борода у него

вместо сизой стала чёрная-пречёрная.— Ах, вот как! Да ты, оказывается, просто лентяйка! Забирай свой кувшинчик и уходи отсюда! Не будет тебе никакой дудочки!

С этими словами старик-боровик, коренной лесовик топнул ногой и провалился под пенёк.

Женя посмотрела на свой пустой кувшинчик, вспомнила, что её дожидаются папа, мама и маленький Павлик, поскорей побежала на свою полянку, присела на корточки, заглянула под листики и стала проворно брать ягоду за ягодой.

Одну берёт, на другую смотрит, третью замечает, а четвёртая мерещится...

Скоро Женя набрала полный кувшинчик и вернулась к папе, маме и маленькому Павлику.

— Вот умница,— сказал Жене папа,— полный кувшинчик принесла. Небось устала?

— Ничего, папочка. Мне кувшинчик помогал.

И пошли все домой — папа с полной кружкой, мама с полной чашкой, Женя с полным кувшинчиком, а маленький Павлик с полным блюдечком.

А про дудочку Женя никому ничего не сказала.

ВАЛЕРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ МЕДВЕДЕВ.

(р. 1923)

Как Воробьёнок придумал голосами меняться и что из этого вышло.

Это всё маленький Воробьёнок придумал — голосами меняться. Он и Мышонка, и Комарёнка на это подговорил, потому что он был очень завистливый, этот маленький Воробьёнок. Он только и делал, что всем завидовал. Особенно одному знакомому Собачонку, что тот может громко лаять, а он, Воробьёнок, не может. Он может только чирикать.

— Разве у нас с вами голоса? — убеждал он Мышонка и Комарёнка,— маленькие, тихие... Не знаю, как вам, но мне себя даже слушать противно. Вот у Собачонка, Медвежонка и Котёнка — вот у них это голоса: громкие, сильные, пронзительные... Неужели вам не завидно?

— Вообще-то завидно, — пропищал Комарёнок,— только зачем же они с нами голосами меняться будут? Им же, наверное, не завидно?

— Завидно не завидно, а я их уже уговорил. Согласны. Хоть сейчас, говорят, поменяемся.

— А хорошо бы мне медвежий голос,— прозвенел Комарёнок себе под нос. Ему тоже вдруг стало обидно, что у него такой слабенький голос.— Я бы как заревел на весь лес!.. Чтоб все слышали!.. У-а-у-а-у-а!..

И Комарёнок зазвенел, как бы он заревел на весь лес. Только у него ничего не получилось. Одно з-з-з-з-з, и то над самым ухом у Мышонка. Мышонок отмахнулся от Комарёнка и почесал лапой у себя за ухом. Не верилось ему, что Воробьёнок и вправду договорился с Медвежонком. А голосом своим ему тоже вдруг захотелось поменяться. У мышат ведь вообще голосов почти что нет, так, один писк: пи-пи-пи, и даже объяснить невозможно, что это за голос.

В общем, пока наши друзья думали-гадали, верили не верили, на берег реки как раз заявились Собачонок, Медвежонок и Котёнок. С шумом, конечно, заявились: Медвежонок ревёт, Собачонок лает, Котёнок мяукает!

Легки на помине! Поздоровались и, не теряя времени, начали меняться. Завистливый Воробьёнок взял себе голос Собачонка, Комарёнок с Медвежонком поменялись. А Котёнок с Мышонком.

Дело было под вечер. Не успели своими новыми голосами друг перед другом похвастаться, как уже пора по домам. Мышонок, Медвежонок, Котёнок и Собачонок по домам, конечно, разошлись, а Комарёнок и Воробьёнок — те разлетелись!

Первым добежал до дома Мышонок. Он ближе всех жил. Домик у него был под землёй. Поскрёбся он тихо в норку, слышит мамин голос за дверью:

— Кто там? Это ты, Мышик?

Мыши ведь очень пугливые и поэтому сразу двери не отворяют.

— Мяу! Мяу! — отвечает громко Мышонок. — Конечно, это я, ваш сын Мышик.

Он думал, что ему папа с мамой очень обрадуются, но за дверью стало тихо-тихо.

Мышонок поскрёбся и громче прежнего:

— Мяу-у бррияц! — что на языке кошек значит: «Откройте, это я!»

А мать с отцом услышали, что к ним в дом их враг-кошка стучится, как стрельнут через чёрный ход и в лес, к самым дальним родственникам.

Бегут и думают: «Вот до чего кошки обнаглели — в собственном доме покоя не дают!»

Мышонок мяукал-мяукал, пока не надоело. Обошёл дом. Видит: дверь с чёрного хода открыта настежь, а дома никого, отца с матерью и след простыл.

«Что такое?» — подумал Мышонок, мяукнул и недовольный улёгся спать. Не удалось перед родителями голосом новым похвастаться.

А в это время с Котёнком еще забавнее история приключилась.

Подбежал он к дому, позвонил «два длинных, три коротких».

— Это ты, Васька, пострелёнок, так поздно? — сердито спросила мама Кошка.

«Сейчас я всех удивлю», — подумал Котёнок и пропищал в ответ мышиным голоском: «Пи-пи-пи-пи» — что по-мышиному значит: «Я, мамочка».

«Что за оказия? — удивилась Кошка. — Мышонок в дверь стучится, сам в рот лезет, и за ужином охотиться не надо...»

Тут и отец Кот на мышкин голос вышел, и соседи в коридор все повылезли: «Авось и нам что-нибудь достанется».

Замерли все, только когти об пол точат да жадно облизываются.

Сняла старая Кошка крючок с дверей бесшумно, как это только кошки умеют делать. Приоткрыла дверь да как бросится на своего Котёнка, а за ней на него бросился папа Кот и все соседи. И задали же они ему трёпку, — шерсть от него так и летела во все стороны, пока не разобрались, что на своего родственника напали.

— Это ещё что за шутки? — промяукала старая Кошка. — И тебе не стыдно?

А маленький Васька-котёнок молчит, потому что ему и впрямь стало стыдно и ещё потому, что он боит-

ся сказать мышиным голосом,— опять набросятся и бока наломают. Юркнул он молча в комнату под диван, молча там лежал, а потом всё и рассказал, как дело было. А мать Кошка с отцом Котом как узнали, что он с Мышонком голосами поменялся, так его сразу за дверь и на улицу, чтобы впредь неповадно было от своего голоса отказываться.

— Стыд-то какой,— мяукнула вслед Котёнку его мама Кошка,— без своего голоса домой не возвращайся!

Вышел несчастный Котёнок на улицу, кругом ночь, чернота. Где Мышонка искать, чтобы у него свой голос обратно взять,— не знает. Мыши, они всегда от кошек адрес своих норок скрывают...

А смешнее всего история с Воробьёнком завистливым приключилась, с виновником всей этой истории. Он, когда поменялся с Собачонком голосом, сразу же домой полетел. Довольный такой, просто счастливый. Летит и на радостях лает, как Собачонок, что есть мочи и даже изо всех сил. А за ним Комарёнок, не отстаёт, на радостях тоже по-медвежонкиному рявкает, тоже изо всех сил. Птицы из гнёзд высунулись, смотрят в тёмное небо, удивляются: неужели собаки и медведи по воздуху уже летать научились?! Этого только не хватало.

А Воробьёнок тем временем летал, летал и прилетел домой, а у отца с матерью гостей полным-полно, воробьёв конечно.

Хотел он сказать «добрый вечер» по-воробьиному, а вместо этого получилось: «Гав-гав-гав!» А воробьи не кошки, но тоже очень собак боятся, тем бо-

лее летающих. Разлетелись с испуга в разные стороны. Так что Воробьёнок долго перелетал с дерева на дерево и всё спрашивал: «Вы моего папу и маму не видели?..»

А у Комарёнка ещё хуже получилось: у того от медвежьего голоса дом развалился, а мать и отец в обморок попадали. До сих пор, говорят, в себя не пришли.

А Медвежонка мать с отцом поколотили хорошенько. Он пришёл домой, родители уже спят. Лёг Медвежонок под тёплый мамин бочок и пищит по-комариному: «Спокойной ночи, мамочка!» А Медвежонкина мама этих комаров терпеть не может, особенно когда они ещё в нос кусают. Поэтому она развернулась и как ударит Медвежонка, да прямо по лбу. Запищал от боли Медвежонок, но опять не по-медвежиному, а по-комариному. Это он хотел объяснить, в чём дело. Тут отец спросонок взял да хлопнул его по затылку. Пришлось Медвежонку тоже всю ночь на улице провести.

Одним словом, всем досталось...

Кое-как ночь переждали, а утром снова все собрались у реки, на том же месте, и стали поскорей своими голосами меняться. И правильно сделали.

А Воробьёнок, который всю эту историю затеял, сказал: «Никогда никому не буду завидовать!»

И правильно сделал, что так сказал, потому что какой у тебя голос есть, таким и разговаривай, а если всё-таки начнёшь кому-нибудь или чему-нибудь завидовать, вспомни эту историю и сразу же перестанешь.

САМУИЛ ЯКОВЛЕВИЧ МАРШАК.

(1887—1964)

Двенадцать месяцев.

(Королева издаёт приказ о том, чтобы к Новому году была доставлена во дворец полная корзина подснежников, за что обещает наполнить корзину золотом. Злая мачеха отправляет падчерицу в зимний лес за подснежниками.

Перед девушкой открывается небольшая поляна, посреди которой жарко пылает высокий костёр. Вокруг костра сидят двенадцать братьев.)

Падчерица *(поклонившись).* Добрый вечер!

Январь. И тебе вечер добрый.

Падчерица. Если не помешаю я вашей беседе, позвольте мне у костра погреться.

Январь. Ну как, братья, по-вашему, позволим или нет?

Февраль. Не бывало ещё такого случая, чтобы кто-нибудь, кроме нас, у этого костра сидел.

Апрель. Не бывать-то не бывало. Это правда. Да уж если пришёл кто на огонёк наш, так пусть греется.

Май. Пусть греется. От этого жару в костре не убавится.

Декабрь. Ну, подходи, красавица, подходи, да смотри, как бы не сгореть тебе. Видишь, костёр у нас какой — так и пышет.

Падчерица. Спасибо, дедушка. Я близко не подойду, я в сторонке стану. *(Подходит к огню, стараясь никого не задеть и не толкнуть, и греет руки.)* Хорошо-то как! До чего огонь у вас лёгкий да жаркий! До самого сердца тепло стало. Обогрелась я. Спасибо вам.

Январь. А что это у тебя в руках, девушка,— корзинка никак? За шишками ты, что ли, пришла под самый Новый год, да ещё в такую метелицу?

Февраль. Лесу тоже отдохнуть надо — не всё же его обирать!

Падчерица. Не по своей воле я пришла и не за шишками.

Август *(усмехаясь)*. Так уж не за грибами ли?

Падчерица. Не за грибами, а за цветами. Прислала меня мачеха за подснежниками.

Март *(смеясь и толкая в бок Апрель-месяц)*. Слышишь, братец, за подснежниками! Значит, твоя гостья, принимай!

Все смеются.

Падчерица. Я бы и сама посмеялась, да не до смеху мне. Не велела мне мачеха без подснежников домой возвращаться.

Февраль. На что же ей среди зимы подснежники понадобились?

Падчерица. Не цветы ей нужны, а золото. Обещала наша королева целую корзину золота тому, кто принесёт во дворец корзину подснежников. Вот меня и послали в лес.

Январь. Плохо твоё дело, голубушка. Не время

теперь для подснежников — надо Апреля-месяца ждать.

Падчерица. Я и сама знаю, дедушка. Да деваться мне некуда. Ну, спасибо вам за тепло и за привет. Если помешала, не гневайтесь... *(Берёт свою корзину и медленно идёт к деревьям.)*

Апрель. Погоди, девушка, не спеши! Братец Январь, уступи мне на час своё место!

Январь. Я бы уступил, да не бывать Апрелю прежде Марта-месяца.

Март. Ну, за мной дело не станет. Что ты скажешь, братец Февраль?

Февраль. Ладно уж, и я уступлю, спорить не буду.

Январь. Если так, будь по-вашему! *(Ударяет о землю своим ледяным посохом.)*

Не трещите, морозы,
В заповедном бору,
У сосны, у берёзы
Не грызите кору!

Полно вам воронье
Замораживать,
Человечье жильё
Выхолаживать!

В лесу становится тихо. Метель улеглась. Небо покрылось звёздами.

Ну, теперь твой черёд, братец Февраль! *(Передаёт свой посох лохматому и хромому Февралю.)*

Февраль *(ударяет посохом о землю).*

Ветры, бури, ураганы,
Дуйте что есть мочи.
Вихри, вьюги и бураны,
Разыграйтесь к ночи.
В облаках трубите громко,

Вейтесь над землёю.
Пусть бежит в полях позёмка
Белою змеёю!

В ветвях гудит ветер. По поляне бежит позёмка, крутятся снежные вихри.

Февраль. Теперь твой черёд, братец Март!

Март *(берёт посох).*

Снег теперь уже не тот,—
Потемнел он в поле.
На озёрах треснул лёд,
Будто раскололи.
Облака бегут быстрей,
Небо стало выше.
Зачирикал воробей
Веселей на крыше.
Всё чернее с каждым днём
Стёжки и дорожки,
И на вербах серебром
Светятся серёжки.

Снег вдруг темнеет и оседает. Начинается капель. На деревьях... появляются почки.

Ну, теперь ты бери посох, братец Апрель.

Апрель *(берёт посох и говорит звонко, во весь мальчишеский голос).*

Разбегайтесь, ручьи,
Растекайтесь, лужи,
Вылезайте, муравьи,
После зимней стужи.
Пробирается медведь
Сквозь лесной валежник.
Стали птицы песни петь,
И расцвёл подснежник!

В лесу на поляне всё меняется.

Тает последний снег. Земля покрывается молоденькой травкой. На кочках под деревьями появляются голубые и белые цветы. Кругом каплет, течёт, журчит. Падчерица стоит, оцепенев от удивления.

Что же ты стоишь? Торопись. Нам с тобой всего один часок братья подарили.

Падчерица. Да как же всё это случилось? Неужто ради меня весна среди зимы наступила? Глазам своим поверить не смею.

Апрель. Верь — не верь, а беги скорее подснежники собирать. Не то вернётся зима, а у тебя ещё корзинка пустая.

Падчерица. Бегу, бегу! *(Исчезает за деревьями.)*

Январь *(вполголоса)*. Я её сразу узнал, как только увидел. И платочек на ней тот же самый, дырявый, и сапожонки худые, что днём на ней были. Мы, зимние месяцы, её хорошо знаем. То у проруби её встретишь с вёдрами, то в лесу с вязанкой дров. И всегда она весёлая, приветливая, идёт себе — поёт. А нынче приуныла.

Июнь. Да и мы, летние месяцы, её не хуже знаем.

Июль. Как не знать! Ещё и солнце не встанет, она уже на коленях возле грядки — полет, подвязывает, гусениц обирает. В лес придёт — зря ветки не сломит. Спелую ягоду возьмёт, а зелёную на кусте оставит: пусть себе зреет.

Ноябрь. А я её не раз дождём поливал. Жал-

ко, да ничего не поделаешь — на то я осенний месяц!

Февраль. Ох, и от меня она мало хорошего видела. Ветром я её пробирал, стужей студил. Знает она Февраль-месяц, да зато и Февраль её знает. Такой, как она, не жалко среди зимы весну на часок подарить...

Из-за деревьев выходит падчерица.

В руках у неё корзинка, полная подснежников.

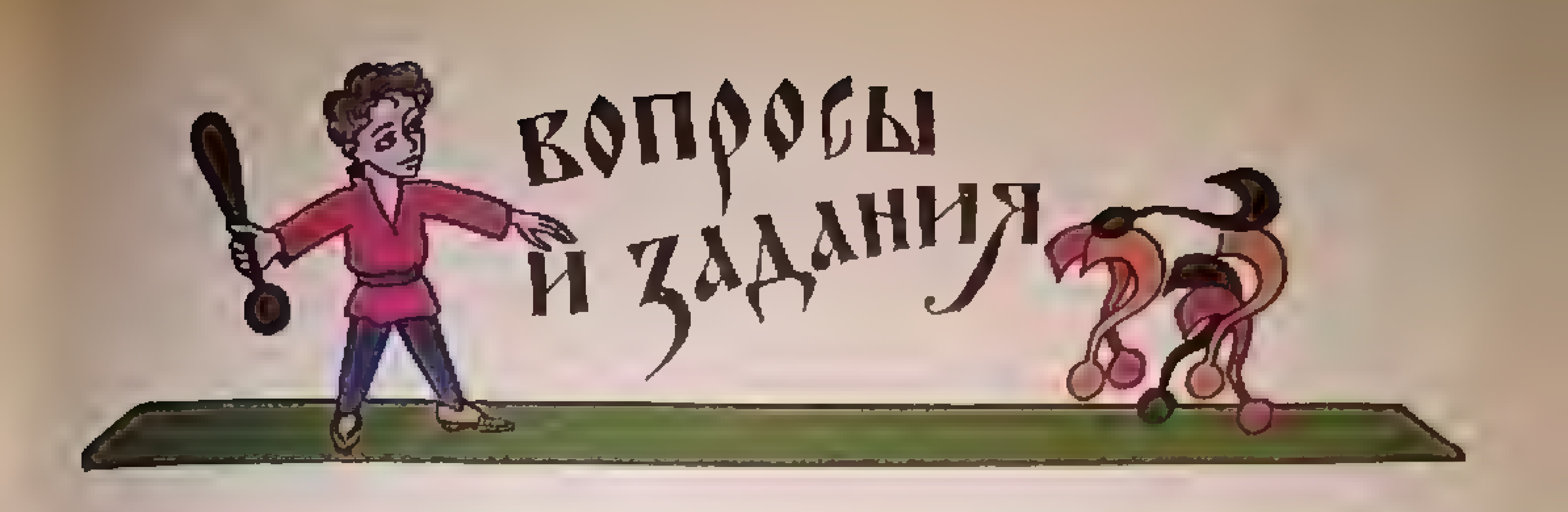
Январь. Уже полную корзину набрала? Проворные у тебя руки.

Падчерица. Да ведь их там видимо-невидимо. И на кочках, и под кочками, и в чащах, и на лужайках, и под камнями, и под деревьями! Никогда я столько подснежников не видала. Да какие всё крупные, стебельки пушистые, точно бархатные, лепестки будто хрустальные. Спасибо вам, хозяева, за доброту вашу. Если бы не вы, не видать бы мне больше ни солнышка, ни подснежников весенних. Сколько ни проживу на свете, а всё благодарить вас буду... *(Кланяется Январю-месяцу.)*

Январь. Не мне кланяйся, а брату моему меньшому — Апрелю-месяцу. Он за тебя просил, он и цветы для тебя из-под снега вывел.

Падчерица *(оборачиваясь к Апрелю-месяцу)*. Спасибо тебе, Апрель-месяц! Всегда я тебе радовалась, а теперь, как в лицо тебя увидела, так уж никогда не забуду...

(Из пьесы-сказки.)

1. Чем отличаются прочитанные тобой сказки от произведений устного народного творчества? Какая из сказок пришлась тебе по душе? Расскажи её маме или друзьям.

2. Мог ли ты предположить, читая название произведения М. Горького, что перед тобой сказка? Какая, по-твоему, это история: *весёлая, страшная, смешная, грустная?* Подтверди своё мнение чтением отрывков.

3. Приходилось ли тебе быть на рыбалке? Не приключилось ли там с тобой какой-нибудь забавной, фантастической истории? Расскажи её так, чтобы слушателям было интересно. Может быть, тебе поможет маленькое слово *вдруг*.

4. Каких морских жителей встретил Евсейка? С кем из них беседовал? Интересно ему было или боязно? А как бы ты повёл разговор, если бы вместе с Евсейкой оказался в подводном царстве? Какие иллюстрации ты бы сделал к произведению М. Горького?

5. Похоже ли произведение В. Катаева «Дудочка и кувшинчик» на обычный рассказ? А на сказку?

6. Подумай, что изменилось бы, если бы из произведения вдруг исчез эпизод встречи Жени с лесовиком? Перечитай этот момент ещё раз. Как ты считаешь, зачем писатель ввёл его в своё произведение? Ведь без него оно было бы короче, легче было бы читать.

7. Скажи, кто всё же научил Женю собирать ягоды? Кто её вразумил? Как ты думаешь, существует ли такой лесовик, которого встретила Женя, или он бывает только в сказках?

8. Знаешь ли ты, что существует народная сказка про двенадцать месяцев? Найди в библиотеке и прочитай народную сказку и сказку С. Маршака целиком. Что нового включил в свою сказку С. Маршак? Какой смысл она приобрела? Как С. Маршак обогатил народную сказку, какие новые эпизоды придумал сам? Какие достоинства есть в каждом варианте сказки?

9. Перечитай в сказках эпизоды, в которых рассказывается о волшебных превращениях простых вещей. Попробуй и ты заглянуть в этот удивительный мир фантазии. Прислушайся: вот и самая обыкновенная ручка начинает о чём-то говорить. Как ты думаешь, о чём?

ПОЭТИЧЕСКАЯ ТЕТРАДЬ

4

Саша ЧЕРНЫЙ

1880-1932

* * *

Что ты тискаешь утёнка?
Он малыш, а ты — большой.
Ишь, задравши головёнку,
Рвётся прочь он всей душой...

Ты представь такую штуку, —
Если б толстый бегемот
Захотел с тобой от скуки
Поиграть бы в свой черёд?

Взял тебя бы крепко в лапу,
Языком бы стал лизать,
Ух, как стал бы звать ты папу,
И брыкаться, и кричать!..

Ты снеси утёнка к утке,
Пусть идёт купаться в пруд, —
Лапы мальчика не шутка,
Чуть притиснешь — и капут.

Воробей.

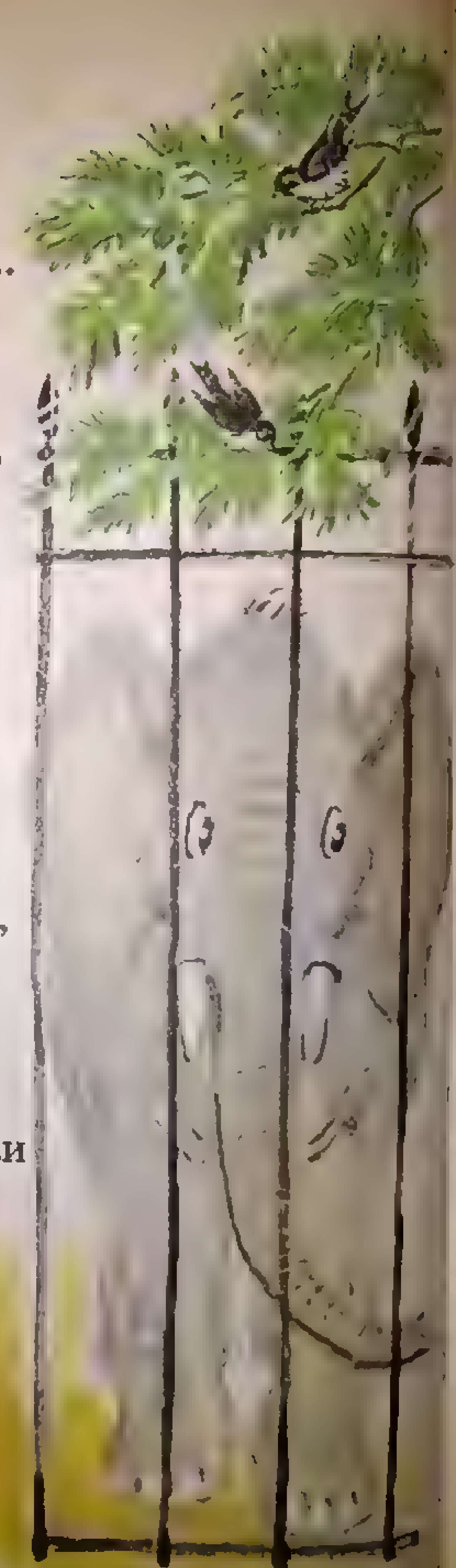
Воробей мой, воробьишка!
Серый, юркий, словно мышка.
Глазки — бисер, лапки — врозь,
Лапки — боком, лапки — вкось...

Прыгай, прыгай, я не трону,—
Видишь, хлебца накрошил...
Двинь-ка клювом в бок ворону,
Кто её сюда просил?

Прыгни ближе, ну-ка, ну-ка,
Так, вот так, ещё чуть-чуть...
Ветер сыплет снегом, злюка,
И на спинку, и на грудь.

Подружись со мной, пичужка,
Будем вместе в доме жить,
Сядем рядышком под вьюшкой,
Будем азбуку учить...

Ближе, ну ещё немножко...
Фурх! Удрал... Какой нахал!
Съел все зёрна, съел все крошки
И спасиба не сказал.

чтобы он выловил Мальку. Федя и сам видел, к чему идёт дело. Он поставил лодку поперёк течения и подправил её веслом, чтобы поймать собачонку.

— Ой, дура, куда сунулась,— приговаривал он.— Ну, матушка, давай, давай сюда!

Он бросил весло в лодку и рукой выхватил Мальку из ледяной воды. Наверное, ещё немного бы и она захлебнулась, потому что была еле жива.

— Матушка! — уговаривал её Федя.— Да разве дело? Его, дурака, да ещё и кормить! Ведь большой уж обормот, а ты всё бегаешь.

Федя причалил к берегу и выпустил дрожащую от холода и ставшую совсем крохотной Мальку.

— Беги, беги домой! — сказал он и обернулся ко мне.— Что значит животное.

И мы оба подивились Малькиной материнской верности.

ВИТАЛИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ БИАНКИ.

(1894—1959)

Мышонок Пик.

(Главы из сказки.)

Как мышонок Пик попал в мореплаватели.

Ребята пускали по реке кораблики. Брат вырезал их ножиком из толстых кусков сосновой коры. Сестрёнка прилаживала паруса из тряпочек.

На самый большой кораблик понадобилась длинная мачта.

— Надо из прямого сучка,— сказал брат, взял ножик и пошёл в кусты.

Вдруг он закричал оттуда:

— Мыши, мыши!

Сестрёнка бросилась к нему.

— Рубнул сучок,— рассказывал брат,— а они как порскнут! Целая куча! Одна вон сюда под корень. Погоди, я её сейчас...

Он перерубил ножиком корень и вытащил крошечного мышонка.

— Да какой же он малюсенький! — удивилась сестрёнка.— И жёлтый! Разве такие бывают?

— Это дикий мышонок,— объяснил брат,— полевой. У каждой породы своё имя, только я не знаю, как его зовут.

Тут мышонок открыл розовый ротик и пискнул.

— Пик! Он говорит, его зовут Пик! — засмеялась

сестрёнка.— Смотри, как он дрожит! Ай! Да у него ушко в крови. Это ты его ножиком ранил, когда доставал. Ему больно.

— Всё равно убью его,— сердито сказал брат.— Я их всех убиваю: зачем они у нас хлеб воруют.

— Пусти его,— взмолилась сестрёнка,— он же маленький!

Но мальчик не хотел слушать.

— В речку заброшу,— сказал он и пошёл к берегу...

— Стой! — закричала она брату.— Знаешь что? Посадим его в наш самый большой кораблик, и пускай он будет за пассажира!

На это брат согласился: всё равно мышонок потонет в реке. А с живым пассажиром кораблик пустить интересно.

Наладили парус, посадили мышонка в долблёное судёнышко и пустили по течению. Ветер подхватил кораблик и погнал его от берега...

Кораблекрушение.

А мышонка несло да несло на лёгком сосновом кораблике. Ветер гнал судёнышко всё дальше от берега. Кругом плескались высокие волны. Река была широкая — целое море для крошечного Пика.

Пику было всего две недели от роду. Он не умел ни пищи себе разыскивать, ни прятаться от врагов. В тот день мышка-мать первый раз вывела своих мышат из гнезда — погулять. Она как раз кормила их своим молоком, когда мальчик вспугнул всё мышиное семейство.

Пик был ещё сосунком. Ребята сыграли с ним злую шутку. Лучше бы они разом убили его, чем пускать одного, маленького и беззащитного, в такое опасное путешествие...

Первые заметили Пика большие белые чайки. Они подлетели и закружились над корабликом. Они кричали от досады, что не могут разом прикончить мышонка: боялись с лёта разбить себе клюв о твёрдую кору. Некоторые опустились на воду и вплавь догоняли кораблик.

А со дна реки поднялась щука и тоже поплыла за корабликом. Она ждала, когда чайки скинут мышонка в воду. Тогда ему не миновать её страшных зубов.

Пик слышал хищные крики чаек. Он зажмурил глаза и ждал смерти.

В это время сзади подлетела крупная хищная птица — рыболов-скопа. Чайки бросились врассыпную.

Рыболов увидел мышонка на кораблике и под ним щуку в воде. Он сложил крылья и ринулся вниз.

Он упал в реку совсем рядом с корабликом. Концом крыла он задел парус, и судёнышко перевернулось.

Когда рыболов тяжело поднялся из воды со щукой в когтях, на перевёрнутом кораблике никого не было. Чайки увидели это издали и улетели прочь: они думали, что мышонок утонул.

Пик не учился плавать. Но когда он попал в воду, оказалось, что надо было только работать лапками, чтобы не утонуть. Он вынырнул и ухватился зубами за кораблик.

Его понесло вместе с перевернувшимся судёнышком.

Скоро судёнышко прибило волнами к незнакомому берегу.

Пик выскочил на песок и кинулся в кусты.

Это было настоящее кораблекрушение, и маленький пассажир мог считать себя счастливцем, что спасся.

Страшная ночь.

Пик вымок до последней шерстинки. Пришлось вылизать всего себя язычком. После этого шёрстка скоро высохла, и он согрелся. Ему хотелось есть. Но выйти из-под куста он боялся: с реки доносились резкие крики чаек.

Так он и просидел голодный целый день.

Наконец стало темнеть. Птицы угомонились. Только звонкие волны разбивались о близкий берег.

Пик осторожно вылез из-под куста.

Огляделся — никого. Тогда он тёмным клубочком быстро покатился в траву.

Тут он принялся сосать все листья и стебли, какие попадались ему на глаза. Но молока в них не было.

С досады он стал теребить и рвать их зубами. Вдруг из одного стебля брызнул ему в рот тёплый сок. Сок был сладкий, как молоко мыши-матери.

Пик съел этот стебель и стал искать другие такие же. Он был голоден и совсем не видел, что творится вокруг него...

Тихие шорохи и шелесты слышались со всех сто-

рон в траве. Кто-то копошился там, шмыгал в кустах, прятался в кочках.

Пик ел. Он перегрызал стебли у самой земли. Стебель падал, и на мышонка летел дождь холодной росы. Зато на конце стебля Пик находил вкусный колосок. Мышонок усаживался, поднимал стебель передними лапками, как руками, и быстро съедал колосок.

Плюх-шлёп! — ударилось что-то о землю недалеко от мышонка.

Пик перестал грызть, прислушался.

В траве шуршало.

Плюх-шлёп!

Кто-то скакал по траве прямо на мышонка.

Надо скорей назад в кусты!..

Чьи-то длинные, вытянутые ноги мелькали над травой, и — шлёп! — перед самым носом Пика шлёпнулся на землю пучеглазый маленький лягушонок.

Он испуганно уставился на мышонка. Мышонок с удивлением и страхом рассматривал его голую скользкую кожу...

Так они сидели друг перед другом, и ни тот ни другой не знали, что дальше делать.

А кругом по-прежнему слышалось — плюх-шлёп! плюх-шлёп! — точно целое стадо перепуганных лягушат, спасаясь от кого-то, скакало по траве.

И всё ближе и ближе слышалось лёгкое быстрое шуршанье.

И вот на один миг мышонок увидел: позади лягушонка взметнулось длинное гибкое тело серебристо-чёрной змеи.

Змея скользнула вниз, и длинные задние ноги лягушонка дрыгнули в её разинутой пасти.

Что дальше было, Пик не видел. Он опрометью кинулся прочь и сам не заметил, как очутился на ветке куста, высоко над землёй.

Тут он и провёл остаток ночи, благо брюшко у него было туго набито травой. А кругом до рассвета слышались шорохи и шелесты.

Хвост-цеплялка и шёрстка-невидимка.

Голодная смерть больше не грозила Пику: он уже научился находить себе пищу. Но как ему одному было спастись от всех врагов?..

А Пик был один. Ему надо было скорей отыскать других мышей и пристать к ним. И Пик отправился на розыски. Где только мог, он старался пробираться кустами. В этом месте было много змей, и он боялся спускаться к ним на землю.

Лазать он научился отлично. Особенно помогал ему хвост. Хвост у него был длинный, гибкий и цепкий. С такой цеплялкой он мог лазать по тоненьким веточкам не хуже мартышки...

Наконец кусты кончились. Дальше был луг...

«Соловей-разбойник».

День за днём Пик бежал по лугу, но нигде не находил никаких следов мышей.

Наконец опять начались кусты, а за ними Пик услышал знакомый плеск речных волн.

Пришлось мышонку повернуть и направиться в другую сторону. Он бежал всю ночь, а к утру забрался под большой куст и лёг спать.

Его разбудила громкая песня. Пик выглянул из-под корней и увидел у себя над головой красивую птичку с розовой грудью, серой головкой и красно-коричневой спинкой. Мышонку очень понравилась её весёлая песня. Ему захотелось послушать певичку поближе. Он полез к ней по кусту.

Певчие птицы никогда не трогали Пика, и он их не боялся. А эта певичка и ростом-то была немного крупнее воробья.

Не знал глупый мышонок, что это был сорокопут-жулан и что он хоть и певчая птица, а промышляет разбоем.

Пик и опомниться не успел, как жулан накинулся на него и больно ударил крючковатым клювом в спину.

От сильного удара Пик кубарем полетел с ветки. Он упал в мягкую траву и не расшибся. Не успел жулан опять накинуться на него, как мышонок уже шмыгнул под корни.

Тогда хитрый «соловей-разбойник» уселся на куст и стал ждать, не выглянет ли Пик из-под корней.

Он пел очень красивые песенки, но мышонку было не до них. С того места, где сидел теперь Пик, ему был хорошо виден куст, на котором сидел жулан.

Ветки этого куста были усажены длинными острыми колючками. На колючках, как на пиках, торчали мёртвые, наполовину съеденные птенчики, ящерки, лягушата, жучки и кузнечики. Тут была воздушная кладовая разбойника.

Сидеть бы на колючке и мышонку, если бы он вышел из-под корней.

Целый день жулан сторожил Пика. Но когда зашло солнце, разбойник забрался в чащу спать. Тогда мышонок тихонько вылез из-под куста и убежал.

Может быть, впопыхах он сбился с пути, только на следующее утро он опять услышал за кустами плеск реки. И опять ему пришлось повернуть и бежать в другую сторону.

БОРИС СТЕПАНОВИЧ ЖИТКОВ.

(1882—1938)

Про обезьянку.

(В сокращении.)

Мне было двенадцать лет, и я учился в школе. Раз на перемене подходит ко мне товарищ мой Юхименко и говорит:

— Хочешь, я тебе обезьянку дам?

Я не поверил — думал, он мне сейчас шутку какую-нибудь устроит так, что искры из глаз посыплются, и скажет: «Вот это и есть «обезьянка». Не таковский я.

— Ладно,— говорю,— знаем.

— Нет,— говорит,— в самом деле. Живую обезьянку. Она хорошая. Её Яшкой зовут. А папа сердится.

— На кого?

— Да на нас с Яшкой. Убирай, говорит, куда знаешь. Я думаю, что к тебе всего лучше.

После уроков пошли мы к нему. Я всё ещё не верил. Неужели, думал, живая обезьянка у меня будет? И всё спрашивал, какая она. А Юхименко говорит:

— Вот увидишь, не бойся, она маленькая.

Действительно, оказалась маленькая. Если на лапки встанет, то не больше полуаршина. Мордочка сморщенная, старушечья, а глазки живые, блестящие. Шерсть на ней рыжая, а лапки чёрные. Как

будто человечьи руки в перчатках чёрных. На ней был надет синий жилет.

Юхименко закричал:

— Яшка, Яшка, иди! Что я дам!

И засунул руку в карман. Обезьянка закричала «Ай, ай!» и в два прыжка вскочила Юхименко на руки. Он сейчас же сунул её в шинель, за пазуху.

— Идём,— говорит.

Я глазам своим не верил. Идём по улице, несём такое чудо, и никто не знает, что у нас за пазухой.

Доро́гой Юхименко мне говорил, чем кормить.

— Всё ест, всё давай. Сладкое любит. Конфеты — беда. Дорвётся — непременно обожрётся. Чай любит жидкий и чтоб сладкий был. Ты ей внакладку. Два куска. Вприкуску не давай: сахар сожрёт, а чай пить не станет.

Я всё слушал и думал: я ей и трёх кусков не пожалею, маленькая такая, как игрушечный человек. Тут я вспомнил, что и хвоста у ней нет.

— Ты,— говорю,— хвост отрезал ей под самый корень?

— Она макака,— говорит Юхименко,— у них хвостов не растёт.

Пришли мы к нам домой. Мама и девочки сидели за обедом. Мы с Юхименко вошли прямо в шинелях.

Я говорю:

— А кто у нас есть!

Все обернулись. Юхименко распахнул шинель. Никто ещё ничего разобрать не успел, а Яшка как прыгнет с Юхименки маме на голову; толкнулся ножками — и на буфет. Всю причёску маме осадил.

Все вскочили, закричали:

— Ой, кто, кто это?

А Яшка уселся на буфет и строит морды, чавкает, зубки скалит.

Юхименко боялся, что сейчас ругать его будут, и скорей к двери. На него и не смотрели — все глядели на обезьянку. И вдруг девочки все в один голос затянули:

— Какая хорошенькая!

А мама всё причёску прилаживала.

— Откуда это?

Я оглянулся. Юхименки уже нет. Значит, я остался хозяином. И я захотел показать, что знаю, как с обезьянкой надо. Я засунул руку в карман и крикнул, как давеча Юхименко:

— Яшка, Яшка! Иди, я тебе что дам!

Все ждали. А Яшка и не глянул — стал чесаться меленько и часто чёрной лапочкой.

До самого вечера Яшка не спускался вниз, а прыгал по верхам: с буфета на дверь, с двери на шкаф, оттуда на печку.

Вечером отец сказал:

— Нельзя её на ночь так оставлять, она квартиру вверх дном переворотит.

И я начал ловить Яшку. Я к буфету — он на печь. Я его оттуда щёткой — он прыг на часы. Качнулись часы и стали. А Яшка уже на занавесках качается. Оттуда на картину, картина покосилась, — я боялся, что Яшка кинется на висячую лампу.

Но тут уже все собрались и стали гоняться за Яшкой. В него кидали мячиком, катушками, спичками и наконец загнали в угол.

Яшка прижался к стене, оскалился и защёлкал языком — пугать начал. Но его накрыли шерстяным платком и завернули, закутали.

Яшка барахтался, кричал, но его скоро укутали так, что осталась торчать одна голова. Он вертел головой, хлопал глазами, и казалось — сейчас заплачет от обиды. Не пеленать же обезьяну каждый раз на ночь! Отец сказал:

— Привязать. За жилет — и к ножке, к столу.

Я принёс верёвку, нащупал у Яшки на спине пуговицу, продел верёвку в петлю и крепко завязал. Жилет у Яшки на спине застёгивался на три пуговки. Потом я поднёс Яшку, как он был, закутанного, к столу, привязал верёвку к ножке и только тогда размотал платок...

Я достал из буфета сахару и дал Яшке. Он схватил чёрной лапочкой кусок, заткнул за щёку. От этого вся мордочка у него скривилась.

Я попросил у Яшки лапу. Он протянул мне свою ручку.

Тут я рассмотрел, какие на ней хорошенькие чёрные ноготки. Игрушечная живая ручка. Я стал гладить лапку и думаю: совсем как ребёночек. И пощекотал ему ладошку. А ребёночек-то как дёрнет лапку — раз, и меня по щеке. Я и мигнуть не успел, а он надавал мне оплеух и прыг под стол. Сел и скалится. Вот и ребёночек!

Но тут меня погнали спать.

Я хотел Яшку привязать к своей кровати, но мне не позволили. Я всё прислушивался, что Яшка делает, и думал, что непременно ему надо устроить кроватку, чтоб он спал, как люди, и укрывался одеяльцем. Голову бы клал на подушечку. Думал, думал и заснул.

Утром вскочил и, не одеваясь, к Яшке. Нет Яшки на верёвке. Верёвка есть, на верёвке жилет привязан, а обезьянки нет. Смотрю, все три пуговицы расстёгнуты. Это он расстегнул жилет, оставил его на верёвке, а сам удрал. Я искал по комнате. Шлёпаю босыми ногами. Нигде нет... Убежал, значит, на улицу. А на улице мороз — замёрзнет бедный. И самому стало холодно. Побежал одеваться. Вдруг вижу — в моей же кровати что-то возится. Одеяло шевелится. Я даже вздрогнул. Вот он где! Это ему холодно на полу стало, он удрал и ко мне на кровать. Забился под одеяло. А я спал и не знал. Яшка спросонья не

дичился, дался в руки, и я напялил на него снова синий жилет. Когда сели пить чай, Яшка вскочил на стол, огляделся, сейчас же нашёл сахарницу, запустил лапу и прыг на дверь. Он прыгал так легко, что казалось — летает, не прыгает. На ногах у обезьяны пальцы, как на руках, и Яшка мог хватать ногами. Он так и делал. Сидит, как ребёнок, на руках у кого-нибудь и ручки сложил, а сам ногой со стола тянет что-нибудь.

Стащит ножик и ну с ножом скакать. Это чтобы у него отнимали, а он будет удирать. Чай Яшке дали в стакане. Он обнял стакан, как ведро, пил и чмокал. Я уж не пожалел сахару.

Когда я ушёл в школу, я привязал Яшку к дверям, к ручке. На этот раз обвязал его вокруг пояса верёвкой, чтобы уже не мог сорваться. Когда я пришёл домой, то из прихожей увидал, чем Яшка занимается. Он висел на дверной ручке и катался на дверях, как на каруселях. Оттолкнётся от косяка и едет до стены. Пихнёт ножкой в стену и едет назад.

Когда я сел готовить уроки, я посадил Яшку на стол. Ему очень нравилось греться около лампы. Он дремал, как старичок на солнышке, покачивался и, прищурясь, глядел, как я тыкаю пером в чернила.

Но раз и мой папа рассердился на Яшку. Яшка обрывал цветы, что стояли у нас на окнах. Сорвёт лист и дразнит. Отец поймал и отдул Яшку. А потом привязал его в наказание на лестнице, что вела на чердак. Узенькая лесенка. А широкая шла из квартиры вниз.

Вот отец идёт утром на службу. Почистился, на-

дел шляпу, спускается по лестнице. Хлоп! Штукатурка падает. Отец остановился, стряхнул со шляпы. Глянул вверх — никого. Только пошёл — хлоп, опять кусок извёстки прямо на голову. Что такое?

А мне сбоку было видно, как орудовал Яшка. Он наломал от стенки извёстки, разложил по краям ступенек, а сам прилёг, притаился на лестнице, как раз у отца над головой. Только отец пошёл, а Яшка тихонько толк ножкой штукатурку со ступеньки и так ловко примерил, что прямо отцу на шляпу,— это он ему мстил за то, что отец вздул его накануне.

Но когда началась настоящая зима, завыл ветер в трубах, завалило окно снегом, Яшка стал грустным. Я его всё грел, прижимал к себе. Мордочка у Яшки стала печальная, обвисшая, он подвизгивал и жался ко мне. Я попробовал сунуть его за пазуху, под куртку. Яшка сейчас же там устроился: он схватился всеми четырьмя лапками за рубаху и так повис, как приклеился. Он так и спал там, не разжимая лап. Забудешь другой раз, что у тебя живой набрюшник под курткой, и обопрёшься о стол. Яшка сейчас лапкой заскребёт мне бок: даёт мне знать, чтоб осторожней...

Яшка долго злился на отца. Примирился Яшка с ним из-за конфет. Отец мой как раз бросил курить и вместо папирос носил в портсигаре маленькие конфетки. И каждый раз после обеда отец открывал тугую крышку портсигара большим пальцем, ногтем, и доставал конфетки. Яшка тут как тут: сидит на коленях и ждёт,— ёрзает, тянется. Вот отец раз и отдал весь портсигар Яшке. Яшка взял его в руку,

а другой рукой, совершенно как мой отец, стал подковыривать большим пальцем крышку. Пальчик у него маленький, а крышка тугая и плотная, и ничего не выходит у Яшеньки. Он завыл с досады. А конфеты брякают. Тогда Яшка схватил отца за большой палец и его ногтем, как стамеской, стал отковыривать крышку. Отца это рассмешило, он открыл крышку и поднёс Яшке. Яшка сразу запустил лапу, награбастал полную горсть, скорей в рот и бегом прочь. Не каждый же день такое счастье!..

Яшке устроили в корзинке постель: с простыней, одеяльцем, подушкой. Но Яшка не хотел спать по-человечьи: всё наматывал на себя клубком и таким чучелом сидел всю ночь. Ему сшили платьице, зелёненькое, с пелеринкой, и стал он похож на стриженую девочку из приюта.

Вот раз я слышу звон в соседней комнате. Что такое? Пробираюсь тихонько и вижу: стоит на подоконнике Яшка в зелёном платьице, в одной руке у него ламповое стекло, а в другой ёжик, и он ёжиком с остервенением чистит стекло. В такую ярость пришёл, что не слыхал, как я вошёл. Это он видел, как стёкла чистили, и давай сам пробовать.

А то оставишь его вечером с лампой, он отвернёт огонь полным пламенем — лампа коптит, сажа летает по комнате, а он сидит и рычит на лампу.

Беда стала с Яшкой, хоть в клетку сажай. Я его и ругал, и бил. Но долго не мог на него сердиться. Когда Яшка хотел понравиться, он становился очень ласковым, залезал на плечи и начинал в голове

искать. Это значит — он вас уж очень любит.

Надо ему выпросить что-нибудь — конфет там или яблоко,— сейчас залезет на плечо и заботливо начинает лапками перебирать в волосах: ищет и ноготком поскрёбывает. Ничего не находит, а делает вид, что поймал зверя: выкусывает с пальчиков чего-то.

Вот раз пришла к нам в гости дама. Она считала, что она раскрасавица. Разряженная. Вся так шёлком и шуршит. На голове не причёска, а прямо целая беседка из волос накручена — в завитках, в локончиках. А на шее на длинной цепочке зеркальце в серебряной оправе.

Яшка осторожно к ней по полу подскочил.

— Ах, какая обезьянка миловидная! — говорит дама. И давай зеркальцем с Яшкой играть.

Яшка поймал зеркальце, повертел — прыг на колени к даме и стал зеркальце на зуб пробовать.

Дама отняла зеркальце, зажала в руке. А Яшке хочется зеркало получить. Дама погладила небрежно Яшку перчаткой и потихоньку спихивает с колен. Вот Яшка и решил понравиться, подольститься к даме. Прыг ей на плечо. Крепко ухватился за кружева задними лапками и взялся за причёску. Раскопал завитки и стал искать. Дама покраснела.

— Пошёл, пошёл! — говорит.

Не тут-то было! Яшка ещё больше старается: скребёт коготками, зубами щёлкает.

Дама эта всегда против зеркала садилась, чтоб на себя полюбоваться, и видит в зеркало, что взлохматил её Яшка,— чуть не плачет. Я двинулся на

выручку. Куда там! Яшка вцепился что было силы в волосы и на меня глядит дико. Дама дёрнула его за шиворот, и своротил ей Яшка причёску. Глянула на себя в зеркало — чучело чучелом. Я замахнулся, спугнул Яшку, а гостья наша схватилась за голову и в дверь.

— Безобразие, — говорит, — безобразие! — И не попрощалась ни с кем.

«Ну, — думаю, — держу до весны и отдам кому-нибудь, если Юхименко не возьмёт. Уж столько мне попадало за эту обезьянку».

И вот настала весна. Потеплело. Яшка ожил и ещё больше проказил. Очень ему хотелось на двор, на волю. А двор у нас был огромный, с десятину. Посреди двора был сложен горой казённый уголь, а вокруг склады с товаром. И от воров сторожа держали на дворе целую свору собак. Собаки большие, злые. А всеми собаками командовал рыжий пёс Каштан. На кого Каштан зарычит, на того все собаки бросаются. Кого Каштан пропустит, и собаки не тронут. А чужую собаку бил Каштан с разбегу грудью. Ударит, с ног собьёт и стоит над ней, рычит, а та уж и шелохнуться боится.

Я посмотрел в окно — вижу, нет собак во дворе. Дай, думаю, пойду выведу Яшеньку погулять первый раз. Я надел на него зелёненькое платьице, чтобы он не простудился, посадил к себе на плечо и пошёл. Только я двери раскрыл, Яшка — прыг наземь и побежал по двору. И вдруг, откуда ни возьмись, вся стая собачья, и Каштан впереди, прямо на Яшку. А он, как зелёненькая куколка, стоит малень-

кий. Я уж решил, что пропал Яшка — сейчас разорвут. Каштан сунулся к Яшке. Но Яшка повернулся к нему, присел, прицелился. Каштан стал за шаг от обезьянки, оскалился и ворчал, но не решался броситься на такое чудо. Собаки все ощетинились и ждали, что Каштан.

Я хотел броситься выручать. Но вдруг Яшка прыгнул и в один момент уселся Каштану на шею. И тут шерсть клочьями полетела с Каштана. По морде и глазам бил Яшка, так что лап не видно было. Взвыл Каштан, и таким ужасным голосом, что все собаки врассыпную бросились. Каштан сломя голову пустился бежать, а Яшка сидит, вцепился ногами в шерсть, крепко держится, а руками рвёт Каштана за уши, щиплет шерсть клочьями. Каштан с ума сошёл: носится вокруг угольной горы с диким воем. Раза три обежал Яшка верхом вокруг двора и на ходу спрыгнул на уголь. Взобрался не торопясь на самый верх. Там была деревянная будка; он влез на будку, уселся и стал чесать себе бок как ни в чём не бывало. Вот, мол, я — мне нипочём!

А Каштан — в ворота от страшного зверя.

С тех пор я смело стал выпускать Яшку во двор: только Яшка с крыльца — все собаки в ворота. Яшка никого не боялся...

Но вот нашёлся у Якова враг. Да какой! Во дворе был кот. Ничей. Он жил при конторе, и все его кормили объедками. Он разжирел, стал большой, как собака. Злой был и царапучий.

И вот раз под вечер гулял Яшка по двору. Я его никак не мог дозваться домой. Вижу, вышел во двор

котище и прыг на скамью, что стояла под деревом. Яшка как увидел кота — прямо к нему. Присел и идёт не спеша на четырёх лапах. Прямо к скамье и глаз с кота не спускает. Кот подобрал лапы, спину нагорбил, приготовился. А Яшка всё ближе ползёт. Кот глаза вытаращил, пятится. Яшка — на скамью. Кот всё задом на другой край, к дереву. У меня сердце замерло. А Яшка по скамье ползёт на кота. Кот уж в комок сжался, подобрался весь. И вдруг — прыг, да не на Яшку, а на дерево. Вцепился за ствол и глядит сверху на обезьянку. А Яшка всё тем же ходом к дереву. Кот поцарапался выше — привык на деревьях спасаться. А Яшка на дерево, и всё не спеша, целится на кота чёрными глазками. Кот выше, влез на ветку и сел с самого краю. Смотрит, что Яшка будет делать. А Яков по той же ветке ползёт и так уверенно, будто он сроду ничего другого не делал, а только котов ловил. Кот уж на самом краю, на тоненькой веточке еле держится, качается. А Яков ползёт и ползёт, цепко перебирает всеми четырьмя ручками. Вдруг кот прыг с самого верху на мостовую, встряхнулся и во весь дух прочь без оглядки. А Яшка с дерева ему вдогонку: «Иай, йау!» — каким-то страшным, звериным голосом, — я у него никогда такого не слышал.

Теперь уж Яков стал совсем царём во дворе. Дома он уже есть ничего не хотел, только пил чай с сахаром. И раз так на дворе изюму наелся, что еле-еле его отходили. Яшка стонал, на глазах слёзы, и на всех капризно смотрел. Всем было сначала очень жалко Яшку, но когда он увидел, что с ним возятся,

стал ломаться и разбрасывать руки, закидывать голову и подвывать на разные голоса. Решили его укутать и дать касторки. Пусть знает.

А касторка ему так понравилась, что он стал орать, чтобы ему ещё дали. Его запеленали и три дня не пускали на двор.

Яшка скоро поправился и стал рваться во двор. Я за него не боялся. Поймать его никто не мог, и Яшка целыми днями прыгал по двору. Дома стало спокойнее, и мне меньше влетало за Яшку. И как настала осень, все в доме в один голос:

— Куда хочешь убирай свою обезьянку или сажай в клетку. А чтоб по всей квартире эта сатана не носилась.

То говорили, какая хорошенькая, а теперь, думаю, сатана стала. И как только началось ученье, я стал искать в классе, кому бы сплавить Яшку.

Подыскал наконец товарища, отозвал в сторонку и сказал:

— Хочешь, я тебе обезьянку подарю? Живую.

Не знаю уж, кому он потом Яшку сплавил. Но первое время, как не стало Яшки в доме, я видел, что все немного скучали, хоть признаваться и не хотели.

ВЛАДИМИР ЛЕОНИДОВИЧ ДУРОВ.

(1863—1934)

Наша Жучка.

Когда я был маленький, я учился в военной гимназии. Там, кроме всяких наук, учили нас ещё стрелять, маршировать, отдавать честь, брать на караул — всё равно как солдат. У нас была своя собака Жучка. Мы её очень любили, играли с ней и кормили её остатками от казённого обеда.

И вдруг у нашего надзирателя, у «дядьки», появилась своя собака, тоже Жучка. Жизнь нашей Жучки сразу переменилась: «дядька» заботился только о своей Жучке, а нашу бил и мучал. Однажды он плеснул на неё кипятком. Собака с визгом бросилась бежать, а потом мы увидели: у нашей Жучки на боку и на спине облезла шерсть и даже кожа! Мы страшно разозлились на «дядьку». Собрались в укромном уголке коридора и стали придумывать, как отомстить ему.

— Надо его проучить,— говорили ребята.

— Надо вот что... надо убить его Жучку!

— Правильно! Утопить!

— А где утопить? Лучше камнем убить!

— Нет, лучше повесить!

— Правильно! Повесить! Повесить!

«Суд» совещался недолго. Приговор был принят единогласно: смертная казнь через повешение.

— Постойте, а кто будет вешать?

Все молчали. Никому не хотелось быть палачом.

— Давайте жребий тянуть! — предложил кто-то.

— Давайте!

В гимназическую фуражку были положены записки. Я почему-то был уверен, что мне достанется пустая, и с лёгким сердцем сунул руку в фуражку. Достал записку, развернул и прочитал: «Повесить».

Мне стало неприятно. Я позавидовал товарищам, которым достались пустые записки, но всё же пошёл за «дядькиной» Жучкой.

Собака доверчиво виляла хвостом. Кто-то из наших сказал:

— Ишь, гладкая! А у нашей весь бок облезлый.

Я накинул Жучке на шею верёвку и повёл в сарай. Жучка весело бежала, натягивая верёвку и оглядываясь. В сарае было темно. Дрожащими пальцами я нащупал над головой толстую поперечную балку; потом размахнулся, перекинул верёвку через балку и стал тянуть.

Вдруг я услыхал хрипение. Собака хрипела и дёргалась. Я задрожал, зубы у меня защёлкали, как от холода, руки сразу стали слабые, пальцы разжались... Я выпустил верёвку, и собака тяжело упала на землю.

Я почувствовал страх, жалость и любовь к собаке. Что делать? Она, наверно, задыхается сейчас в предсмертных мучениях! Надо скорее добить её, чтобы не мучилась. Я нашарил камень и размахнулся. Камень ударился обо что-то мягкое. Я не выдержал, заплакал и бросился вон из сарая. Убитая собака осталась там...

В ту ночь я плохо спал. Всё время мне мерещилась Жучка, всё время в ушах слышалось её предсмертное хрипение.

Наконец настало утро. Разбитый, с головной болью, я кое-как поднялся, оделся и пошёл на занятия.

И вдруг на плацу, где мы всегда маршировали, я увидел чудо. Что такое? Я остановился и протёр глаза. Собака, убитая мною накануне, стояла, как всегда, около нашего «дядьки» и помахивала хвостом. Завидев меня, она как ни в чём не бывало подбежала и с ласковым повизгиванием стала тереться у ног.

Как же так? Я её вешал, а она не помнит зла и ещё ласкается ко мне! Слёзы выступили у меня на глазах. Я нагнулся к собаке и стал её обнимать и

целовать в косматую морду. Я понял: там, в сарае, я угодил камнем в глину, а Жучка осталась жива.

Вот с тех пор я и полюбил животных. А потом, когда вырос, стал воспитывать зверей и учить их, то есть дрессировать. Только я их учил не палкой, а лаской, и они меня тоже любили и слушались.

ВИКТОР ПЕТРОВИЧ АСТАФЬЕВ.
(р. 1924)

Капалуха.

Мы приближались к альпийским уральским лугам, куда гнали колхозный скот на летнюю пастьбу.

Тайга поредела. Леса были сплошь хвойные, покоробленные ветками и северной стужей. Лишь кое-где среди редколапых елей, пихт и лиственниц пошевеливали робкой листвой берёзки и осинки, да меж деревьев развёртывал свитые улитками ветви папоротник.

Стадо телят и бычков вытянулось на старую, заваленную деревьями просеку. Бычки и телята, да и мы тоже, шли медленно и устало, с трудом перебирались через сучковатый валежник.

В одном месте на просеку выдался небольшой бугорочек, сплошь затянутый бледнолистым доцветающим черничником. Зелёные пупырышки будущих черничных ягод выпустили чуть заметные серые былиночки-лепестки, и они как-то незаметно

осыпались. Потом ягодка начнёт увеличиваться, багроветь, затем синеть и сделается чёрной с седоватым налётом.

Вкусна ягода черника, когда созреет, но цветёт она скромно, пожалуй, скромнее всех других ягодников. У черничного бугорка поднялся шум. Побежали телята, задрав хвосты, закричали ребятишки, которые гнали скот вместе с нами.

Я поспешил к бугорку и увидел, как по нему с распущенными крыльями бегает кругами глухарка (охотники чаще называют её капалухой).

— Гнездо! Гнездо! — кричали ребята.

Я стал озираться по сторонам, ощупывать глазами черничный бугор, но никакого гнезда не видел.

— Да вот же, вот! — показали ребятишки на зелёную корягу, возле которой я стоял.

Я глянул, и сердце моё забилось от испуга —

чуть было не наступил на гнездо. Нет, оно не на бугорке было свито, а посреди просеки, под упругим выдавшимся из земли корнем. Обросшая мхом со всех сторон и сверху тоже, затянутая седыми космами, эта неприметная хатка была приоткрыта в сторону черничного бугорка. В хатке утеплённое мхом гнездо. В гнезде четыре рябоватых светло-коричневых яйца. Яйца чуть поменьше куриных. Я потрогал одно яйцо пальцем — оно было тёплое, почти горячее.

— Возьмём! — выдохнул мальчишка, стоявший рядом со мною.

— Зачем?

— Да так!

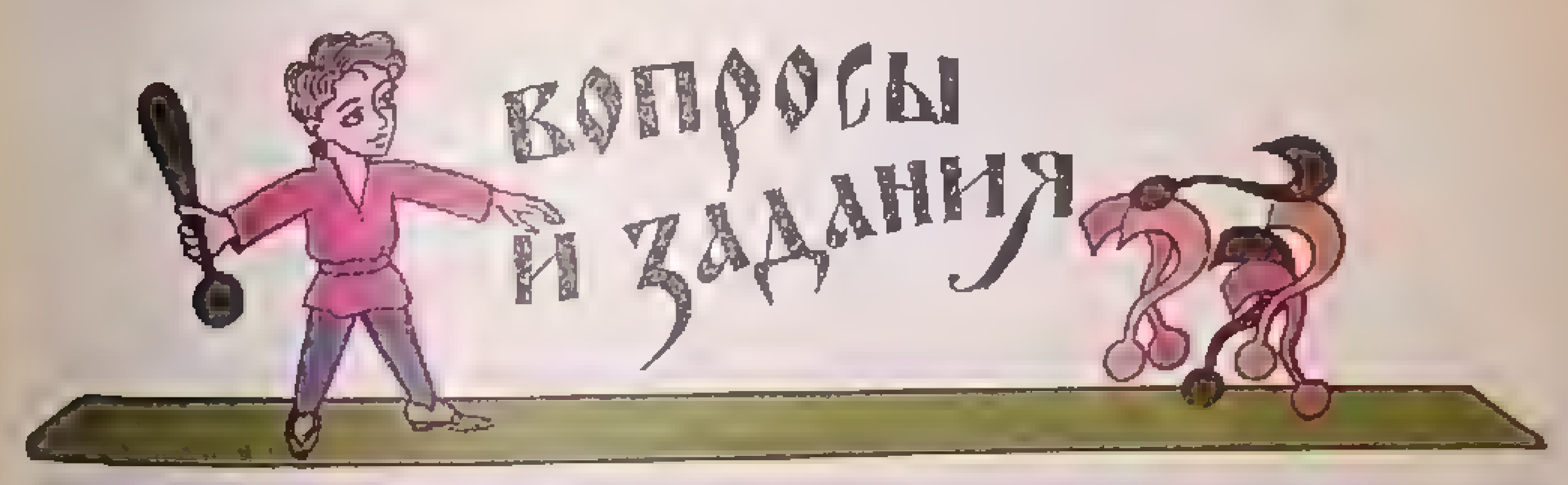
— А что будет с капалухой? Вы поглядите на неё!

Капалуха металась в стороне. Крылья у неё всё ещё разброшены, и она мела ими землю. На гнезде она сидела с распущенными крыльями, прикрывала своих будущих птенцов, сохраняла для них тепло. Потому и закостенели от неподвижности крылья птицы. Она пыталась и не могла взлететь. Наконец взлетела на ветку ели, села над нашими головами. И тут мы увидели, что живот у неё голый вплоть до шейки и на голой, пупыристой груди часто-часто трепещет кожа. Это от испуга, гнева и бесстрашия билось птичье сердце.

— А пух-то она выщипала сама и яйца греет голым животом, чтобы каждую каплю своего тепла отдать зарождающимся птицам, — сказал подошедший учитель.

И все весело побежали от капалухиного гнезда. Капалуха сидела на сучке, вытянув вслед нам шею. Но глаза её уже не следили за нами. Они целились на гнездо, и, как только мы немного отошли, она плавно слетела с дерева, заползла в гнездо, распустила крылья и замерла.

Глаза её начали затягиваться дрёмной плёнкой. Но вся она была настороже, вся напружена. Сердце капалухи билось сильными толчками, наполняя теплом и жизнью четыре крупных яйца, из которых через неделю-две, а может, и через несколько дней появятся головастые глухарята.

1. Ещё раз просмотри произведения этого раздела. О чём они? Что их объединяет? Реальные события в них описаны или вымышленные? Подтверди свою точку зрения.

2. Что нового ты узнал о жизни животных, их повадках, отношениях между людьми и «братьями нашими меньшими»?

3. Расскажи, есть ли у тебя дома зверёк или птичка. Напиши рассказ о своём любимце, запиши его в тетрадь.

4. Испытывал ли ты чувство тоски, большой потери при расставании с каким-либо живым существом?

5. Расскажи, что тебе известно об авторах рассказов, помещённых в этом разделе. Назови свои любимые произведения о животных.

6. Можно ли сказать, что сказка И. Соколова-Микитова «Листопадничек» имеет радостный, добрый, благополучный конец? А теперь попробуй придумать такой конец сказки, чтобы она заканчивалась печально. Какой смысл ты вложишь в свою концовку? А какой смысл заключил в свою сказку И. Соколов-Микитов?

7. Представь, что ты попал в сказку и вместе с мышонком Пиком совершил путешествие. Расскажи своими словами о том, что происходило.

8. Подумай — зачем сочинил эту сказку В. Бианки. Кому ты сочувствуешь, за кого переживаешь? Как ты думаешь, чем окончилось это путешествие? Если хочешь об этом узнать, найди в библиотеке книгу В. Бианки и прочти её.

ПОЭТИЧЕСКАЯ ТЕТРАДЬ 5

СКАЗКИ

Голос в лесу.

В лесу над росистой поляной
Кукушка встречает рассвет.
В тиши её голос стеклянный
Звучит, как вопрос и ответ.

И память о летнем рассвете
Я в город с собой унесу:
Пускай мне зимою о лете
Напомнит кукушка в лесу.

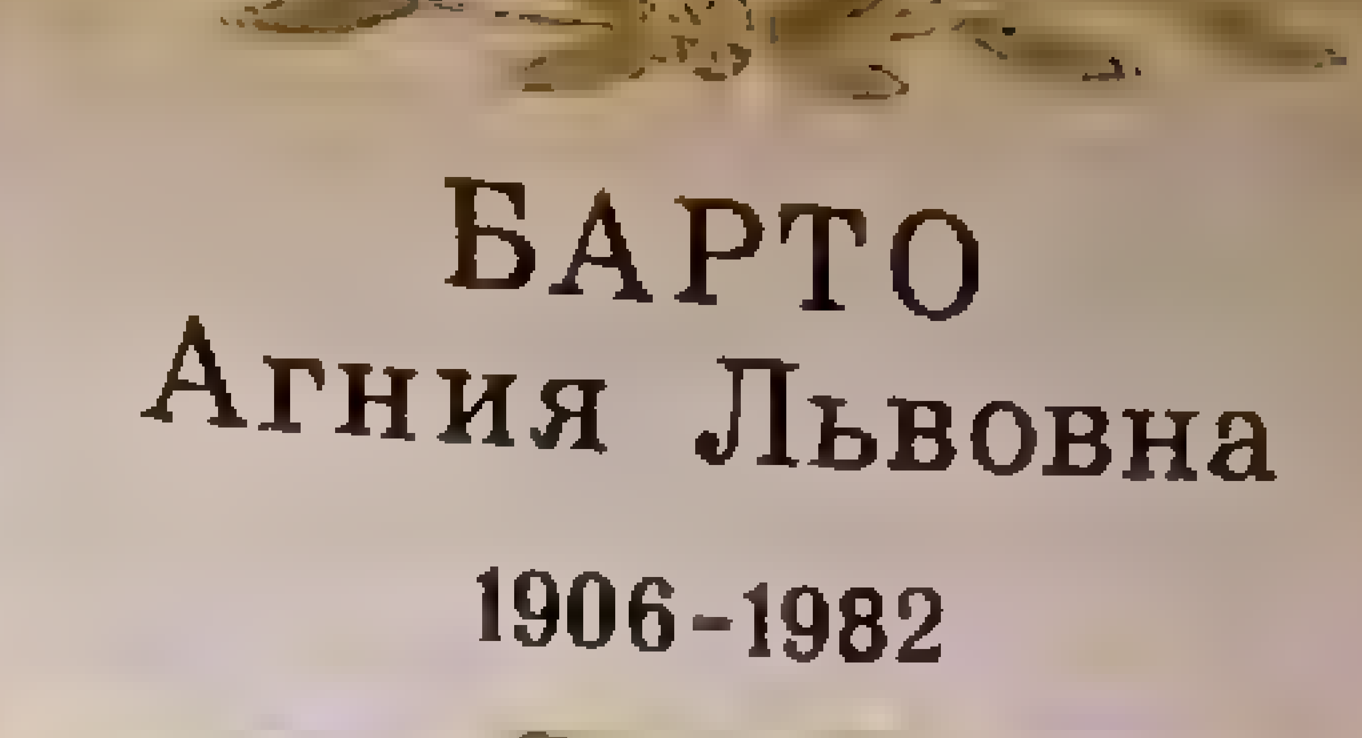
Припомню я лагерь, палатки
На самой опушке лесной
И птицу, игравшую в прятки
В рассветном тумане со мной.

Гроза днём.

По небу голубому
Проехал грохот грома,
И снова всё молчит.
А миг спустя мы слышим,
Как весело и быстро
По всем зелёным листьям,
По всем железным крышам,
По цветникам, скамейкам,
По вёдрам и по лейкам
Стеклянный дождь стучит.

БАРТО
Агния Львовна

1906-1982

Разлука.

Всё я делаю для мамы:
Для неё играю гаммы,
Для неё хожу к врачу,
Математику учу.

Все мальчишки в речку лезли,
Я один сидел на пляже,
Для неё после болезни
Не купался в речке даже.

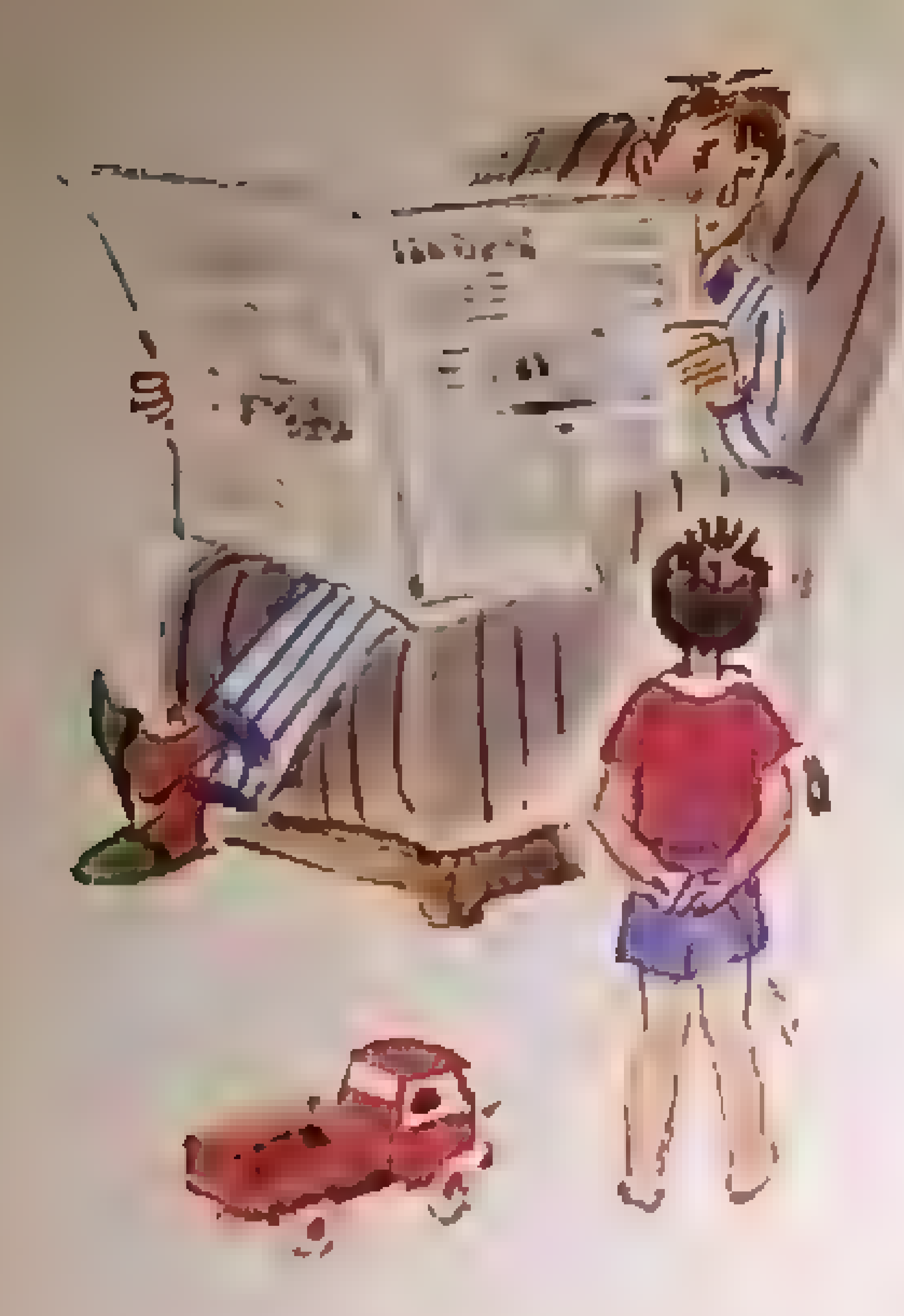
Для неё я мою руки,
Ем какие-то морковки...
Только мы теперь в разлуке:
Мама в городе Прилуки,
Пятый день в командировке.

Ну, сначала я, без мамы,
Отложил в сторонку гаммы,
Нагляделся в телевизор
На вечерние программы.

Я сидел не слишком близко,
Но в глазах пошли полоски.

Там у них одна артистка
Ходит в маминой причёске.
И сегодня целый вечер
Что-то мне заняться нечем!

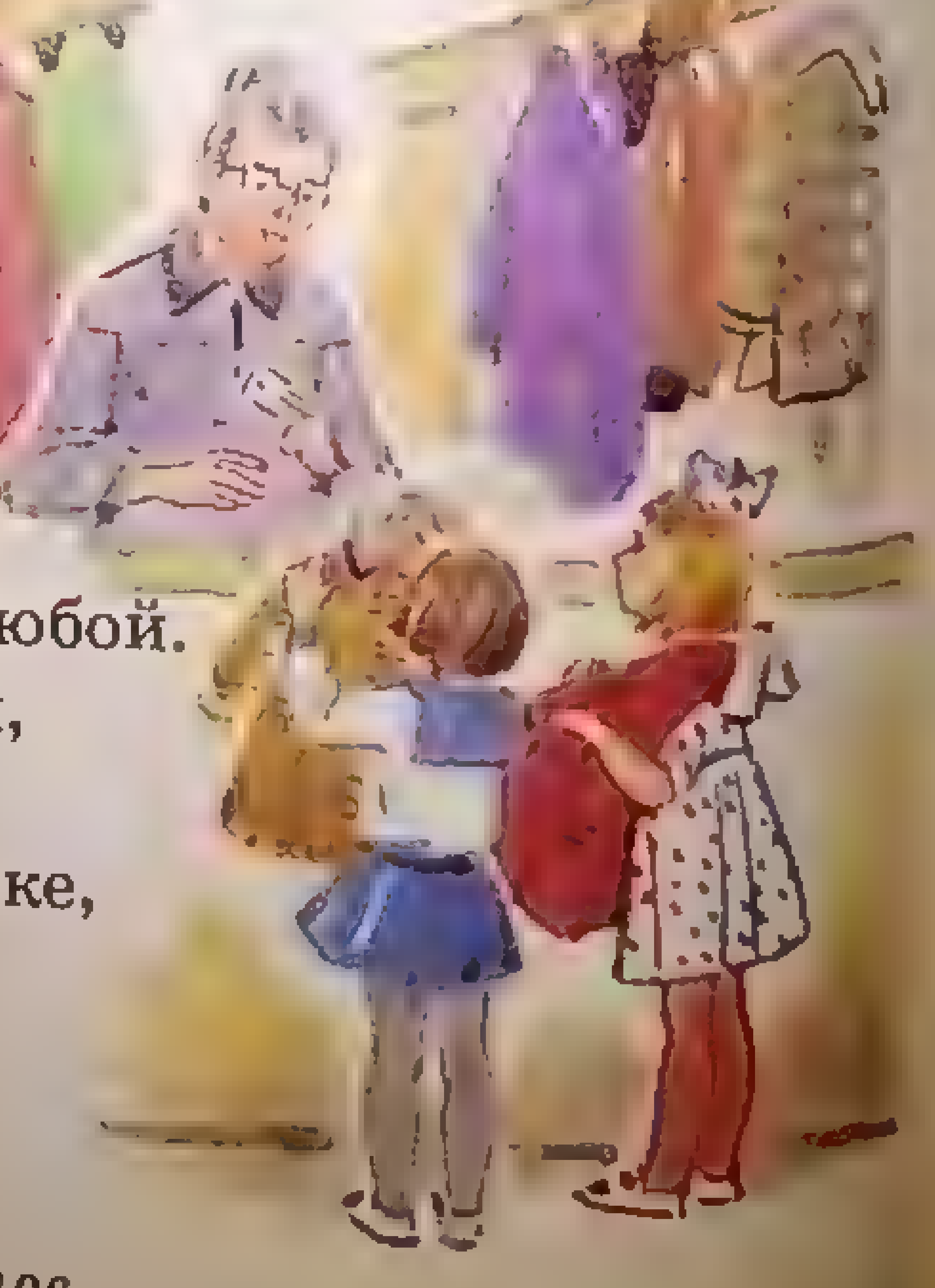
У отца в руках газета,
Только он витает где-то,
Говорит: «Потерпим малость,
Десять дней ещё осталось...»

И, наверно, по привычке
Или, может быть, от скуки
Я кладу на место спички
И зачем-то мою руки.

И звучат печально гаммы
В нашей комнате. Без мамы.

В театре.

Когда мне было
Восемь лет,
Я пошла
Смотреть балет.

Мы пошли с подругой Любой.
Мы в театре сняли шубы,
Сняли тёплые платки.
Нам в театре, в раздевалке,
Дали в руки номерки.

Наконец-то я в балете!
Я забыла всё на свете!

Даже три помножить на три
Я сейчас бы не могла.
Наконец-то я в театре,
Как я этого ждала!

Я сейчас увижу фею
В белом шарфе и венке.
Я сижу, дышать не смею,
Номерок держу в руке.

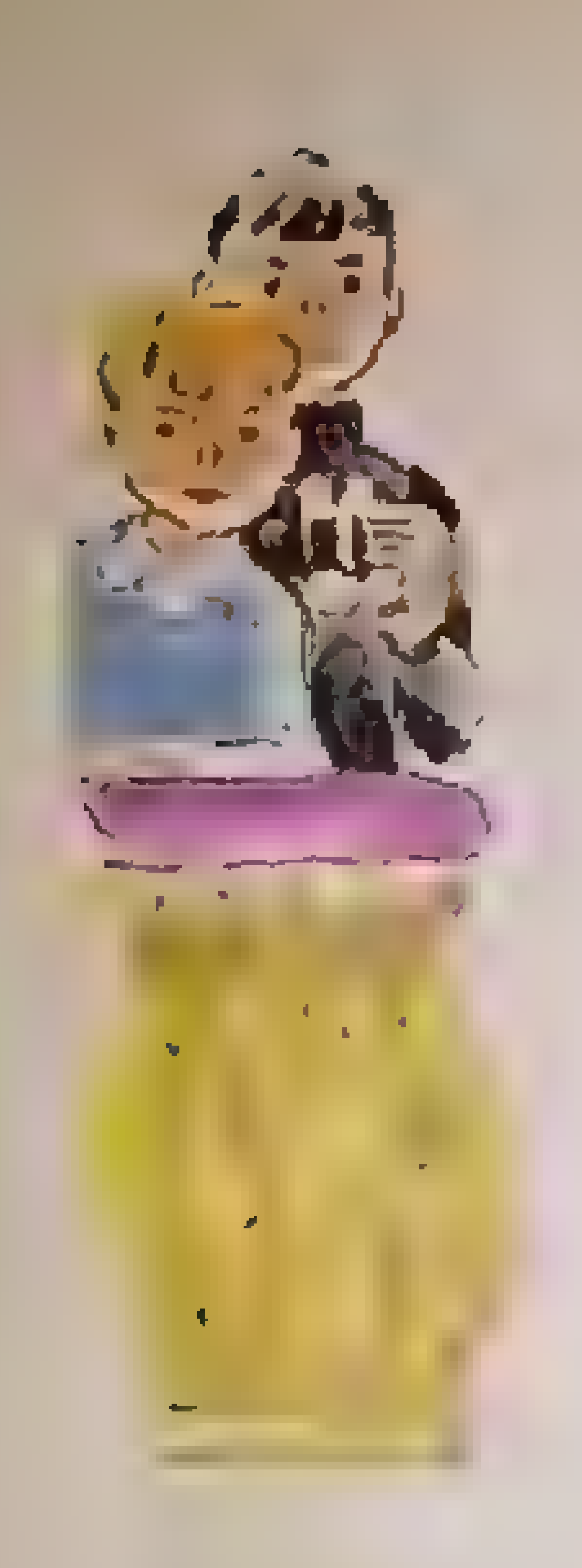
Вдруг оркестр грянул в трубы!
Мы с моей подругой Любой
Даже вздрогнули слегка.
Вдруг вижу — нету номерка.

Фея кружится на сцене —
Я на сцену не гляжу.
Обыскала все колени —
Номерка не нахожу.

Может, он
Под стулом где-то?
Мне теперь
Не до балета!

Всё сильней играют трубы,
Пляшут гости на балу,
А мы с моей подругой Любой
Ищем номер на полу.

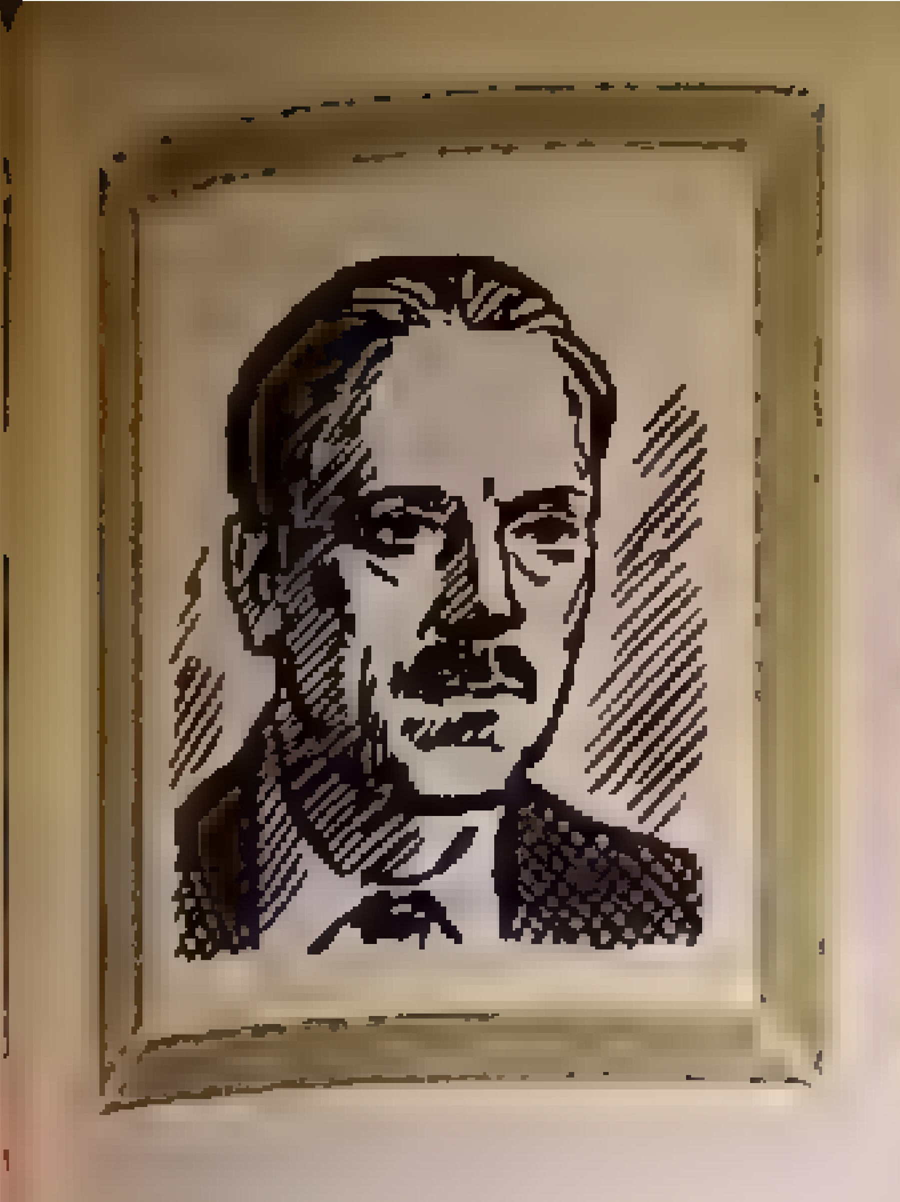

Укатился он куда-то...
Я в девятый ряд ползу.
Удивляются ребята:
— Кто там ползает внизу?

По сцене бабочка порхала —
Я не видала ничего:
Я номерок внизу искала
И наконец нашла его.

А тут как раз зажёгся свет,
И все ушли из зала.
— Мне очень нравится балет,—
Ребятам я сказала.

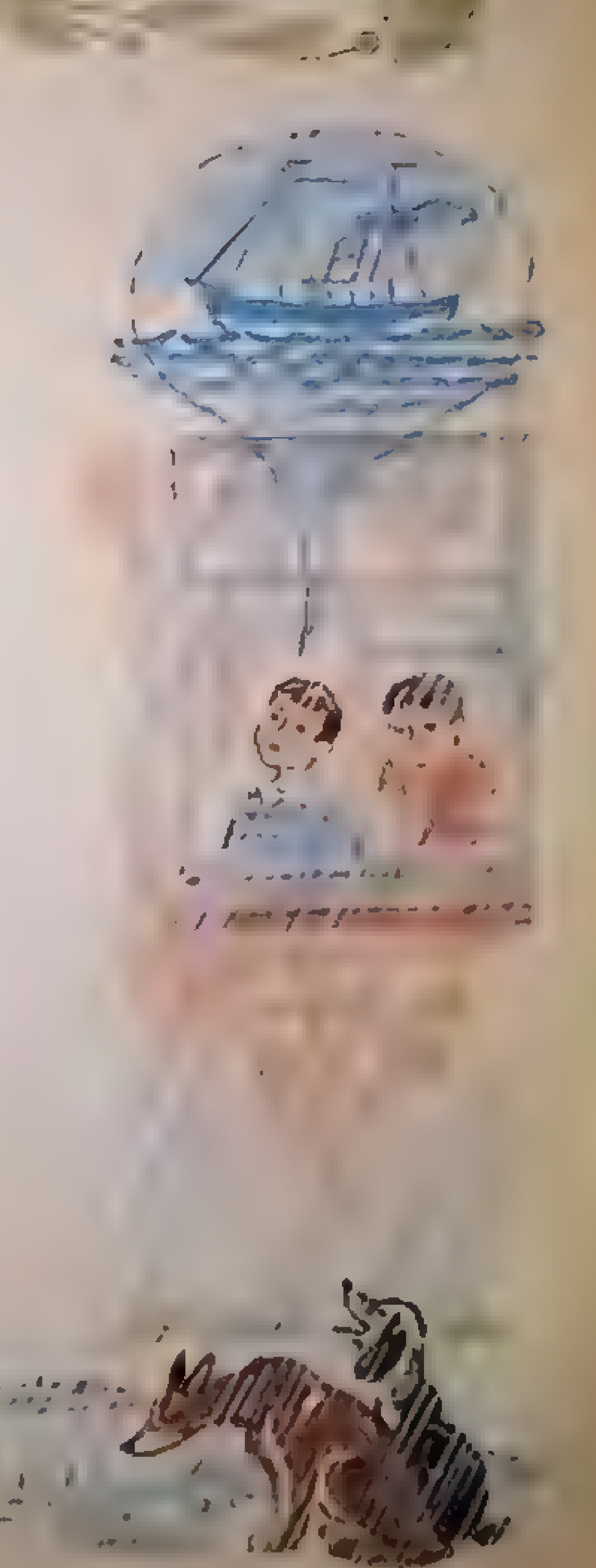

МИХАЛКОВ Сергей Владимирович

род. 1913 г.

Если.

Мы сидим и смотрим в окна.
Тучи по небу летят.
На дворе собаки мокнут,
Даже лаять не хотят.

Где же солнце?
Что случилось?
Целый день течёт вода.
На дворе такая сырость,
Что не выйдешь никуда.

Если взять все эти лужи
И соединить в одну
И потом у этой лужи
Сесть,
Измерить глубину,
То окажется, что лужа
Моря Черного не хуже,
Только море чуть поглубже,
Только лужа чуть поуже.

Если взять все эти тучи
И соединить в одну
И потом на эту тучу
Влезть,
Измерить ширину,
То получится ответ,
Что краёв у тучи нет,
Что в Москве из тучи — дождик,
А в Чите из тучи — снег.

Если взять все эти капли
И соединить в одну,
А потом у этой капли
Ниткой смерить глубину —
Будет каплища такая,
Что не снилось никому,
И не приснится никогда
В таком количестве вода!

Рисунок.

Я карандаш с бумагой взял,
Нарисовал дорогу,
На ней быка нарисовал,
А рядом с ним корову.

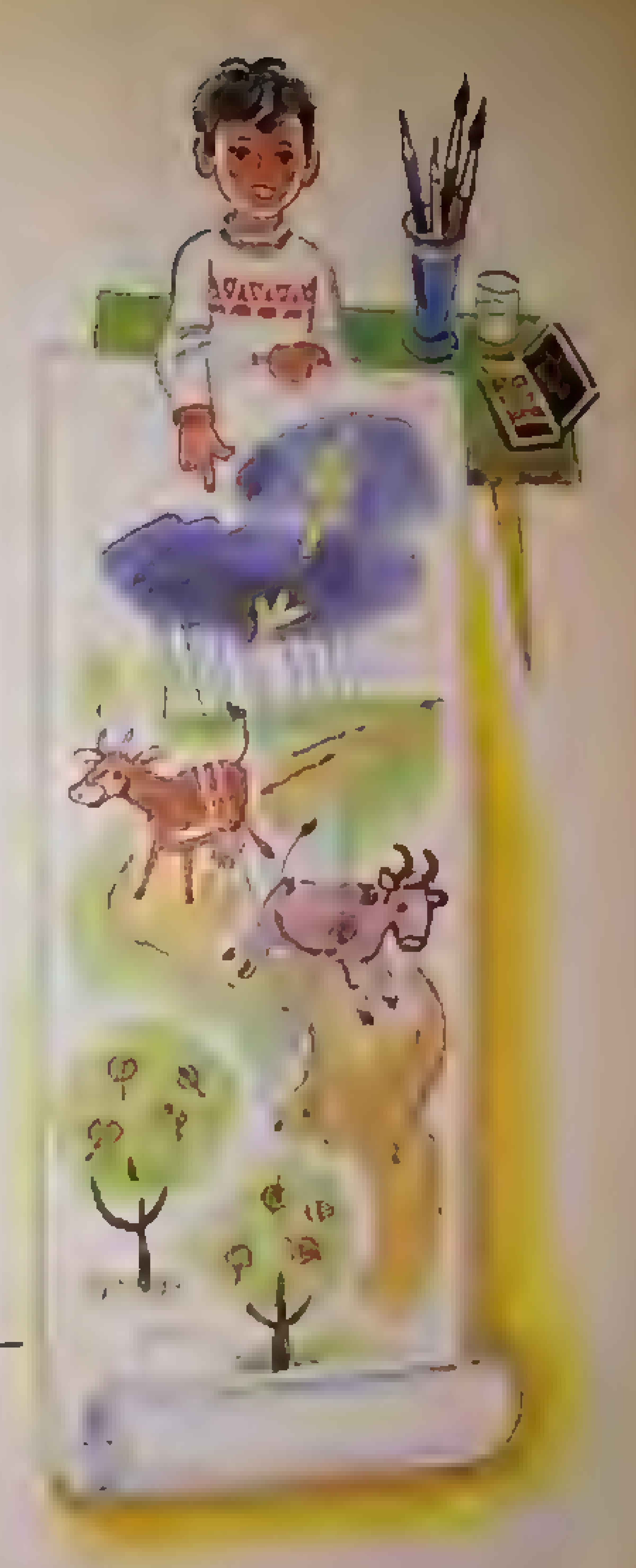
Направо дождь, налево сад,
В саду пятнадцать точек,
Как будто яблоки висят,
И дождик их не мочит.

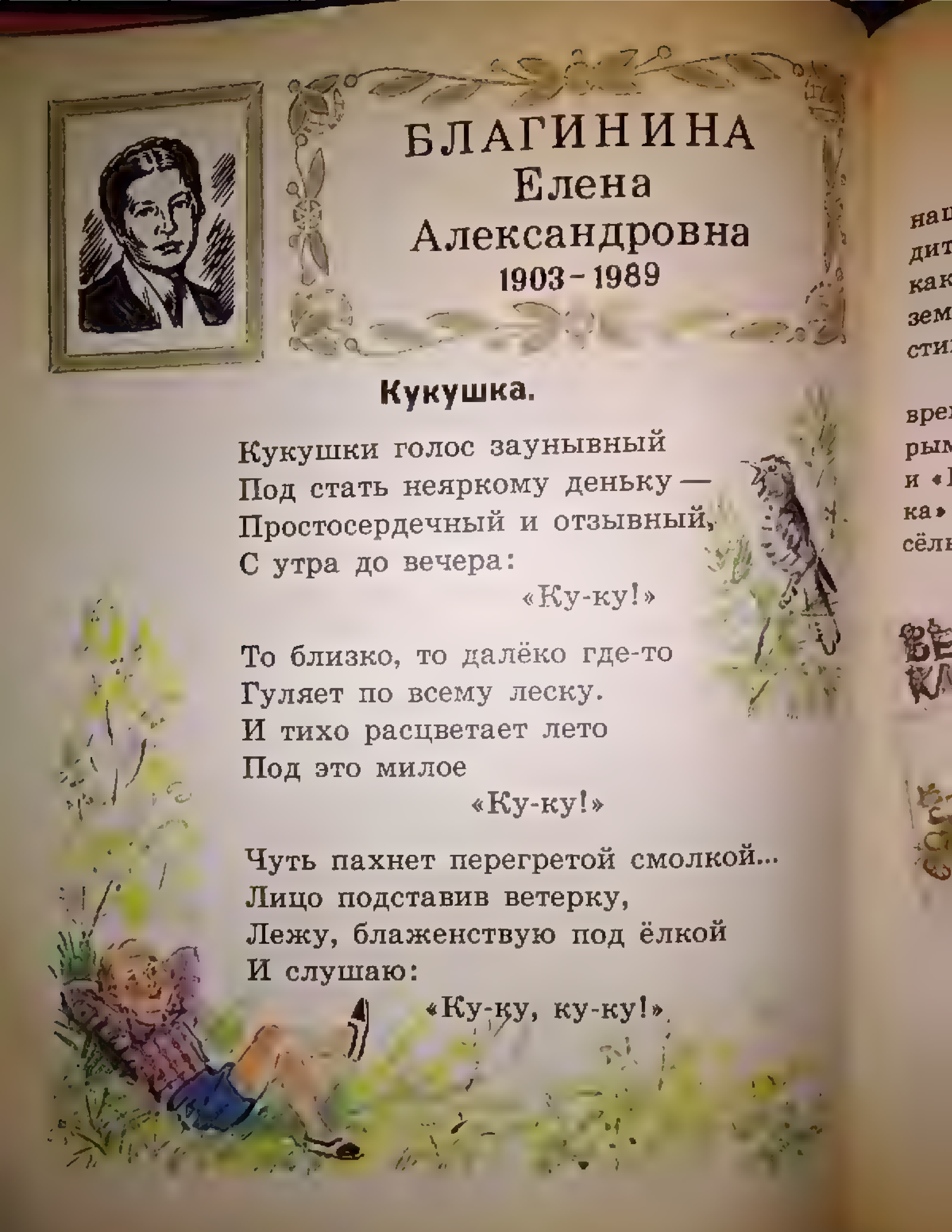
Я сделал розовым быка,
Оранжевой — дорогу,
Потом над ними облака
Подрисовал немного.

И эти тучи я потом
Проткнул стрелой. Так надо,
Чтоб на рисунке вышел гром
И молния над садом.

Я чёрным точки зачеркнул,
И означало это,
Как будто ветер вдруг подул —
И яблок больше нету.

Ещё я дождик удлинил —
Он сразу в сад ворвался,
Но не хватило мне чернил,
А карандаш сломался...

БЛАГИНИНА
Елена Александровна
1903–1989

Кукушка.

Кукушки голос заунывный
Под стать неяркому деньку —
Простосердечный и отзывный,
С утра до вечера:
«Ку-ку!»

То близко, то далёко где-то
Гуляет по всему леску.
И тихо расцветает лето
Под это милое
«Ку-ку!»

Чуть пахнет перегретой смолкой...
Лицо подставив ветерку,
Лежу, блаженствую под ёлкой
И слушаю:
«Ку-ку, ку-ку!»

ПО СТРАНИЦАМ ДЕТСКИХ ЖУРНАЛОВ. «МУРЗИЛКА» И «ВЕСЕЛЫЕ КАРТИНКИ».

Ты, конечно, знаком с журналами, которые издаются в нашей стране специально для детей. Каждый из них выходит один раз в месяц в огромном количестве экземпляров, как говорят, массовым тиражом — в 1,5—2 миллиона экземпляров сразу. В журналах много разных интересных стихов, рассказов, занимательных материалов, шуток и т. д.

Детские журналы выходили в нашей стране и в довоенное время. Ты уже имел возможность познакомиться с некоторыми из них в I классе. Сейчас ты заглянешь в «Мурзилку» и «Весёлые картинки». *Знаешь ли ты*, что журнал «Мурзилка» был основан в 1924 году, а его младший брат — «Весёлые картинки» — появился на свет в 1956 году?

ЮРИЙ ИВАНОВИЧ ЕРМОЛАЕВ.

(р. 1921)

Проговорился.

Папа с мамой купили Ирочке попугая. Ирочка тотчас же занялась тренировкой. Она начала учить попугая мяукать, лаять и говорить: «Здравствуйте, ребята!» А как научила, захотела показать его своим одноклассникам. Пусть знают, какая она способная дрессировщица. Собралась с попугаем в школу, а бабушка к ней с просьбой:

— Сходи, Ирочка, в магазин за чаем.

— Вот ещё! — отказалась Ирочка.— Мне некогда! Отстань!

Она всякий раз говорила бабушке, когда та просила её что-нибудь сделать: «Отстань!», «Мне некогда!» или «Вот ещё!».

Ирочка взяла клетку с попугаем и понесла её в школу.

Струйки тёплого ветра несли с собой приятные запахи, светило солнышко, и Ирочка улыбалась, предчувствуя восторженные похвалы одноклассников.

В школе окружили Ирочку:

— Спроси-ка его что-нибудь! Пусть ответит.

— Сейчас спрошу. Только вы не шумите,— приказала Ирочка и обратилась к попугаю:

— Будь вежлив, Чико, и поздоровайся с ребятами.

А попугай, вместо того чтобы сказать «Здравствуйте, ребята!», взъерошился весь и крикнул Ирочке:

— Отстань! — наверное, вспомнил, как Ирочка отвечает бабушке.

Ребята удивились, а Ирочка смутилась, но тут же снова спросила попугая:

— А как кошка мяукает? Помяукай нам, Чико.

Попугай покосился на Ирочку своим фиолетовым глазом и прохрипел:

— Вот ещё!

— А как собачка лает? — чуть не плача, спросила Ирочка.— Полай собачкой, Чико!

— Очень нужно! Мне некогда! — прокричал попугай и, перепрыгнув с одной жёрдочки на другую, отвернулся от Иры.

Ребята засмеялись, а Ирочка рассердилась:

— Какой ты противный, Чико! Ничего говорить не хочешь!

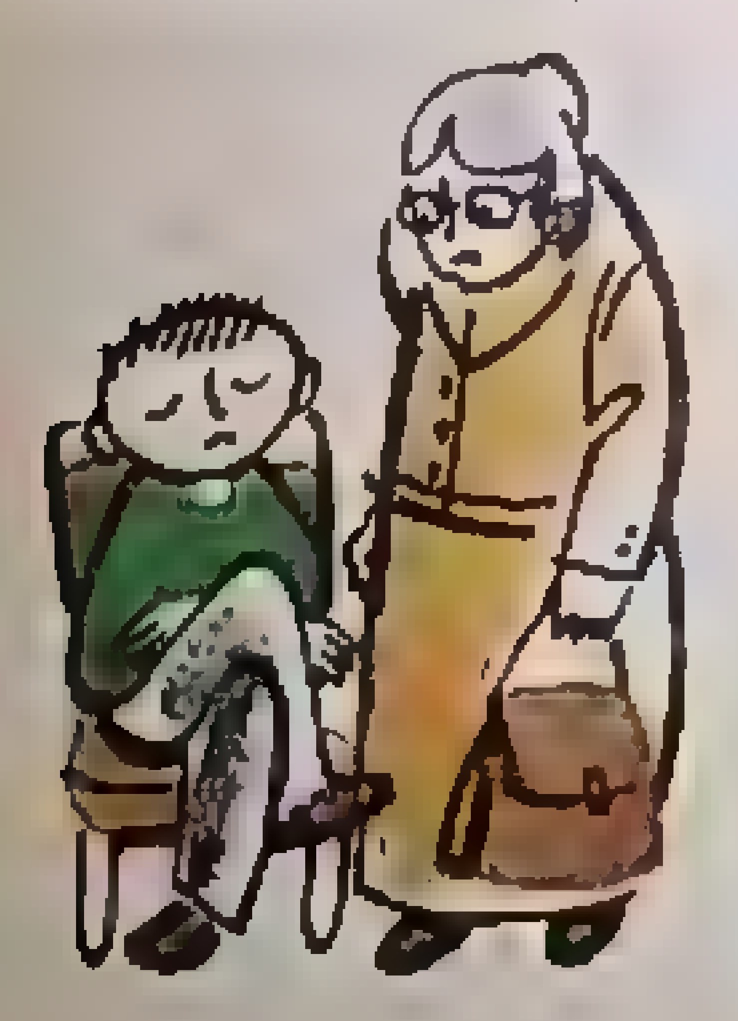
— Как не хочет? — возразил Ирочке Алёша.— Он нам очень многое сказал. Верно, ребята?

ГРИГОРИЙ БЕНЦИОНОВИЧ ОСТЕР.

(р. 1923)

Вредные советы.

Вот несколько советов для непослушных детей. Послушным детям читать их запрещается.

Когда состаришься, ходи
По улицам пешком.
Не лезь в трамвай — всё равно
Стоять придётся там.
И нынче мало дураков,
Чтоб место уступать,
А к тем далёким временам
Не станет их совсем.

Если друг твой самый лучший
Поскользнулся и упал,
Покажи на друга пальцем
И хватайся за живот.
Пусть он видит, лёжа в луже,
Ты ничуть не огорчён,—
Настоящий друг не любит
Огорчать своих друзей.

Потерявшийся ребёнок
Должен помнить, что его
Отведут домой, как только
Назовет он адрес свой.
Надо действовать умнее,
Говорите: «Я живу
Возле пальмы с обезьяной
На Гавайских островах».
Потерявшийся ребёнок,
Если он не дурачок,
Не упустит верный случай
В дальних странах побывать!

Как получаются легенды.

В раннем детстве люди верят во всё. И в шапку-невидимку, и в Бабу-Ягу, и в то, что на свете бывают мальчики и девочки, которые никогда не балуются, всегда слушаются старших и с утра до вечера вытирают ноги, прежде чем куда-нибудь войти... В каждой стране, в каждом городе, даже в каждом дворе рассказывают свои мифы и легенды. А перед тобой, уважаемый читатель, лежат легенды, которые рассказывают друг другу в Лавровом переулке. Есть в Лавровом переулке легенды старинные, которые ещё прадедушки и прабабушки рассказывали бабушкам и дедушкам, дедушки и бабушки папам и мамам, а папы и мамы и сейчас рассказывают их своим детям. Вот например, легенда про мальчика, который никогда не умывался.

Ему говорили: «Посмотри на себя! На кого ты стал похож?»

А он отвечал: «На дедушку и немножко на тётю Раю, которая живёт в Одессе».

В конце концов он стал такой грязный, что однажды мама не узнала его и не пустила домой. Несчастному ребёнку пришлось уйти в лес, и всю дальнейшую жизнь он прожил там, сидя на дереве.

Есть другая история про девочку, которая очень плохо ела и совсем не пила молока. Эта девочка стала такая худенькая и лёгонькая, что однажды её унёс ветер. И обратно не принёс. Говорят, она до сих пор где-то летит вверх ногами...

Вот такие удивительные мифы и легенды рассказывают родители своим детям в Лавровом переулке. Но те легенды, которые мальчики и девочки Лаврового переулка рассказывают друг другу, ещё удивительней.

РОМАН СЕФ
(РОАЛЬД СЕМЕНОВИЧ СЕФ).

(р. 1931)

Весёлые стихи.

Села утка за рояль
И сказала: — Кряк!
Я сыграю вам сейчас
Польку-краковяк.

Слон уселся за рояль
И промолвил он:
— Я исполню вам сейчас
Вальс «Осенний слон».

За рояль уселся кит,
Звери ждут, а он молчит.
Помолчал немного,
Поклонился строго.

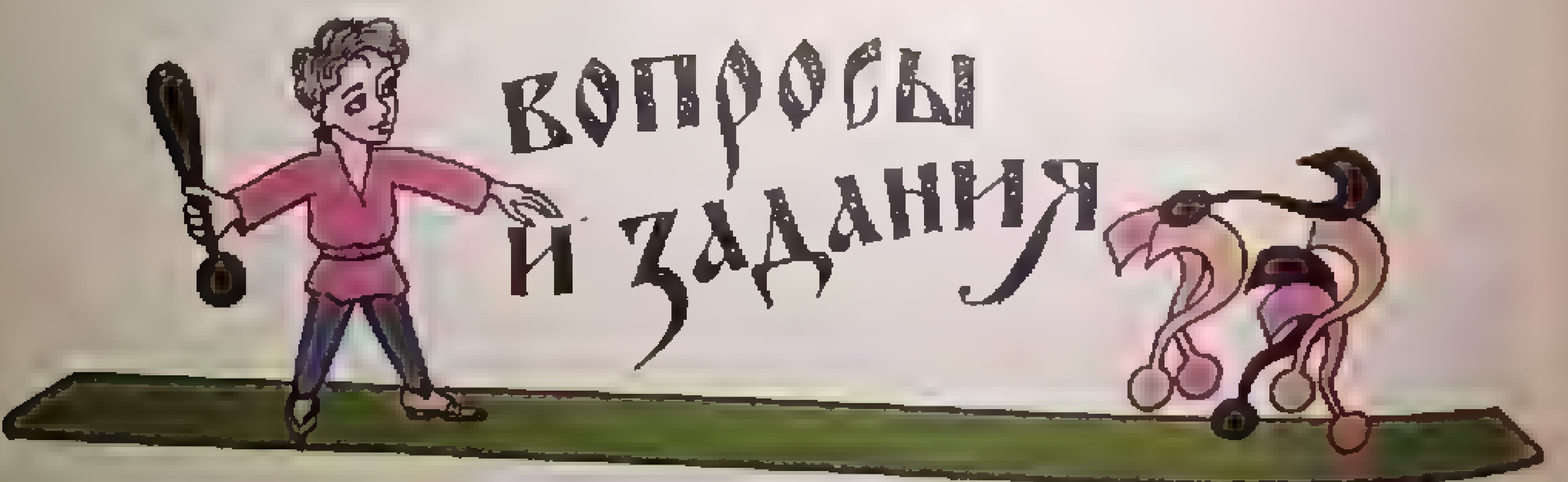
И тогда сказал жираф
Курице-наседке:
— Это нам исполнил кит
Арию креветки.
У кита хороший вкус —
Опера «Китовый ус».

Когда гоняешь
Голубей,
То можно
Посвистеть —
Всё выше, выше
Голуби
Пытаются взлететь.
Но если ты
Выдумывать
Большой специалист,
То скажут
Про твоё враньё:
«Художественный свист».

Кто любит собак
Или прочих животных,
Серьёзных котят
И щенков беззаботных,
Кто может
Любить
И козла, и осла,
Вовек не сделает зла.

Дали мартышке
Вилку и нож.
Что с ними делать?
Не разберёшь.
Проще без вилки
И без ножа
Есть ананас,
Ногами держа.

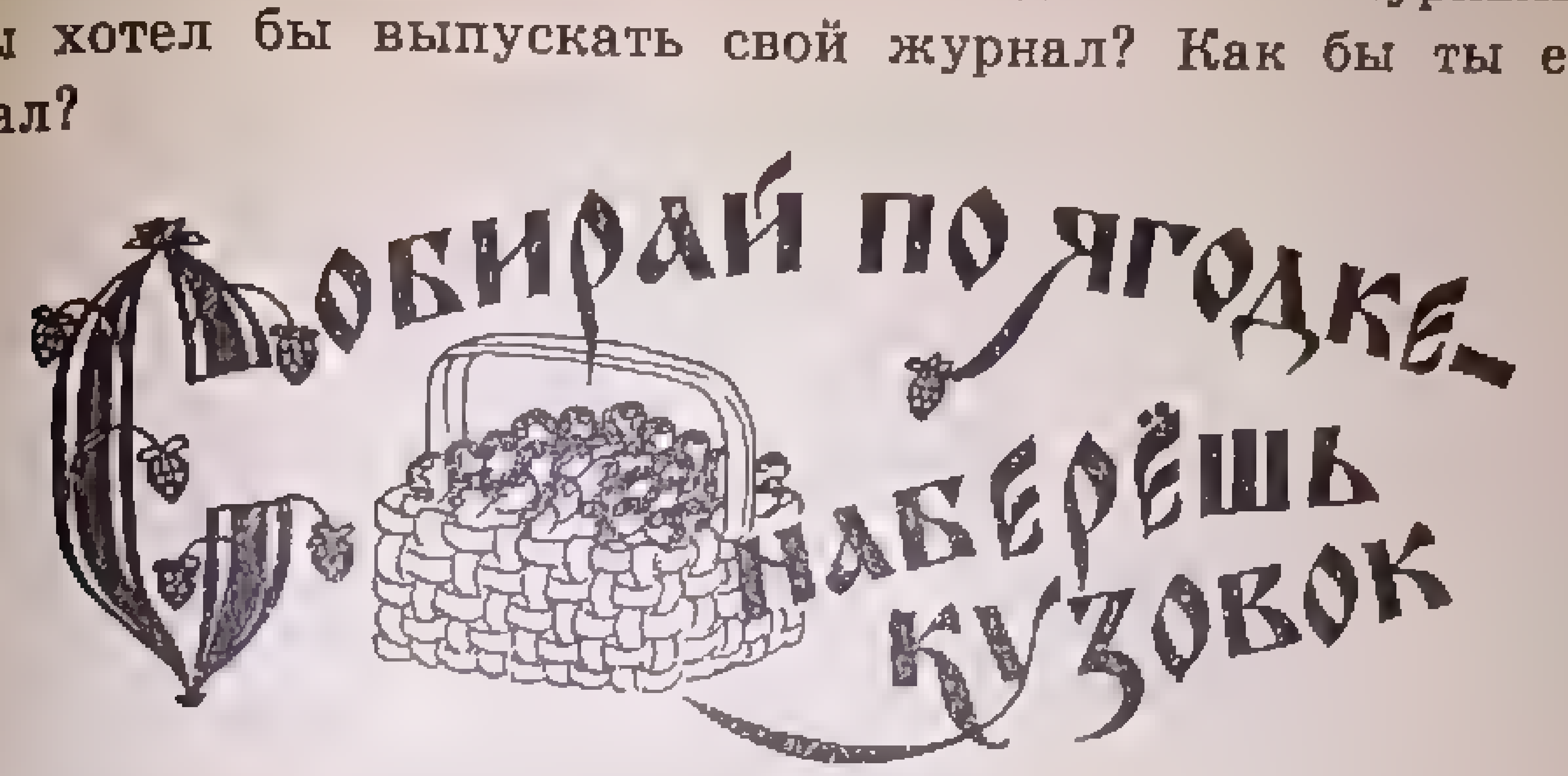
1. Какой журнал ты получаешь дома по подписке? Что тебе в нём интересно? Расскажи. Какие ещё детские журналы ты знаешь и любишь?

2. Как ты думаешь, чем журнал отличается от книги? Любишь ли ты читать тексты с продолжением? Объясни, почему.

3. Какое из прочитанных в этом разделе произведений тебе понравилось больше всего? Объясни свой выбор.

4. Прочитай классу самые смешные, на твой взгляд, эпизоды.

5. Знаешь ли ты, что когда твои бабушка и дедушка были детьми, часто в семьях делали домашние журналы? А ты хотел бы выпускать свой журнал? Как бы ты его назвал?

Максим Горький признавался, что всем лучшим в себе он обязан книгам, чтению. Помнишь ты, наверно, и пушкинские слова, ставшие пословицей: «Чтение — вот лучшее учение». Задумывался ли ты над смыслом этих высказываний? В самом деле, как это так, что, читая, становишься каким-то другим, более умным, сердечным, добрым? Как это всё получается?

У каждого происходит это по-разному, но, конечно, не вдруг: прочитал — и сразу же почувствовал, что стал каким-то другим (хотя и такое изредка случается). Как правило, все происходит незаметно, постепенно накапливается капля за каплей. То мысль интересная запала в память, то какой-то персонаж захватил воображение, мысли и чувства; то в какой-то момент жизни всплывёт эпизод из прочитанной книги и подскажет, как правильно тебе самому поступить...

Важно не пройти мимо хорошей книги, не пропорхать по её страницам, а читать вдумчиво, вникая в содержание, переносясь в воображении в мир, созданный писателем посредством слова.

БОРИС ВИКТОРОВИЧ ШЕРГИН.
(1893—1973)

Собирай по ягодке — наберёшь кузовок.

У Вани была бабушка — добрая, приветливая. С малышами говорила весело, каждого утешит и рассмешит. Со стариками беседовала рассудительно. Приветливая улыбка всегда была на её лице. Старики говорили: «Хоть какая беда, а эта старуха ладно сдумает, тихонько скажет». Один старичок как-то сказал Ване:

— Твоя бабка из песен сделана, из пословиц сложена.

— Моя бабушка и рисовать умеет,— сказал Ваня.

— Это особое дело. У твоей бабки есть звание «мастер малярного дела». Она и штукарное и малярное дело умеет, и краску всякую знает, и древесную породу понимает. В клубе художники с ней советовались, какую краску на чём разводить, чтобы прочно было и красовито.

Вот как-то раз Ваня допытывался:

— Бабушка, о чём ты разговаривала с Митей-паркетчиком? Ты кивала головой и говорила: «Верно, работа любит не молодца, а незалёжливого». Ты ещё сказала: «Глаза страшатся, руки делают». О чём тебе рассказывал Митя?

— Митя рассказывал о своей работе. Очень любопытно.

Митя — художник. Но работает не краской, не кистями. Он украшает деревянным узором шкатулки, столы, шкафы.

Под рукой у Мити тоненькие дощечки из дерева разных пород. Тут красное дерево, чёрный дуб, коричное дерево. У каждого дерева свой цвет.

Распилены эти дощечки на квадратики, шашечки, кружочки. И Митя выклеивает этими шашечками узор на шкатулке или на шкафчике. Эти деревянные листочки присаживает один к другому на клею.

Иногда узор простой, полоски идут сверху вниз, но у Мити выходило красовито и нарядно. Дорожка чёрная, коричневая, потом дорожка чёрная, потом красная, белая.

Эти дорожки повторяются в том же порядке.

Благодаря прозрачности цветного дерева любая вещь кажется богато украшенной.

Недавно мастер поручил Мите выклеить столешницу — верхнюю доску стола — и сказал:

— Это заказ от академии. Сроку дано две недели.

Митя с жаром принялся за дело. Обдумал рисунок и в один день закончил верхний угол и сам пришёл в восторг от своей работы.

Целую неделю Митя радовался, что ему доверена такая важная работа. Утром проснётся рано и до полдня валяется в постели. В воображении своём видит работу законченной, любуется ею, всплёскивает руками от радости; одеваясь, танцует и поёт. На минуту присядет к столу, подберёт нужные дощечки, но радость подмывает его. Бежит на улицу, встречает приятелей:

— Подумайте, ребята, моим художеством будут любоваться профессора и академики.

Вечером побежит в кино.

За неделю работа не продвинулась ни на полмизинца. В субботу вечером Митя вдруг устал веселиться. Снял газету, которою была прикрыта доска, и смутился и испугался. Прекрасно сделанный узор одиноко красовался, как цветок на фоне голой земли. Митя всплеснул ладонями:

— Что я наделал! Сроку осталось одна неделя. Я не успею ничего...

Часом позже мастер, проходя двором, увидел, что на крылечке сидит Митя.

— Митька, ты плачешь?

— Мастер, я обманул ваше доверие.

— Иди покажи мне твою работу.

Зашли в Митину комнату. Взглянув на столешницу, мастер сказал:

— То, что ты сделал, сделано отменно и прекрасно.

— Мастер, милый, какие же участки надо отхватывать мне каждый день, чтобы поспеть к сроку? Работа будет тяп-ляп, а я привык красовито и тщательно.

— Слушай меня, Митя. Я твой начальник и даю тебе норму работы: каждый день выклеивай и отделывай на доске столько, сколько покроет твоя ладонь. Ни меньше, ни больше. И дело будет подвигаться, и отделку будешь производить не спеша, в твоём вкусе.

Митя прилежно, как ученик, начал выполнять урок, данный мастером.

Митя сначала не верил, что при такой малой норме успеет кончить работу в срок. Пригоняет пластинки одну к другой тщательно — комар носа не подточит. Но окинет глазами, сколько ещё пустого места остаётся, и испугается. Однако глаза страшатся, а руки делают.

А руки у Мити были золотые. Тихо продвигалась ладонь по доске, и вслед за движением художной руки доска превращалась в цветущий сад.

За сутки раньше срока Митя закончил работу. Пригладил утюгом и вылощил волчьим зубом.

Мастер долго любовался работой, потом молча обнял Митю...

Бабушка закончила свой рассказ словами: «Собирай по ягодке — наберёшь кузовок».

АНДРЕЙ ПЛАТОНОВИЧ ПЛАТОНОВ.

(1899—1951)

Цветок на земле.

Скучно Афоне жить на свете. Отец его на войне, мать с утра до вечера работает в колхозе, на молочной ферме, а дедушка Тит спит на печке. Он и днём спит, и ночью спит, а утром, когда просыпается и ест кашу с молоком, он тоже дремлет.

— Дедушка, ты не спи, ты уже выспался,— сказал нынче утром Афоня дедушке.

— Не буду, Афонюшка, я не буду,— ответил дед.— Я лежать буду и на тебя глядеть.

— А зачем ты глаза закрываешь и со мной ничего не говоришь? — спросил тогда Афоня.

— Нынче я не буду глаза смежать,— обещал дедушка Тит.— Нынче я на свет буду смотреть.

— А отчего ты спишь, а я нет?

— Мне годов много, Афонюшка... Мне без трёх девяносто будет, глаза уж сами жмурятся. А тебе мало времени, тебе без трёх первый десяток идёт.

— А тебе ведь темно спать,— говорит Афоня.— На дворе солнце горит, там трава растёт, а ты спишь — ничего не видишь.

— Да я уж всё видел, Афонюшка.

— А отчего у тебя глаза белые и слёзы в них плачут?

— Они выцвели, Афонюшка, они от света

выцвели и слабые стали, мне глядеть ведь долго пришлось.

Афоня осмотрел деда, какой он есть. В бороде у деда были хлебные крошки, и там жил ещё один комарик. Афоня встал на лавку, выбрал все крошки из бороды у деда, а комарика прогнал оттуда — пусть он живёт отдельно. Руки у дедушки лежали на столе; они были большие, кожа на них стала как кора на дереве, и под кожей видны толстые чёрные жилы, эти руки много земли испахали.

Афоня поглядел в глаза деду. Глаза его были открыты, но смотрели равнодушно, не видя ничего, в каждом глазу светилась большая капля слезы.

— Не спи, дедушка! — попросил Афоня.

Но дедушка уже спал. Мать посадила его, сонного, на печку, укрыла одеялом и ушла работать. Афоня же остался один в избе, и опять ему скучно стало жить на свете. Он ходил вокруг деревянного стола, смотрел на мух, которые окружили на полу хлебную крошку, упавшую из бороды деда, и ели её; потом Афоня подходил к печке, слушал, как дышит там спящий дед, смотрел через окно на пустую улицу и снова ходил вокруг стола, не зная, что делать.

— Мамы нету, папы нету, дедушка спит,— говорил Афоня сам себе.

Потом он посмотрел на часы-ходики, как они идут. Часы шли долго и скучно: тик-так, тик-так, будто они баюкали деда, а сами тоже уморились и хотели уснуть.

— Проснись, дедушка,— просил Афоня.— Ты спишь?

— А? Нет, я не сплю,— отвечал дедушка Тит с печи.

— Ты думаешь? — спрашивал Афоня.

— А? Я тут, Афоня, я тут.

— Ты думаешь, я там?

— А? Нет, я всё обдумал, Афонюшка, я смолоду думал.

— Дедушка Тит, а ты всё знаешь?

— Всё, Афоня, я всё знаю...

— А что это, дедушка?

— А тебе чего, Афонюшка?

— А что это всё?

— А я уж позабыл, Афоня.

— Проснись, дедушка, скажи мне про всё!

— А? — произнёс дедушка Тит.

— Дедушка Тит! Дедушка Тит! — звал Афоня.— Ты вспомни!

Но дед уже умолк, он опять уснул в покое на русской печи.

Афоня тогда сам залез на печь к дедушке и начал будить его, чтобы он проснулся. А дед спал и только шептал тихо во сне слова. Афоня уморился его будить и сам уснул возле деда, прильнув к его доброй знакомой груди, пахнущей тёплой землёю.

Очнувшись от сна, Афоня увидел, что дед глядит глазами и не спит.

— Вставай, дедушка! — сказал Афоня.

Дед опять закрыл глаза и уснул.

Афоня подумал, что дед не спит, когда сам Афоня спит: и он захотел никогда не спать, чтобы подкараулить деда, когда он совсем проснётся. И Афоня стал ожидать. Часы-ходики тикали, и колёсики их поскрипывали и напевали, баюкали деда.

Афоня тогда слез с печи и остановил маятник у часов. В избе стало тихо. Слышно стало, как отбивает косу косарь за рекой и тонко звенит мошка под потолком. Дедушка Тит очнулся и спросил:

— Ты чего, Афоня? Что-то шумно так стало... Это ты шумел?

— А ты не спи! — сказал Афоня. — Ты скажи мне про всё! А то ты спишь и спишь, а потом умрёшь, мама говорит — тебе недолго осталось, кто мне тогда скажет про всё?

— Обожди, дай мне квасу испить, — произнёс дед и слез с печи.

— Ты опомнился? — спросил Афоня.

— Опомнился, — ответил дед. — Пойдём сейчас белый свет пытать.

Старый Тит испил квасу, взял Афоню за руку, и они пошли из избы наружу.

Там солнце высоко на небе освещало зреющий хлеб на полях и цветы на дорожной меже.

Дед повёл Афоню полевою дорогой, и они вышли на пастбище, где рос сладкий клевер да травы и цветы. Дед остановился у голубого цветка, терпеливо росшего корнем из мелкого чистого песка, показал на него Афоне, потом согнулся и осторожно потрогал тот цветок.

— Это я сам знаю! — протяжно сказал Афоня.— А мне нужно, что самое главное бывает, ты скажи мне про всё! А этот цвет растёт, он не всё!

Дедушка Тит задумался и осерчал на внука.

— Тут самое главное тебе и есть! Ты видишь— песок мёртвый лежит, он каменная крошка, и более нет ничего, а камень не живёт и не дышит, он мёртвый прах. Понял теперь?

— Нет, дедушка Тит,— сказал Афоня,— тут понятного нету.

— Ну, не понял, так чего ж тебе надо, раз ты непонятливый?.. А цветок, ты видишь, жалконький такой, а он живой, и тело себе он сделал из мёртвого праха. Стало быть, он мёртвую сыпучую землю обращает в живое тело, и пахнет от него самого чистым духом. Вот тебе и есть самое главное дело на белом свете, вот тебе и есть, откуда всё берётся. Цветок этот — самый труженик, он из смерти работает жизнь...

— А трава и рожь главное делают? — спросил Афоня.

— Одинаково,— сказал дедушка Тит.

— А мы с тобой?

— И мы с тобой. Мы пахари, Афонюшка, мы хлебу расти помогаем... А этот вот жёлтый цвет на лекарство идёт, его и в аптеке берут. Ты бы нарвал их да снёс. Отец-то твой ведь на войне; вдруг поранят его или он от болезни ослабнет, вот его и полечат лекарством.

Афоня задумался среди трав и цветов. Он сам, как цветок, тоже захотел делать из смерти жизнь;

он думал о том, как рождаются из сыпучего скучного песка голубые, красные, жёлтые счастливые цветы, поднявшие к небу добрые лица и дышащие чистым воздухом в белый свет.

— Теперь я сам знаю про всё! — сказал Афоня.— Иди домой, дедушка, ты опять, должно, спать захотел: у тебя глаза белые... Ты спи, а когда умрёшь, ты не бойся, я узнаю у цветов, как они из праха живут, и ты опять будешь жить из своего праха. Ты, дедушка, не бойся!

Дед Тит ничего не сказал. Он невидимо улыбнулся своему доброму внуку и пошёл спать в избу на печку.

А маленький Афоня остался один в поле. Он собрал жёлтых цветов, сколько мог их удержать в охапке, и отнёс в аптеку на лекарства, чтобы отец его не болел на войне от ран. В аптеке Афоне дали за цветы железный гребешок. Он принёс его деду и подарил ему; пусть теперь дедушка чешет себе бороду тем гребешком.

— Спасибо тебе, Афонюшка, — сказал дед.— А цветы тебе ничего не сказали, из чего они в мёртвом песке живут?

— Не сказали,— ответил Афоня.— Ты вон сколько живёшь и то не знаешь. А говорил, что знаешь про всё. Ты не знаешь.

— Правда твоя,— согласился дед.

— Они молча живут, надо у них допытаться,— сказал Афоня.— Чего все цветы молчат, а сами знают?

Дед кротко улыбнулся, и погладил головку внука, и посмотрел на него, как на цветок, растущий в земле. А потом дедушка спрятал гребешок за пазуху и опять заснул.

— А я, когда вырасту, я в школу ходить не буду! — сказал Артём матери, Евдокии Алексеевне.— Правда, мама?

— Правда, правда,— отвечала мать.— Чего тебе ходить!

— Чего мне ходить? Ничегó! А то я пойду, а ты заскучаешь по мне. Не надо лучше!

— Не надо,— сказала мать,— не надо!

А когда прошло лето и стало Артёму семь лет, Евдокия Алексеевна взяла сына за руку и повела его в школу. Артём хотел было уйти от матери, да не мог вынуть свою руку из её руки.

— Ну что ж! — сказал Артём.— Зато я домой скоро приду! Правда, скоро?

— Скоро, скоро,— ответила мать.— Поучишься чуть-чуть и домой пойдёшь.

— Я чуть-чуть,— соглашался Артём.— А ты по мне дома не скучай!

— Не буду, сынок, не буду скучать.

— Нет, ты немножко скучай,— сказал Артём.— Так лучше тебе будет. А игрушки убирать не надо: я приду и сразу буду играть, я бегом домой прибегу.

— А я тебя ждать буду,— сказала мать,— я тебе оладьев испеку.

— Ты будешь ждать меня? — обрадовался Артём. — А ты не плачь по мне, ты не бойся и не умри, смотри, а меня дожидайся!

— Да уж ладно! — засмеялась мать Артёма. — Уж дождусь тебя, милый мой.

Мать остановилась и показала сыну вдаль. Там, в конце улицы, стояла новая большая школа, а за школой начинался лес. До школы отсюда ещё было далеко.

— А теперь ступай один, — сказала мать. — Привыкай один ходить. Школу-то видишь?

— Вон она.

— Ну иди, иди, Артёмушка, иди один. Учительницу там слушайся, она вместо меня будет!

Артём задумался.

— Нет, она за тебя не будет, — тихо произнёс Артём, — она чужая.

— Привыкнешь, Аполлинария Николаевна тебе как родная будет. Ну иди! — Мать поцеловала Артёма в лоб, и он пошёл один.

Оглянулся на мать: она стояла на месте и смотрела на него.

Артёму хотелось заплакать, вернуться к ней, но он опять пошёл вперед, чтобы мать не обиделась на него. А матери тоже хотелось догнать Артёма, взять его за руку и вернуться с ним домой, но она только вздохнула и пошла домой одна.

Вскоре Артём снова обернулся, чтобы поглядеть на мать, однако её уже не было видно.

И пошёл он опять один и заплакал. Тут гусак вытянул шею из-за изгороди, крякнул и защемил

клювом штанину у Артёма, а заодно захватил и кожу на его ноге. Артём рванулся и спасся от гусака. «Это страшные дикие птицы,— решил Артём,— они живут вместе с орлами».

На другом дворе были открыты ворота. Артём увидел лохматое животное.

«Кто это? — подумал Артём.— Волк, что ли?» Артём оглянулся в ту сторону, куда ушла его мать,— и не видать ли её там, а то этот волк побежит туда. Матери не было видно, она уже дома, должно быть, это хорошо, волк её не съест. Вдруг лохматое животное повернуло голову и молча оскалило на Артёма пасть с зубами.

Артём узнал собаку Жучку.

— Жучка, это ты?

— Р-р-р! — ответила собака-волк.

— Тронь только! — сказал Артём.— Ты только тронь! Ты знаешь, что тебе тогда будет? Я в школу иду.

— Ммм,— смирно произнесла Жучка и шевельнула хвостом.

Артём дальше пошёл.

На дворе школы сидели ребята. Их Артём не знал, они пришли из другой деревни, должно быть, они учились давно и были все умные, потому что Артём не понимал, что они говорили.

Зазвенел звонок. На крыльцо школы вышла учительница Аполлинария Николаевна и сказала:

— Здравствуйте, дети! Идите ко мне.

Все ребята пошли в школу, один Артём остался во дворе. Аполлинария Николаевна подошла к нему:

— А ты чего? Оробел, что ли?

— Я к маме хочу,— сказал Артём и закрыл лицо рукавом.

— Нет уж, нет! — ответила учительница.— В школе я тебе мама.

Она подняла Артёма к себе на руки и понесла. Артём поглядел на учительницу: она была лицом белая, добрая, глаза её весело смотрели на него, будто она играть с ним хотела в игру, как маленькая. И пахло от неё так же, как и от матери, тёплым хлебом и сухою травой.

В классе Аполлинария Николаевна хотела посадить Артёма за парту, но он прижался к ней. Аполлинария Николаевна села за стол и стала учить детей, а Артёма оставила у себя на коленях.

— Эк ты, толстый какой на коленях сидит! — сказал один мальчик.

— Я не толстый! — ответил Артём.— Это меня орёл укусил, я ранёный.

Он сошёл с колен учительницы и сел за парту.

— Где? — спросила учительница.— Где твоя рана? Покажи её, покажи!

— А вот тут! — Артём показал ногу, где гусак его защемил.

Учительница оглядела ногу.

— До конца урока доживёшь?

— Доживу,— обещал Артём.

Артём не слушал, что говорила учительница на уроке. Он смотрел в окно на далёкое белое облако; оно плыло по небу туда, где жила его мама. А жива ли она? Не померла ли от чего-нибудь?

А может быть, изба их без него загорелась, ведь Артём давно из дому ушёл, мало ли что бывает.

Учительница видела тревогу мальчика и спросила у него:

— А ты, Федотов Артём, о чём думаешь сейчас? Почему ты меня не слушаешь?

— Я пожара боюсь, наш дом сгорит.

— Не сгорит.

После уроков Артём первый побежал домой.

— Подожди, подожди,— сказала Аполлинария Николаевна.— Вернись назад, ты ведь раненый.

Артём остановился, учительница подошла к нему, взяла его за руку и повела с собою. В комнатах у Аполлинарии Николаевны пахло цветами, тихо звенела посуда в шкафу, и всюду было убрано чисто, хорошо. Аполлинария Николаевна посадила Артёма на стул, обмыла его ногу тёплой водой и перевязала белой марлей.

— А мама твоя будет горевать! — сказала Аполлинария Николаевна.— Вот горевать будет!

— Не будет! — ответил Артём.— Она оладьи печёт.

— Нет, будет. Эх, скажет, зачем Артём в школу ходил? Ничего он там не узнал, а пошёл учиться,— значит, он маму обманул, значит, он меня не любит, скажет она и сама заплачет.

— И правда! — испугался Артём.

— Правда. Давай сейчас учиться.

— Чуть-чуть только,— сказал Артём.

— Ладно уж, чуть-чуть,— согласилась учительница.— Ну, иди сюда, раненый.

В классе Аполлинария Николаевна написала на доске одно слово и сказала:

— Так пишется слово «мама».— И велела написать эти буквы в тетрадь.

— А это про мою маму? — спросил Артём.

— Про твою.

Тогда Артём старательно начал рисовать такие же буквы в своей тетради, что и на доске. Он старался, а рука его не слушалась. Артём писал снова и снова четыре буквы, изображающие «маму», а учительница не сводила с него радующихся глаз.

— Ты молодец! — сказала Аполлинария Николаевна.

Она увидела, что теперь Артём сумел написать буквы хорошо и ровно.

— Ещё учи! — попросил Артём.

Учительница написала на доске: «Родина».

Артём стал переписывать слово в тетрадь.

Вскоре Артём пошёл домой, а на другое утро он спозаранку собрался в школу.

— Куда ты? Рано ещё,— сказала мать.

— Да, а там учительница Аполлинария Николаевна! — ответил Артём.

— Ну что ж, что учительница.

— Она, должно быть, соскучилась,— сказал Артём.— Мне пора.

Мать наклонилась к сыну и поцеловала его на дорогу.

— Ну, иди, иди! Учись там и расти большой.

ВАЛЕНТИН ГРИГОРЬЕВИЧ РАСПУТИН.

(р. 1937)

Мама куда-то ушла.

Мальчишка открыл глаза... Он приподнялся на кровати и крикнул:

— Мама! — позвал он. — Я молодец, я проснулся.

Тишина.

Мальчишка подождал, но тишина не прошла.

Тогда он спрыгнул с кровати и босиком побежал в большую комнату. Она была пуста. Он посмотрел на кресло, на стол, на книжные полки, но возле них никого не было.

Мальчишка бросился на кухню, потом в ванную — там тоже никто не прятался.

— Мама! — крикнул мальчишка.

Тишина вобрала в себя его крик и сразу сомкнулась. Мальчишка, не поверив ей, снова бросился в свою комнату.

— Мама, — как можно спокойнее сказал мальчишка, — я проснулся, а тебя нету.

Молчание.

— Тебя нету, да? — спросил он.

Его лицо напряглось в ожидании ответа, но ответ не пришёл, и мальчишка заплакал.

Плача, он пошёл к двери и стал её дёргать. Дверь не поддавалась. Тогда он ударил её ладонью, потом ткнул босой ногой, зашиб ногу и заплакал ещё громче.

Он стоял посреди комнаты, и крупные тёплые слёзы выкатывались из его глаз и падали на пол. Потом, не переставая плакать, он сел.

Он ждал, что вот-вот за его спиной послышатся шаги, но их всё не было, и он никак не мог успокоиться.

Это продолжалось долго, а сколько, он не знал.

В конце концов он лёг на пол и стал плакать лёжа. Он так устал, что перестал чувствовать себя, и уже не понимал, что плачет. Этот плач был так же естественен, как дыхание, и уже не подчинялся ему. Наоборот, он был сильнее его.

И вдруг мальчишке показалось, что в комнате кто-то есть.

Он быстро вскочил на ноги и стал осматриваться. Ощущение, заставившее его подняться, не проходило, и мальчишка побежал в другую комнату, потом на кухню и в ванную. Там никто не появился. Всхлипывая, мальчишка вернулся и закрыл ладонями глаза. Потом он убрал ладони и ещё раз осмотрелся. В комнате ничего не изменилось. Кресло пустовало, стол стоял один, на книжных полках, как всегда, были книги. Мальчишка задумался.

— Я больше не буду плакать,— сказал он себе.— Придёт мама, я буду молодец.

Он пошёл к кровати и одеялом вытер заплаканное лицо. Затем неторопливо, словно прогуливаясь, он обошёл всё, что было у них в квартире. И тут ему в голову пришла блестящая мысль.

— Мама,— негромко сказал он,— я хочу на горшок.

Он не хотел на горшок, но это было то, что заставило бы мать, будь она дома, тотчас броситься к нему.

— Ма-ма,— повторил он.

Её не было дома, теперь он понял это окончательно.

Надо было что-то делать. «Я сейчас поиграю, и мама придёт»,— решил он. Он пошёл в угол, где были все его игрушки, и взял зайца. Заяц был его любимцем. У него отклеилась одна нога, отец предлагал мальчишке приклеить эту ногу, но тот никак не соглашался. С двумя ногами зайца любить было не за что, так он и оставался с одной, а вторая валялась где-то здесь.

— Давай играть, зайка,— предложил мальчишка.

Заяц молча согласился.

— Ты больной, у тебя ножка болит, я тебя сейчас буду лечить.

Мальчишка положил зайца на кровать, достал гвоздь и ткнул им зайца в живот, делая укол.

Заяц к уколам привык и никак на них не реагировал. Мальчишка задумался, потом, словно что-то вспомнив, отошёл от кровати и заглянул в большую комнату. Там ничего не изменилось, и тишина по-прежнему всё так же медленно раскачивалась из угла в угол.

Мальчишка, вздохнув, вернулся к кровати и посмотрел на зайца. Тот спокойно лежал на подушке.

— Нет, не так,— сказал мальчишка.— Теперь я буду зайкой, а ты маленьким мальчиком. Ты будешь меня лечить.

Он посадил зайца на стул, а сам лёг в кровать, поджав под себя одну ногу, и заплакал.

Заяц, сидя на стуле, удивлённо смотрел на него своими большими голубыми глазами.

— Я зайка, у меня ножка болит,— объяснил ему мальчишка.

Заяц промолчал.

— Зайка,— спросил он потом,— куда ушла мама?

Заяц не ответил.

— Ты не спал, ты знаешь, говори, куда ушла мама? — потребовал мальчишка и взял зайца в руки.

Заяц молчал. Мальчишка забыл, что раньше он сам всегда отвечал за зайца, выступая сразу в двух ролях, и теперь всерьёз требовал от него ответа. Он забыл, что заяц был только игрушкой среди игрушек — среди кубиков, которые становились друг на друга, только когда их ставили, среди машин, которые шли, только когда их вели, среди зверей, которые рычали и разговаривали, только когда за них кто-нибудь рычал и отвечал.

Он обо всём забыл, этот мальчишка.

— Говори, говори! — требовал он.

Заяц продолжал молчать.

Мальчишка швырнул его на пол, спрыгнул с кровати и, бросившись на зайца, стал его пинать.

Заяц катался по полу, подскакивал, крутился, и мальчишка тоже подскакивал и крутился вокруг него и всё повторял: «Говори, говори, говори!», но заяц не отвечал и не мог от него убежать, потому что он был с одной ногой. И мальчишка вдруг понял это. Он остановился. Он стоял и смотрел, как заяц, уткнувшись лицом в пол, беззвучно плачет. И он услышал этот плач. Он наклонился над зайцем, развёл руками и виновато сказал:

— Мама куда-то ушла.

И вдруг мальчишке показалось, что по лестнице кто-то поднимается.

— Мама! — закричал он, бросаясь к двери, но запнулся о кресло и упал. Он поднялся, прислушался, но за дверью никого не было. И тогда мальчишка снова заплакал. Он плакал от боли и одиночества. Что такое боль, он уже знал. С одиночеством он встретился впервые.

МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ ЗОЩЕНКО.

(1894—1958)

Золотые слова.

Когда я был маленьким, я очень любил ужинать со взрослыми.

И Лёля любила такие ужины не меньше, чем я.

Во-первых, на стол ставилась вкусная еда. И эта сторона дела нас с Лёлей в особенности прельщала. Во-вторых, взрослые всякий раз рассказывали забавные факты из жизни. И это нас с Лёлей тоже до некоторой степени интересовало.

Конечно, первые разы мы вели себя за столом тихо. Но потом осмелели. Лёля стала вмешиваться в разговоры. Тараторила без конца. И я тоже иной раз вставлял свои замечания.

Наши замечания смешили гостей. И мама с папой сначала были даже довольны, что гости видят такой наш ум и такое наше развитие.

Но потом вот что произошло на одном ужине.

Папин начальник начал рассказывать какую-то невероятную историю о том, как он спас пожарного. Этот пожарный угорел на пожаре. И папин начальник вытащил его из огня.

Нет, возможно, что это был факт, но только нам с Лёлей этот рассказ не особенно понравился.

И Лёля сидела как на иголках. Она вдобавок вспомнила одну историю вроде этой, но только

ещё более интересную. И ей поскорее хотелось рассказать эту историю, чтоб её не забыть.

Но папин начальник, как назло рассказывал крайне медленно.

И Лёля не могла более терпеть.

Махнув рукой в его сторону, она сказала:

— Это что! Вот у нас во дворе одна девочка...

Лёля не закончила свою мысль, потому что мама на неё шикнула. И папа на неё строго посмотрел.

Папин начальник покраснел. Ему неприятно стало, что про его рассказ Лёля сказала «это что».

Обратившись к нашим родителям, он сказал:

— Я не понимаю, зачем вы сажаете детей со взрослыми. Они меня перебивают. И вот я теперь потерял нить моего рассказа. На чём я остановился?

Лёля, желая загладить происшествие, сказала:

— Вы остановились на том, как угоревший пожарный сказал вам «мерси». Но только странно, что он вообще что-нибудь мог сказать, раз он был угоревший и лежал, наверное, без сознания... Вот у нас одна девочка во дворе...

Лёля снова не закончила свои воспоминания, потому что получила от мамы шлепок.

Гости заулыбались. И папин начальник ещё больше покраснел от гнева.

Видя, что дело плохо, я решил поправить положение. Я сказал Лёле:

— Лёля, ничего странного нету в том, что сказал папин начальник. Смотря какие угоревшие, Лёля. Другие угоревшие пожарные хотя и лежат в обмороке, но всё-таки они говорить ещё могут. Они бредят. И говорят, сами не зная что. Вот он и сказал — «мерси». А сам, может, хотел сказать — «караул».

Гости засмеялись. А папин начальник, затрясшись от гнева, сказал моим родителям:

— Вы плохо воспитываете ваших детей. Они мне буквально пикнуть не дают — всё время перебивают глупыми замечаниями.

Бабушка, которая сидела в конце стола у самовара, сердито сказала, поглядывая на Лёлю:

— Вместо того чтобы раскаяться в своём поведении, она снова принялась за еду. Глядите, она даже аппетита не потеряла — кушает за двоих...

Лёля не посмела громко возразить бабушке. Но тихо она прошептала:

— На сердитых воду возят.

Бабушка не расслышала этих слов.

Но папин начальник, который сидел рядом с Лёлей, принял эти слова на свой счёт, тем более что он-то и был сердит.

Он прямо ахнул от удивления, когда это услышал.

Обратившись к нашим родителям, он так сказал:

— Всякий раз, когда я собираюсь к вам в гости и вспоминаю про ваших детей, мне прямо неохота к вам идти. Они меня забивают до того, что пища на ум не идёт. Они тут сами говорят и сами кушают. На что вам в таком случае гости.

Папа сказал:

— Ввиду того что дети, действительно, вели себя крайне развязно и тем самым они не оправдали наших надежд, я запрещаю им с этого дня ужинать со взрослыми. Пусть они допьют свой чай и уходят в свою комнату.

Доев сардинки, мы с Лёлей удалились под весёлый смех и шутки гостей. И с тех пор мы два месяца не садились вместе со взрослыми.

А спустя два месяца мы с Лёлей стали уговаривать нашего отца, чтоб он нам снова разрешил ужинать со взрослыми. И наш отец, который был в тот день в прекрасном настроении, сказал:

— Хорошо, я разрешу, но только я категорически запрещаю вам что-либо говорить за столом. Одно ваше слово, сказанное вслух, и более вы за стол не сядете.

И вот, в один прекрасный день, мы снова за столом — ужинаем со взрослыми.

На этот раз мы сидим тихо и молчаливо. Мы знаем папин характер. Знаем, что, если скажем хоть полслова, наш отец никогда более не разрешит нам сесть со взрослыми.

Но от этого запрещения мы не очень страдаем. Мы с Лёлей едим за четверых и между собой пересмеиваемся. Мы считаем, что взрослые даже прогадали, не позволив нам говорить. Наши рты, свободные от разговоров, целиком заняты едой.

Мы съели всё, что было возможно, и перешли на сладкое.

Съев сладкое и выпив чай, мы с Лёлей решили пройтись по второму кругу — решили повторить еду с самого начала, тем более что наша мать, увидев, что на столе пусто, принесла новую еду.

Я взял булку и отрезал кусочек масла. А масло было совершенно замёрзшее — его только что вынули из-за окна. Это замёрзшее масло я хотел намазать на булку. Но мне это не удалось сделать. Оно было как каменное.

И тогда я положил масло на кончик ножа и стал его греть над чаем. А так как свой чай я давно выпил, то я стал греть это масло над стаканом папиного начальника, с которым я сидел рядом.

Папин начальник что-то рассказывал и не обращал на меня внимания.

Между тем нож согрелся над чаем. Масло немножко подтаяло. Я хотел его намазать на булку и уже стал отводить руку от стакана. Но тут моё масло неожиданно соскользнуло с ножа и упало прямо в чай.

Я обмер от страха.

Вытаращенными глазами я смотрел на масло, которое плюхнулось в горячий чай.

Потом я оглянулся по сторонам. Но никто из гостей не заметил происшествия.

Только одна Лёля увидела, что случилось.

Она стала хихикать, поглядывая то на меня, то на стакан с чаем.

Но она ещё больше засмеялась, когда папин начальник, что-то рассказывая, стал ложечкой помешивать свой чай.

Он мешал его долго, так что всё масло растаяло без остатка. И теперь чай был похож на куриный бульон.

Папин начальник взял стакан в руку и стал подносить его к своему рту.

И хотя Лёля была чрезвычайно заинтересована, что произойдёт дальше и что будет делать папин начальник, когда он глотнёт эту бурду, но всё-таки она немножко испугалась. И даже уже раскрыла рот, чтобы крикнуть папиному начальнику: «Не пейте!»

Но, посмотрев на папу и вспомнив, что нельзя говорить, смолчала.

И я тоже ничего не сказал. Я только взмахнул руками и, не отрываясь, стал смотреть в рот папиному начальнику.

Между тем папин начальник поднёс стакан к своему рту и сделал большой глоток.

Но тут глаза его стали круглые от удивления. Он ахнул, подпрыгнул на своём стуле, открыл

рот и, схватив салфетку, стал кашлять и плеваться.

Наши родители спросили его:

— Что с вами произошло?

Папин начальник от испуга не мог ничего произнести.

Он показывал пальцем на свой рот, мычал и не без страха поглядывал на свой стакан.

Тут все присутствующие стали с интересом рассматривать чай, оставшийся в стакане.

Мама, попробовав этот чай, сказала:

— Не бойтесь, тут плавает обыкновенное сливочное масло, которое растопилось в горячем чае.

Папа сказал:

— Да, но интересно знать, как оно попало в чай. Ну-ка, дети, поделитесь с нами наблюдениями.

Получив разрешение говорить, Лёля сказала:

— Минька грел масло над стаканом, и оно упало.

Тут Лёля, не выдержав, громко рассмеялась.

Некоторые из гостей тоже рассмеялись. А некоторые с серьёзным и озабоченным видом стали рассматривать свои стаканы.

Папин начальник сказал:

— Ещё спасибо, что они мне в чай масло положили. Они могли бы дёгтю влить. Интересно, как бы я себя чувствовал, если бы это был дёготь... Нет, эти дети доведут меня до сумасшествия, теперь мне это ясно.

Один из гостей сказал:

— Меня другое интересует. Дети видели, что

масло упало в чай. Тем не менее они никому не сказали об этом. И допустили выпить такой чай. И вот в чём их главное преступление.

Услышав эти слова, папин начальник воскликнул:

— Ах, в самом деле, гадкие дети, почему вы мне ничего не сказали? Я бы тогда не стал пить этот чай...

Лёля, перестав смеяться, сказала:

— Нам папа не велел за столом говорить. Вот потому мы ничего не сказали.

Я, вытерев слёзы, пробормотал:

— Ни одного слова нам папа не велел произносить. А то бы мы что-нибудь вам сказали.

Папа, улыбнувшись, сказал:

— Это не гадкие дети, а глупые. Конечно, с одной стороны, хорошо, что они беспрекословно исполняют приказания. Надо и впредь так же поступать — исполнять приказания и придерживаться правил, которые существуют. Но всё это надо делать с умом. Если б ничего не случилось, у вас была священная обязанность — молчать. Масло попало в чай или бабушка забыла закрыть кран у самовара — вам надо крикнуть. И вместо наказания вы получили бы благодарность. Всё надо делать с учётом изменившейся обстановки. И эти слова вам надо золотыми буквами записать в своём сердце. Иначе получится абсурд.

Мама сказала:

— Или, например, я не велю вам выходить из квартиры. Вдруг пожар. Что же вы, дурацкие

дети, так и будете торчать в квартире, пока не сгорите? Наоборот, вам надо выскочить из квартиры и поднять переполох.

Бабушка сказала:

— Или, например, я всем налила по второму стакану чаю. А Лёле я не налила. Значит, я поступила правильно?

Тут все, кроме Лёли, засмеялись. А папа сказал:

— Вы не совсем правильно поступили, потому что обстановка снова изменилась. Выяснилось, что дети не виноваты. А если и виноваты, то в глупости. Ну, а за глупость наказывать не полагается.

Тут все гости засмеялись. И мы с Лёлей зааплодировали.

Но папины слова я, пожалуй, не сразу понял. Зато впоследствии я понял и оценил эти слова.

И этих слов, уважаемые дети, я всегда придерживался во многих случаях жизни. И в личных своих делах. И на войне. И даже, представьте себе, отчасти в моей работе.

В моей работе я, например, учился у старых великолепных мастеров. И у меня был большой соблазн писать по тем правилам, по которым они писали. Но я увидел, что обстановка изменилась. Жизнь и публика уже не те, что были при них. И поэтому я не стал подражать их правилам.

В общем, эти папины слова я золотыми буквами записал в своём сердце.

И может быть, поэтому я стал сравнительно счастливым человеком. И людям, может быть, поэтому я принёс не так уж много огорчений.

Великие путешественники.

Когда мне было шесть лет, я не знал, что Земля имеет форму шара. Но Стёпка, хозяйский сын, у родителей которого мы жили на даче, объяснил мне, что такое Земля. Он сказал:

— Земля есть круг. И если пойти всё прямо, то можно обогнуть всю Землю, и всё равно придёшь в то самое место, откуда вышел.

И когда я не поверил, Стёпка ударил меня по затылку и сказал:

— Скорей я пойду в кругосветное путешествие с твоей сестрёнкой Лёлей, чем я возьму тебя. Мне не доставляет интереса с дураками путешествовать.

Но мне хотелось путешествовать, и я подарил Стёпке перочинный ножик. Стёпке понравился мой ножик, и он согласился взять меня в кругосветное путешествие.

На огороде Стёпка устроил общее собрание путешественников. И там он сказал мне и Лёле:

— Завтра, когда ваши родители уедут в город, а моя мамаша пойдёт на речку стирать бельё, мы сделаем, что задумали. Мы пойдём всё прямо и прямо, пересекая горы и пустыни. И будем идти напрямик до тех пор, пока не вернёмся сюда обратно, хотя бы на это у нас ушёл целый год.

Лёля сказала:

— А если, Стёпочка, мы встретим индейцев?

— Что касается индейцев, — ответил Стёпа, — то индейские племена мы будем брать в плен.

— А которые не захотят идти в плен? — робко спросил я.

— Которые не захотят,— ответил Стёпа,— тех мы и не будем брать в плен.

Лёля спросила:

— Три рубля нам хватит на это путешествие? Я возьму из моей копилки.

Стёпка сказал:

— Три рубля нам, безусловно, хватит на это путешествие, потому что нам деньги будут нужны лишь на покупку семечек и конфет. Что касается еды, то мы по дороге будем убивать разных мелких животных и их нежное мясо будем жарить на костре.

Стёпка сбегал в сарай и принёс оттуда мешок из-под муки. И в этот мешок мы положили хлеб и сахар. Потом положили разную посуду: тарелки, стаканы, вилки и ножи. Затем, подумавши, положили волшебный фонарик, цветные карандаши, глиняный рукомойник и увеличительное стекло для зажигания костров. И кроме того, запихали в мешок два одеяла и подушку от тахты.

Помимо этого, я приготовил три рогатки, удочку и сачок для ловли тропических бабочек.

И на другой день, когда наши родители уехали в город, а Стёпкина мать ушла на речку полоскать бельё, мы покинули нашу деревню Пески.

Мы пошли по дороге через лес.

Впереди бежала Стёпкина собачка Тузик. За ней шёл Стёпка с громадным мешком на голове. За Стёпкой шла Лёля со скакалкой. И за Лёлей, с тремя рогатками, сачком и удочкой, шёл я.

Мы шли около часа.

Наконец Стёпка сказал:

— Мешок дьявольски тяжёлый. И я один его не понесу. Пусть каждый по очереди несёт этот мешок.

Тогда Лёля взяла этот мешок и понесла его. Но она недолго несла его, потому что выбилась из сил.

Она бросила мешок на землю и сказала:

— Теперь пусть Минька понесёт!

Когда на меня взвалили этот мешок, я ахнул от удивления: до того этот мешок оказался тяжёлым.

Но я ещё больше удивился, когда зашагал с этим мешком по дороге. Меня пригибало к земле, и я, как маятник, качался из стороны в сторону. Пока наконец, пройдя шагов десять, не свалился с этим мешком в канаву.

Причём сначала упал в канаву мешок, а потом, на мешок упал я. И хотя я был лёгкий, тем не менее я ухитрился раздавить все стаканы, почти все тарелки и глиняный рукомойник.

Мы с грустью вытащили черепки из мешка. И Стёпка ударил меня по затылку, сказал, что таким, как я, надо сидеть дома, а не пускаться в кругосветное путешествие.

Потом Стёпка свистнул собаку и хотел её приспособить для ношения тяжестей. Но из этого ничего не вышло, потому что Тузик не понимал, что мы от него хотим.

Тем более что мы и сами не очень-то понимали, как нам под это приспособить Тузика.

Тогда Стёпка велел нам всем вместе нести этот мешок.

Ухватившись за углы, мы понесли мешок. Но нести было неудобно и тяжело. Тем не менее мы шли ещё два часа. И наконец вышли из леса на лужайку.

Тут Стёпка решил сделать привал. Он сказал:

— Всякий раз, когда мы будем отдыхать или когда будем ложиться спать, я буду протягивать ноги в том направлении, в каком нам надо идти. Все великие путешественники так поступали и благодаря этому не сбивались со своего прямого пути.

И Стёпка сел у дороги, протянув вперёд ноги. Мы развязали мешок и начали закусывать. Мы ели хлеб, посыпанный сахарным песком. Вдруг над нами стали кружиться осы. И одна из них, желая попробовать мой сахар, ужалила меня в щёку.

От этого моя щека вздулась, как пирог. И я захотел вернуться домой. Но Стёпка не позволил мне об этом думать. Он сказал:

— Каждого, кто захочет вернуться домой, я привяжу к дереву и оставлю на съедение муравьям.

Перед тем как пойти дальше, Стёпка выкинул из мешка почти всё, что там было, и мы пошли налегке.

Я шёл позади всех, скуля и хныча. Моя щека горела и ныла.

Лёля тоже была не рада путешествию. Она вздыхала и мечтала о возвращении домой.

Мы продолжали идти в плохом настроении. И только у Тузика настроение было ничего себе. Задрав хвост, он гонялся за птицами и своим лаем вносил излишний шум в наше путешествие.

Наконец стало темнеть. Стёпка бросил мешок на землю. И мы решили тут заночевать.

Мы собрали хворосту для костра. И Стёпка извлёк из мешка увеличительное стёклышко, чтоб разжечь костёр.

Но, не найдя на небе солнца, Стёпка приуныл. И мы тоже огорчились. И, покушав хлеба, легли в темноте.

Стёпка торжественно лёг ногами вперёд, говоря, что утром нам будет ясно, в какую сторону идти.

Стёпка тотчас захрапел. И Тузик тоже засопел носом. Но мы с Лёлей долго не могли уснуть. Нас пугали тёмный лес и шум деревьев.

Сухую ветку под головой Лёля вдруг приняла за змею и от ужаса закричала.

А упавшая шишка с дерева напугала меня до того, что я подскочил на земле, как мячик.

Наконец мы задремали.

Я проснулся оттого, что Лёля теребила меня за плечи. Было раннее утро. И солнце ещё не взошло.

Лёля шёпотом сказала мне:

— Минька, пока Стёпка спит, давай повернём его ноги в обратную сторону. А то он заведёт нас, куда Макар телят не гонял.

Мы посмотрели на Стёпку. Он спал с блаженной улыбкой.

Мы с Лёлей ухватились за его ноги и в одно

мгновение повернули их в обратную сторону, так что Стёпкина голова описала полкруга.

Но от этого Стёпка не проснулся.

Он только застонал во сне и замахал руками, бормоча: «Эй, сюда, ко мне...»

Наверное, ему приснилось, что он берёт в плен индейцев, а те не хотят и сопротивляются.

Мы стали ждать, когда Стёпка проснётся.

Он проснулся с первыми лучами солнца и, посмотрев на свои ноги, сказал:

— Хороши бы мы были, если бы я лёг ногами куда попало. Вот мы бы и не знали, в какую сторону нам идти. А теперь благодаря моим ногам всем нам ясно, куда надо идти.

И Стёпка махнул рукой по направлению дороги, по которой мы шли вчера.

Мы покушали хлеба, попили водички из канавы и двинулись в путь. Дорога была знакома по вчерашнему путешествию. И Стёпка то и дело раскрывал рот от удивления. Тем не менее он сказал:

— Кругосветное путешествие тем и отличается от других путешествий, что всё повторяется, так как Земля есть круг.

Позади раздался скрип колёс. Это какой-то дяденька ехал в пустой телеге.

Стёпка сказал:

— Для быстроты путешествия и чтоб скорей обогнуть Землю, не худо бы нам сесть в эту телегу.

Мы стали проситься, чтоб нас подвезли. Добродушный дяденька остановил телегу и позволил нам в неё сесть.

Мы быстро покатили. И ехали не больше двух часов.

Вдруг впереди показалась наша деревня Пески. Стёпка, раскрыв рот от изумления, сказал:

— Вот деревня, в аккурат похожа на нашу деревню Пески. Это бывает во время кругосветных путешествий.

Но Стёпка ещё больше изумился, когда мы приблизились к реке и подъехали к пристани.

Мы вылезли из телеги.

Действительно, это была наша пристань Пески, и к ней только что подошёл пароход.

Стёпка прошептал:

— Неужели же мы обогнули Землю?

Лёля фыркнула, и я тоже засмеялся.

Но тут мы увидели на пристани наших родителей и нашу бабушку — они только что сошли с парохода.

И рядом с ними мы увидели нашу няньку, которая с плачем что-то им говорила. Мы подбежали к родителям.

И родители засмеялись от радости, что увидели нас.

Нянька сказала:

— Дети, я думала, что вы вчера потонули.

Лёля сказала:

— Если бы мы вчера потонули, то мы не могли бы отправиться в кругосветное путешествие.

Мама воскликнула:

— Что я слышу? Их надо наказывать.

Бабушка, сорвав ветку, сказала:

— Я предлагаю выпороть детей. Миньку пусть выпорет мама. А Лёлю я беру на себя. И я всыплю ей как старшей не меньше двадцати розог.

Папа сказал:

— Порка — это старый метод воспитания детей. И это не приносит пользы. Дети и без порки поняли, какую глупость они совершили.

Мама, вздохнув, сказала:

— Ах, у меня дурацкие дети! Идти в кругосветное путешествие, не зная географии и таблицы умножения,— ну что это такое!

Папа сказал:

— Мало знать географию и таблицу умножения. Чтоб идти в кругосветное путешествие, надо иметь высшее образование в размере пяти курсов. Надо знать всё, что там преподают, включая космографию. А те, которые пускаются в дальний путь без этих знаний, приходят к печальным результатам.

С этими словами мы пришли домой. И сели обедать. И наши родители смеялись и ахали, слушая наши рассказы о вчерашнем приключении.

Папа сказал:

— Всё хорошо, что хорошо кончается.

И он не наказал нас за наше кругосветное путешествие и за то, что мы потеряли подушку от тахты. Что касается Стёпки, то его собственная мамаша заперла его в бане, и там наш великий путешественник просидел целый день вместе со своей собакой Тузиком.

А на другой день мамаша его выпустила. И мы с ним стали играть как ни в чём не бывало.

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ НОСОВ.

(1908—1976)

Федина задача.

Раз как-то зимой Федя Рыбкин пришёл с катка. Дома никого не было. Младшая сестра Феди, Рина, уже успела сделать уроки и пошла играть с подругами. Мать тоже куда-то ушла.

— Вот и хорошо! — сказал Федя. — По крайней мере никто не будет мешать делать уроки.

Он включил телевизор, достал из сумки задачник и стал искать заданную на дом задачу. На экране телевизора появился диктор.

— Передаём концерт по заявкам, — объявил он.

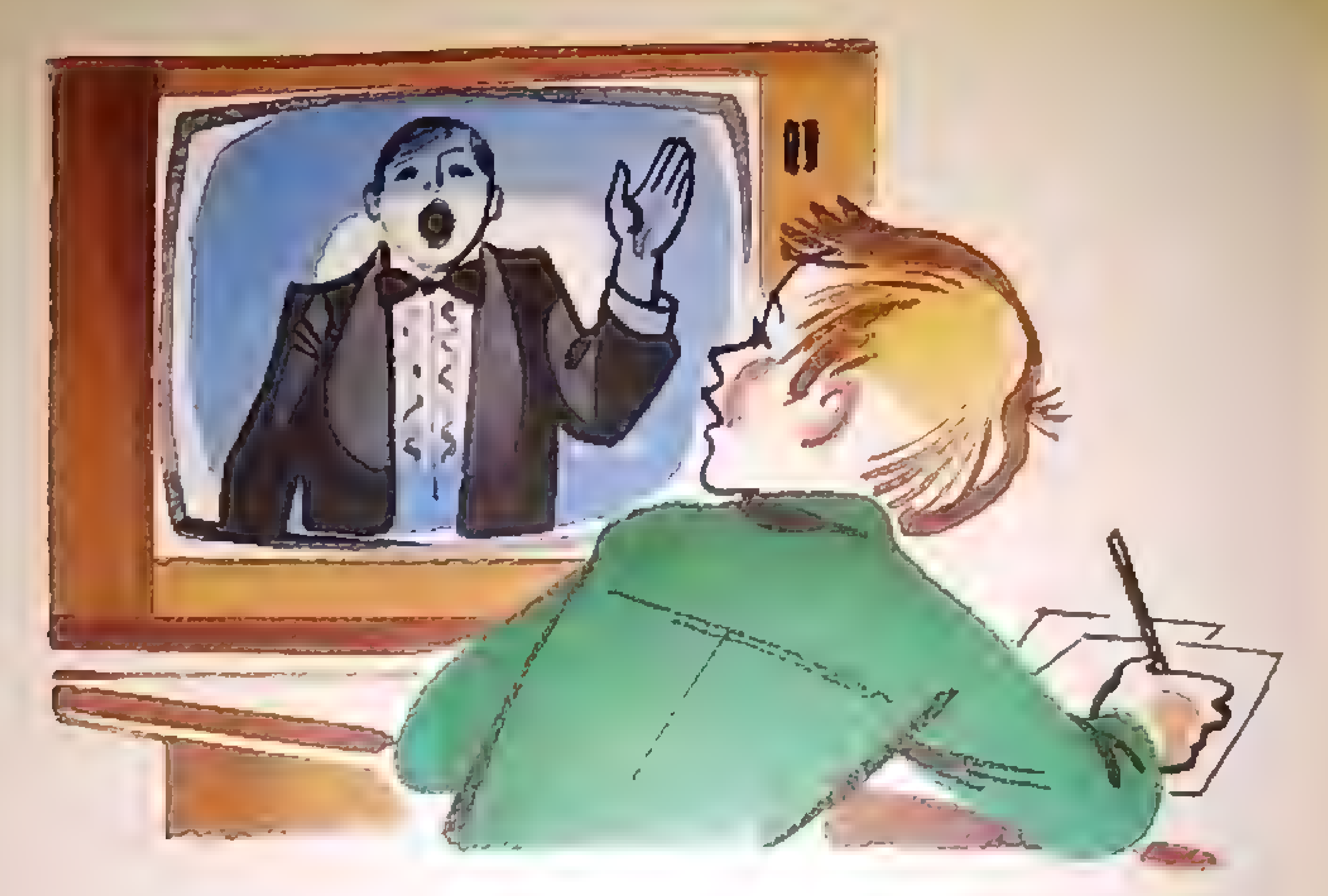
— Концерт — это хорошо, — сказал Федя. — Веселей будет делать уроки.

Он отрегулировал телевизор, чтоб было погромче слышно, и сел за стол.

— Ну-ка, что тут нам на дом задано? Задача номер шестьсот тридцать девять? Так... «На мельницу доставили четыреста пятьдесят мешков ржи, по восемьдесят килограммов в каждом...»

Вместо диктора на экране появился певец в чёрном костюме и запел густым рокочущим басом:

Жил-был король когда-то,
При нём блоха жила.
Милей родного брата
Она ему была.

— Вот какой противный король! — сказал Федя. — Блоха ему, видите ли, милей родного брата!

Он почесал кончик носа и принялся читать задачу сначала:

— «На мельницу доставили четыреста пятьдесят мешков ржи, по восемьдесят килограммов в каждом. Рожь смололи, причём из шести килограммов зерна вышло пять килограммов муки...»

Блоха! Ха-ха! —

засмеялся певец и продолжал петь:

Позвал король портного:
—Послушай, ты, чурбан!
Для друга дорогого
Сшей бархатный кафтан.

— Ишь что ещё выдумал! — воскликнул Федя. —

Блохе — кафтан! Интересно, как портной его шить будет? Блоха ведь маленькая!

Он прослушал песню до конца, но так и не узнал, как портной справился со своей задачей. В песне ничего про это не говорилось.

— Плохая песня,— решил Федя и опять принялся читать задачу: — «На мельницу доставили четыреста пятьдесят мешков ржи, по восемьдесят килограммов в каждом. Рожь смололи, причём из шести килограммов зерна...»

Он был титулярный советник,
Она — генеральская дочь,—

запел певец снова.

— Интересно, кто такой титулярный советник? — сказал Федя.— Гм!

Он потёр обеими руками уши, словно они у него замёрзли, и, стараясь не обращать внимания на пение, принялся читать задачу дальше:

— Так. «...Из шести килограммов зерна вышло пять килограммов муки. Сколько понадобилось машин для перевозки всей муки, если на каждой машине помещалось по три тонны муки?»

Пока Федя читал задачу, песенка про титулярного советника кончилась и началась другая:

Легко на сердце от песни весёлой,
Она скучать не даёт никогда,
И любят песню деревни и сёла,
И любят песню большие города!

Эта песенка очень понравилась Феде. Он даже

забыл про задачу и стал пристукивать карандашом по столу в такт.

— Хорошая песня! — одобрил он, когда пение кончилось. — Так... О чём тут у нас говорится? «На мельницу доставили четыреста пятьдесят мешков ржи...»

Однозвучно гремит колокольчик, —

послышался высокий мужской голос из телевизора.

— Ну, гремит и пусть гремит, — сказал Федя. — Нам-то какое дело? Нам надо задачу решать. На чём тут мы остановились? Так... «Для дома отдыха купили двадцать одеял и сто тридцать пять простынь за двести пятьдесят шесть рублей. Сколько денег уплатили за купленные одеяла и простыни в отдельности...» Позвольте! Откуда тут ещё одеяла с простынями взялись? У нас разве про одеяла? Тьфу, чёрт! Да это не та задача! Где же та?.. А, вот она! «На мельницу доставили четыреста пятьдесят мешков ржи...»

По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит...

— Опять про колокольчик! — воскликнул Федя. — На колокольчиках помешались! Так... Утомительно гремит... в каждом мешке... рожь смололи, причём из шести килограммов муки вышло пять килограммов зерна... То есть муки вышло, а не зерна! Совсем запутали!

Колокольчики мои, цветики степные!
Что глядите на меня, тёмно-голубые?

— Тьфу! — плюнул Федя. — Прямо деваться от колокольчиков некуда! Хоть из дому беги, с ума можно сойти!.. Из шести килограммов зерна вышло пять килограммов муки, и спрашивается, сколько понадобилось машин для перевозки всей муки...

Не счесть алмазов в каменных пещерах,
Не счесть жемчужин в море полудённом.

— Очень нам нужно ещё алмазы считать! Тут мешки с мукой никак не сосчитаешь! Прямо наказание какое-то! Двадцать раз прочитал задачу — и ничего не понял! Пойду лучше к Юре Сорокину, попрошу, чтобы растолковал.

Федя Рыбкин взял под мышку задачник, выключил телевизор и пошёл к своему другу Сорокину.

Телефон.

Один раз мы с Мишкой были в игрушечном магазине и увидели замечательную игрушку — телефон. Продавщица объяснила нам, что если один телефон поставить в одной квартире, а другой — у соседей и соединить оба аппарата проволокой, то можно переговариваться.

— Вот нам бы купить! Мы как раз соседи, — сказал Мишка. — Хорошая штука! Это не какая-нибудь простая игрушка, которую поломаешь и выбросишь. Это полезная вещь!

Примчались из магазина домой с коробкой. Один телефон у меня поставили, другой — у Мишки и от моего телефона протянули проволоку через форточку вниз прямо к Мишкиному телефону.

— Ну,— говорит Мишка,— попробуем разговаривать. Беги наверх и слушай.

Я помчался к себе, взял трубку и слушаю, а трубка уже кричит Мишкиным голосом:

— Алло! Алло!

Я тоже как закричу:

— Алло!

— Слышно что-нибудь? — кричит Мишка.

— Слышно. А тебе слышно?

— Слышно. Вот здорово! Тебе хорошо слышно?

— Хорошо. А тебе?

— И мне хорошо! Ха-ха-ха! Слышно, как я смеюсь?

— Слышно. Ха-ха-ха! А тебе слышно?

— Слышно. Послушай, сейчас я к тебе приду.

Мишка прибежал ко мне, и мы принялись обниматься от радости.

— Хорошо, что купили телефон! Правда? — говорит Мишка.

— Конечно,— говорю,— хорошо.

— Слушай, сейчас я пойду обратно и позвоню тебе.

Он убежал и позвонил снова.

Я взял трубку:

— Алло!

— Алло!

— Слышно?

— Слышно.

— Хорошо слышно?

— Хорошо.

— И у меня хорошо. Давай разговаривать.

— Давай,— говорю.— А о чём разговаривать?

— Ну, о чём... О чём-нибудь... Хорошо, что мы купили телефон, правда?

— Правда.

— Вот если бы не купили, было бы плохо. Правда?

— Правда.

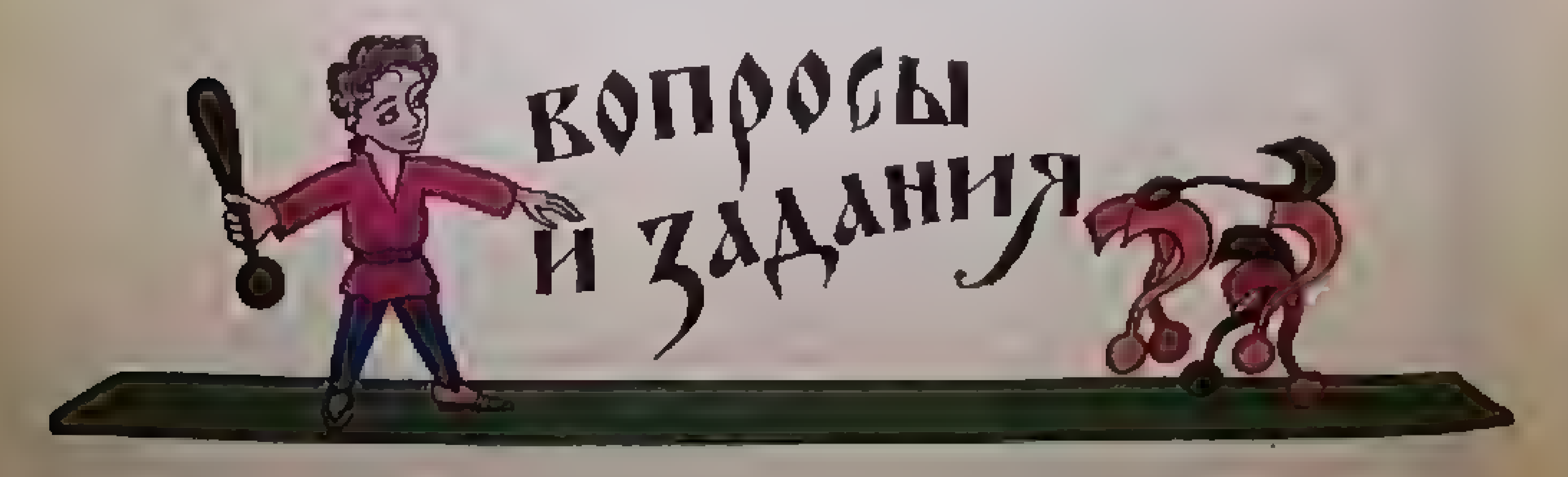
— Ну?

— Что «ну»?

— Чего же ты не разговариваешь?

— А ты почему не разговариваешь?

— Да я не знаю, о чём разговаривать,— говорит Мишка.— Это всегда так бывает: когда надо разговаривать, так не знаешь, о чём разговаривать, а когда не надо разговаривать, так разговариваешь и разговариваешь...

1. Как ты думаешь, почему раздел назван «Собирай по ягодке — наберёшь кузовок»?

2. Перечитай ещё раз рассказ Б. Шергина. Какой урок

дал мастер Мите? Прав ли он оказался? Можно ли его советом воспользоваться в твоих повседневных делах? Выбери из рассказа все пословицы и объясни их смысл. Приведи другие примеры и случаи, когда эти пословицы можно было бы кстати употребить.

3. Перечитай эпизод, где рассказывается о бабушке. Какая она была? Попробуй составить небольшой рассказ о своей бабушке.

4. Какие важные мысли, которые, как ты думаешь, пригодились бы в дальнейшей жизни, ты хотел бы записать в своей тетради?

5. Расскажи, случалась ли с тобой история, которую описал В. Распутин. Как ты вёл себя? Что чувствовал? Какие мысли были у тебя в это время? Задумывался ли ты над тем, почему человек в самые трудные минуты жизни зовёт на помощь маму? Как ты понимаешь пословицы: «При солнышке тепло, при матери добро», «Нет лучшего дружка, чем родная матушка»?

6. О каком удивительном чуде, главном деле узнал Афоня от своего деда? (Рассказ А. Платонова «Цветок на земле».) Нравится ли тебе Афоня? Представь, что ты повстречался с ним и хорошо его узнал. Расскажи о нём, какой он.

7. Подготовься к чтению рассказа «Цветок на земле». С какой интонацией ты будешь читать слова деда? А слова Афони?

8. Расскажи, каким бы ты нарисовал цветок, о котором рассказал писатель. Поразмышляй, почему он именно так назвал свой рассказ. Можно ли было его назвать «Цветы на земле»? Ведь земля большая, цветов на ней много. Прочитай эпизоды, в которых дед рассказывает о цветке маленькому Афоне.

9. Какие из прочитанных рассказов можно назвать весёлыми, юмористическими? Почему?

10. Ты уже знаком с некоторыми рассказами Н. Носова. Кто является героями его рассказов? Нравятся ли они тебе? Хочется ли тебе ещё раз встретиться с ними?

11. Расскажи, как ты решаешь задачи. Всё ли тебе удаётся? Что мешает? Можешь ли ты сразу преодолеть возникшие трудности? Сравни свой рассказ с произведением Н. Носова. Какой рассказ можно назвать юмористическим? Зачем их пишут писатели? Только ли для того, чтобы посмешить читателя? Определи, как относится Н. Носов к герою своего рассказа «Федина задача»: *посмеивается над ним, осуждает его или помогает ему что-то понять.*

12. Как ты можешь объяснить, почему М. Зощенко дал название своему рассказу «Золотые слова»? Есть ли разница в значениях таких словосочетаний: *золотые слова, золотые нивы, золотые часы?*

13. Подумай над названием другого рассказа М. Зощенко, который ты прочитал в учебнике. Что звучит в нём: *восхищение, удивление, насмешка, уважение, улыбка, юмор*? Зачем писатель написал этот рассказ, в чём его смысл?

14. Задай вопрос своим одноклассникам по содержанию раздела.

Зарубежная литература

МИФЫ И ЛЕГЕНДЫ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ.

Храбрый Персей.

В одном городе случилась большая беда. Прилетела откуда-то крылатая женщина Медуза Горгона. Она медленно проходила по улицам, и всякий, кто смотрел на неё, в тот же миг становился камнем.

Вместо волос у Медузы Горгоны были длинные чёрные змеи. Они всё время шевелились и шипели.

Она тихо и печально глядела каждому прохожему в глаза, и он тотчас же превращался в окаменелую статую. И если птица, пролетая над землёй, взглядывала на Медузу Горгону, птица падала камнем на землю.

Был летний чудесный день. На лужайках, в садах и на улицах бегало много детей. Они играли в весёлые игры, прыгали, плясали, смеялись и пели. Но стоило Медузе Горгоне пройти мимо них, и они превращались в холодную груду камней.

В том же городе в великолепном дворце жил царь Полидект. Он был трусливый и глупый: до того испугался Медузы Горгоны, что убежал из дворца и спрятался со своими вельможами в погребе, глубоко под землёй.

— Здесь я могу не бояться Медузы Горгоны,— говорил он со смехом.— Здесь ей меня не найти!

В погребе было много вина и еды; царь сидел за столом и пировал со своими вельможами. Какое ему было дело, что в городе, там, наверху, люди

погибают один за другим и не могут спастись от жестокой колдуньи!

К счастью, жил в этом городе храбрый Персей. Все очень любили его. Он никогда никого не боялся.

Когда страшная Медуза Горгона проходила по городу, его не было дома. Вечером Персей воротился домой. Соседи рассказали ему о Медузе Горгоне.

— Злая, бессердечная колдунья! — вскричал он.— Пойду и убью её.

Соседи грустно покачали головой и сказали:

— Много было таких смельчаков, которые хотели сразиться с Медузой Горгоной. Но никто из них не вернулся сюда: она всех превратила в камни.

— Но не могу же я сидеть сложа руки! Ведь она погубит всех жителей нашего города, всех моих родных и друзей! Сегодня же я отомщу ей за её злые дела.

И Персей побежал по улицам, расспрашивая у каждого встречного, где жилище Медузы Горгоны.

Но никто не ответил ему. Каждый плакал над каким-нибудь камнем.

Персей заглядывал по пути в каждый дом: нет ли там Медузы Горгоны.

Проходя мимо царского погреба, он подумал: не там ли она? Сбежал он по ступеням вниз — и увидел в подземелье царя!

Царь Полидект сидел за столом на троне и весело пировал со своими вельможами.

— Эй, ты! — закричал он Персею.— Надеюсь, ты пришёл сюда не с пустыми руками! Не хочешь

ли ты подарить мне каких-нибудь диковинных рыб? Или сочных ягод и сладких плодов?

— Нет,— сказал Персей.— Я не принёс ничего — ни рыб, ни плодов, ни ягод. Но скоро я принесу тебе драгоценный подарок, который обрадует и развеселит твоё сердце.

У царя от жадности заблестели глаза.

— Милый юноша,— сказал он приветливым голосом,— подойди ко мне ближе и скажи, какой драгоценный подарок собираешься ты мне поднести. Может быть, ты нашёл на дне моря жемчужину или золотую корону?

— Нет,— ответил Персей,— мой подарок дороже золота, дороже самых лучших жемчужин...

— Что же это такое? Скажи!

— Голова Медузы Горгоны! Я убью эту злую колдунью. Я спасу от неё свою родину!

Царь ударил кулаком по столу:

— Ступай от меня, жалкий безумец! Или ты не знаешь, что тысячи моих доблестных воинов пытались уничтожить Медузу, но многих превратила она в камни, а прочие убежали от неё, как от лютого зверя?

— Твои воины такие же трусы, как ты! — гневно ответил Персей.— Но я никого и ничего не боюсь! Я не убегу от Медузы Горгоны. И ты получишь от меня её голову!

Сказав это, он повернулся и быстрыми шагами ушёл из подвала. Забыв обо всём на свете, он думал теперь об одном: как бы найти Медузу Горгону и спасти от неё родную страну.

Но напрасно всю ночь до утра скитался он по улицам города. Только утром ему встретился знакомый рыбак, который сказал, что Медуза живёт недалеко, под высокой горой, у ручья.

К вечеру Персей добрался до высокой горы, на склоне которой среди серых камней под деревьями спала крепким сном Медуза Горгона. Персей обнажил свой меч и помчался вниз по уступам горы, но вскоре остановился и задумался:

«Ведь чтобы отрубить голову спящей колдунье, я должен взглянуть на неё, а если я взгляну на неё, она сейчас же превратит меня в камень».

Он поднял свой медный щит — круглый, блестящий и гладкий — и стал смотреть в него, как смотрят в зеркало. В этом щите отразились и деревья, и серые камни, которые были на склоне горы. В нём же отразилась и спящая женщина, у которой вокруг головы были не волосы, а чёрные змеи.

Так удалось Персею при помощи чудесного щита увидеть Медузу Горгону, ни разу не взглянув на неё.

Медуза спала на земле рядом со своими безобразными сёстрами, которые были похожи на больших разжиревших свиней. Её крылья сверкали, как радуга, у неё было такое прекрасное, печальное, задумчивое молодое лицо, что Персею стало жаль убивать её.

Но тут он увидел, что на голове Медузы зашевелились чёрные ядовитые змеи, вспомнил, сколько ни в чём не повинных людей и детей погубила эта

злая красавица, скольких добрых, счастливых, весёлых превратила она в мёртвые камни.

И ему ещё сильнее, чем прежде, захотелось расправиться с нею.

Глядя в зеркальный щит, в котором отражалась Медуза, Персей подбежал к ней и сразу одним ударом меча отсёк её ужасную голову. Голова отлетела прочь и покатилась к ручью. Но Персей и теперь не взглянул на неё, потому что и теперь она могла превратить его в камень. Он взял мешок, сшитый из козьего меха, бросил туда голову Медузы и быстро побежал по горам.

Сёстры Медузы проснулись. Увидев, что Медуза убита, они с криками взлетели в воздух и, как хищные птицы, стали кружить над деревьями. Вот они заметили Персея и полетели за ним.

— Отдай нам голову нашей сестры! — кричали они. — Отдай нам голову нашей сестры!

Персей бежал по горам, не оглядываясь, и не раз ему казалось, что страшные Горгоны настигают его. Сейчас они вонзят в него свои острые медные когти!

Но долго они летать не могли, так как были жирные и очень тяжёлые. Понемногу они стали отставать, но всё ещё кричали ему вслед:

— Отдай нам голову нашей сестры!

Персей бежал без оглядки. Он бежал по пустыне, а кровь с головы Медузы капала на горячий песок, и каждая капля превращалась в змею.

Змеи извивались и ползли за Персеем, стараясь ужалить его. Но он нёсся как ветер, не боясь ничего,

и в сердце у него была радость. Убита, убита Медуза Горгона! Больше она не будет злодействовать.

По дороге ему встретилась добрая волшебница, по имени Афина Паллада, которая сказала ему:

— Слава герою! За то, что ты не испугался Медузы и спас от неё свой город, прими в дар эти сандалии. Они волшебные. Видишь, к ним приделаны крылышки. Надень их скорее на ноги, и ты полетишь как птица.

Сказав это, волшебница исчезла. Чуть только Персей надел сандалии, крылышки на них затрепетали, и он, как сокол, полетел над пустыней.

Вскоре он вылетел к синему морю и быстро помчался над ним. И вдруг увидел большую скалу. Скала стояла на берегу, вся освещённая солнцем, и к ней железной цепью была прикована девушка, которая горько рыдала. Персей подлетел к ней и крикнул:

— Скажи мне, прекрасная девушка, какие жестокие люди приковали тебя к этой скале? Я пойду и зарублю их своим острым мечом!

— Уходи, уходи! — закричала она.— Скоро вынырнет из моря дракон, страшное морское чудовище. Он проглотит и тебя, и меня! Каждый день он подплывает сюда, взбирается на гору, рыщет по нашему городу и там пожирает людей. Он глотает без разбору и старых, и малых. Чтобы спастись от него, жители города приковали меня к этой скале: дракон увидит меня и сейчас же проглотит, и все люди в нашем городе останутся живы.

— Не боюсь я морского чудовища! — крикнул бесстрашный Персей. — Сегодня я уничтожил другое чудовище, которое гораздо страшнее!

Но девушке было жалко Персея.

— Оставь меня! — сказала она. — Я не хочу, чтобы тебя проглотило чудовище.

— Нет, я не покину тебя! Я останусь и убью этого злого дракона, глотающего беззащитных людей! — И он сильно ударил своим острым мечом по цепи, которой была прикована девушка.

— Ты свободна! — сказал он.

Она засмеялась, обрадовалась и нежно поблагодарила своего избавителя. Но вдруг оглянулась и крикнула:

— Чудовище близко! Оно подплывает сюда! Что делать? Что делать? У него такие острые зубы. Оно растерзает, проглотит и тебя, и меня. Уходи, уходи! Я не хочу, чтобы ты погиб из-за меня.

— Я останусь здесь, — сказал Персей. — Я спасу и тебя, и твой город от злого дракона. Обещай мне, что если я уничтожу его, ты будешь моею женою и пойдёшь вместе со мной в мою страну.

Дракон подплывал всё ближе. Он нёсся по волнам словно корабль. Увидев девушку, он жадно разинул широкую зубастую пасть и ринулся на берег, чтобы проглотить свою жертву. Но бесстрашный Персей поднялся в воздух и, вытащив из козьего меха голову Медузы Горгоны, показал её свирепому чудовищу.

Чудовище взглянуло на волшебную голову и

тотчас же окаменело навеки — превратилось в огромный чёрный прибрежный утёс.

Девушка была спасена. Персей бросился к ней, взял её на руки и взбежал с нею на вершину горы, в тот город, которому угрожало чудовище.

В городе все были рады и счастливы. Люди обнимали и целовали Персея и в восторге кричали ему:

— Да здравствует великий герой, который спас нашу страну от погибели!

У девушки было красивое имя: Андромеда. Вскоре она стала женою Персея, он подарил ей одну из своих чудесных сандалий — и оба они полетели в тот город, в котором царствовал трусливый Полидект.

Оказалось, что царь Полидект всё ещё прячется у себя в подземелье и пирует со своими вельможами.

Едва только царь увидел Персея, он засмеялся и крикнул:

— Поди-ка ты сюда, хвастунишка! Ну, где твоя Медуза Горгона? Видно, легче обещать, чем исполнить!

— Нет, царь, я исполнил своё обещание: я принёс тебе чудесный подарок — голову Медузы Горгоны! Но лучше бы тебе на неё не смотреть.

— Нет, нет! — закричал царь. — Покажи! Я не верю тебе. Ты хвастун и обманщик!

— Её голова здесь, в этом сером мешке.

— Ты лжёшь. Я не верю тебе, — сказал царь. — Там у тебя самая обыкновенная тыква.

— Ну что ж! Если не веришь, гляди! —

крикнул со смехом Персей, вынул из мешка голову Медузы Горгоны и, закрыв глаза, чтобы не смотреть на неё, показал её царю и вельможам.

Те хотели встать, убежать, но не могли и остались на месте.

— Вот вам награда за то, что вы, жалкие трусы, прятались от грозной опасности и оставили свой народ погибать, а сами пировали от утра до утра.

Но никто не ответил ему, потому что и царь, и вельможи сделались грудой камней.

Очень обрадовались жители этого города, когда узнали, что на свете уже нет Полидекта.

— Пусть царствует над нами Персей! — закричали они. — Он такой храбрый и добрый.

Но Персей не захотел быть царём. Он бросил в пучину моря голову Медузы Горгоны и ушёл в далёкую страну вместе со своей милой женой Андромедой.

Выйди из дому в ясную ночь и взгляни в небо, усыпанное яркими звёздами. Ты увидишь созвездие молодого Персея. В руке у Персея голова Медузы, но не бойся смотреть на неё: она уже не может превратить тебя в камень. Рядом с Персеем ты увидишь его прекрасную жену Андромеду. Руки её подняты кверху, словно они прикованы к скале. Тысячи лет люди смотрят на эти созвездия и вспоминают славного героя Персея, который спас всех от Медузы Горгоны и от жестокого морского чудовища.

Рождение героя.

Когда пришло время родиться Гераклу, на Олимпе был пир богов. Владыка мира Зевс возвестил богам, что в этот час на земле среди людей родится величайший герой, который будет одарён могучей силой, совершит великие дела и прославится на все времена.

— Он будет моим любимым сыном, я дам ему власть над всей Грецией, и другие герои будут служить ему! — сказал Зевс.

Гера, супруга Зевса, обиделась, что такую силу и славу Зевс хочет дать сыну смертной женщины. Мгновенно у неё возник коварный план. Она сказала Зевсу:

— Поклянись же, что тот, кто первый родится в этот час, получит власть над всей Грецией и другие герои должны будут служить ему!

Если бы Зевс взглянул в этот миг на свою божественную супругу, он понял бы, что она задумала недоброе, потому что от владыки мира ни у кого на земле и на небе не могло быть тайн ни в делах, ни в мыслях. Но в эту минуту Ата, богиня обмана, отвлекла его внимание, и Зевс не заметил хитрости Геры. Он поднял свою золотую чашу и сказал:

— Клянусь! Так будет!

Две женщины на земле ожидали в тот час ребёнка: в Фивах царица Алкмена, которую Зевс выбрал в матери великому герою, и в Микенах аргосская царица. Тогда Гера своей властью задержала рождение одного и ускорила появление второго. И вот сначала с жалобным плачем явился

на свет хилый и слабый аргосский царевич Еврисфей, а уж после него сын Алкмены.

Как только родился Еврисфей, Гера объявила Зевсу:

— Радуйся, Громовержец: сейчас на земле родился тот, кого ты обещал сделать господином всей Греции!

Зевс понял злую проделку Геры. Лицо его потемнело от гнева, все смолкли, ожидая грозы.

Тогда Громовержец обрушился на богиню обмана Ату. Он сбросил её с Олимпа на землю и навсегда запретил появляться среди богов в своём светлом небесном доме.

С тех пор богиня обмана живёт среди людей на земле и своими злыми выдумками сеет вражду между ними.

Потом владыка мира обратился к Гере и сказал ей:

— Я знаю, теперь ты будешь преследовать сына Алкмены, ставить ему препятствия на его пути, подвергать его многим опасностям. Но он выдержит все испытания, одолеет все препятствия, а твои усилия помешать ему только увеличат его славу. Он совершит подвиги, каких до него не совершал никто, и одержит много славных побед. А когда он закончит свои земные дела, я подыму его на Олимп, и ты сама примешь его в круг бессмертных. И пусть его имя будет Геракл, что значит «прославленный герой».

БРАТЬЯ ГРИММ
ЯКОБ (1785—1863),
ВИЛЬГЕЛЬМ (1786—1859).

Принц-Лягушонок, или Генрих Железное Сердце

В давние, стародавние времена, когда ещё чудеса на свете творились да сказки говорились, жил-был в одном королевстве король. Не было у него сыновей, одни дочери, да зато все красавицы, одна лучше другой, а уж меньшая дочь так была хороша, что даже красное солнышко — хоть оно

всё на свете видало — и то на неё заглядывалось, красе её дивилось.

Стоял королевский замок неподалёку от тёмного леса, а в том лесу под старой липой был колодец, и в жаркие летние дни любила меньшая королевна посидеть на краю колодца, подышать прохладой. А чтобы не скучать, брала с собой золотой шарик: она с ним играла, как с мячиком: подкинет, поймает и опять подкинет. Самая это была у неё любимая забава.

И случись же однажды такая беда: словно живой, вывернулся золотой мячик у девочки из рук, подскочил и упал прямо в колодец. Только и увидела она, как он в воду ушёл и исчез в глубине. А колодец тот был такой глубокий, что и дна не найдёшь.

Заплакала тут бедняжка-королевна в голос. Плачет, ревёт — никак не перестанет.

И вдруг кто-то её спрашивает:

— О чём плачешь, королевская дочь? Из-за чего убиваешься? Камень — и тот сжалится, на тебя глядя.

Перестала плакать королевна, оглянулась на голос — никого нет, только из воды лупоглазый лягушонок на неё таращится.

— Пожалей хоть ты меня, квакушечка! — всхлипывает королевна.— Как же мне не плакать, как не горевать: я свой золотой шарик в колодец уронила!

— И только-то? — говорит лягушонок.— Ну, тут плакать нечего, убиваться незачем. Могу я твоему

горю помочь, только ты скажи наперёд, чем ты меня одаришь, если я твою забаву тебе верну.

— Ох, душечка-лягушечка! — закричала королевна. — Да бери всё, что только пожелаешь! Хочешь — лучший наряд с моего плеча, хочешь — жемчуга с алмазами, а хочешь — хоть и корону мою золотую сниму. Бери и носи, пожалуйста.

— Нет, — отвечает лягушонок, — не хочу я ни нарядов твоих, ни жемчугов, ни каменьев драгоценных — и даже корона твоя мне не нужна, а хочу я, чтобы ты одарила меня своей любовью: чтобы стал я твоим другом-товарищем, чтобы ты без меня играть не пошла и за стол не села, чтобы я с твоей золотой тарелочки ел, из твоего золотого бокальчика пил, на твоей шёлковой подушечке спал. Вот коли ты мне всё это обещаешь — сей же час кинусь я в глубину, на самое дно, и достану твой золотой шарик.

— Обещаю, обещаю! — закричала королевна. — Обещаю тебе всё, что хочешь, — ты только достань поскорей мой шарик.

А сама подумала: «Не знает, что болтает, глупая квакушка. Ишь чего захотела — ко мне в друзья! Твоё дело сидеть в болоте да квакать».

Но как только она сказала «Обещаю!» — лягушонок сейчас же нырнул и скрылся под водой. Раз-два-три! — королевна и ахнуть не успела, как он появился с золотым шариком во рту и ловко бросил его на траву у самых ног хозяйки.

Королевна радостно подхватила свою любимую игрушку и опрометью кинулась домой.

— Постой, погоди! — крикнул лягушонок. — Меня-то возьми! Мне ведь за тобой не поспеть!

Не тут-то было! Сколько он ни квакал, как ни надрывался — королевна даже не обернулась, только всё прибавляла шагу. Вскоре она была уже дома и совсем позабыла про бедного лягушонка, который так и остался сидеть в своём колодце...

На другой день, только сел король в парадном зале за стол, только было собралась королевна попробовать суп из своей золотой тарелочки, вдруг кто-то — топ-топ, шлёп-шлёп — запрыгал по мраморной дворцовой лестнице. Топ-топ, шлёп-шлёп! Вот он допрыгал до самого верха, постучался в дверь зала и пропел:

Отвори мне, королевна,
Отвори!
То, что ты мне обещала,—
Повтори!
Неужели ты забыла,
Что вчера мне говорила,
Что слыхали ты да я
Да студёная струя?!
Отвори мне, королевна,
Отвори!

Королевна побежала поглядеть, кто это к ней пришёл, приоткрыла дверь... Глядь — а там лягушка сидит. Девочка поскорей захлопнула дверь, вернулась на место — ни жива ни мертва от страха.

Заметил отец, что у дочки сердечко вот-вот выскочит, и говорит:

— Кто тебя, доченька, так напугал? Неужто злой великан за тобой пришёл?

— Ой, нет,— отвечает королевна,— это не великан, а противная лягушища.

Король-отец удивился.

— Что это лягушке от тебя понадобилось? — спрашивает.

— Ах, батюшка,— говорит королевна,— играла я вчера в лесу и уронила свой золотой мячик в колодец. Я, конечно, заплакала, и уж так я плакала, что лягушонок сжалился надо мной и достал его из колодца, только пришлось мне пообещать, что я буду с ним век дружить. А иначе он не соглашался! Ну разве я думала, что он вылезет из своего колодца и к нам придёт?

Тут снова послышался стук в дверь и кто-то снова запел:

Отвори мне, королевна,
Отвори!
То, что ты мне обещала,—
Повтори!
Неужели ты забыла,
Что вчера мне говорила,
Что слыхали ты да я
Да студёная струя?!
Отвори мне, королевна,
Отвори!

И тогда сказал отец-король своей дочери:

— Не давши слова — крепись, а давши — держись. Ступай, дочка, и отвори.

Делать нечего, отворила королевна дверь, и лягушонок — топ-топ, шлёп-шлёп — запрыгал за ней по пятам прямо к столу.

— А теперь посади меня на свой стульчик,— говорит.

Ох, как не хотелось этого королевне,— да король-батюшка опять приказал.

А лягушонку и того показалось мало: попросил он со стула его на стол пересадить, уселся на столе и говорит:

— А теперь подвинь свою золотую тарелочку ко мне поближе — будем мы с тобой кушать.

Ничего не поделаешь — пришлось королевне волей-неволей из одной тарелки с лягушонком есть; он уплетал за обе щеки, а ей бедняжке, кусок в горло не шёл.

Вот наелся, наконец, лягушонок и говорит:

— Покушал неплохо, теперь и отдохнуть неплохо! Притомился я. Отнеси-ка ты меня в свою опочивальню и постельку постели.

Зарыдала тут королевна в голос! Ещё бы! Ей и дотронуться до мокрой, холодной лягушки страшно было, не то что на одну подушечку с ней лечь. Но король нахмурился и строго сказал: «Кто помог тебе в беде — того не презирай».

Взяла королевна лягушонка кончиками пальчиков, отнесла его в свою спаленку и посадила в угол, а сама легла в постель. Но лягушонок — какой неотвязный! — подскочил к ней и говорит:

— Посади меня на подушечку, как обещала, а то батюшке твоему скажу!

Тут королевна вспыхнула и соскочила с постели.

— Вот тебе, противная лягуха! Теперь-то ты отвяжешься! — крикнула она, схватила лягушонка и со всего размаха швырнула об стену — так он и шлёпнулся.

И тут ей вдруг стало так жалко бедного лягушонка, так стыдно за себя, что она потупилась, отвернулась и долго-долго не решалась поднять глаза.

А когда, наконец, осмелилась — глазам своим не поверила! Стоит перед ней прекрасный принц — и смотрит на неё приветливо и ласково, так ласково, как никто никогда на неё ещё не смотрел.

Рассказал он ей, что злая ведьма превратила его в лягушку, и никто на свете, кроме неё, маленькой королевны, не мог его освободить от злых чар.

— Да, если бы не ты, — сказал он нежно, — так бы мне и сидеть весь век в колодце да квакать. А теперь мы с тобой поженимся: завтра же придёт карета и увезёт нас в моё царство.

А поутру и впрямь к замку подкатила карета, запряжённая восьмёркой белых коней, и упряжь на них была золотая, на головах у них развевались белые страусовые перья, а на запятках кареты стоял слуга молодого принца — и это был Генрих Железное Сердце. Верный Генрих так горевал, когда его господина превратили в лягушку, что пришлось ему наложить себе на сердце три стальных обруча, чтобы оно не разорвалось от горя и печали.

Королевна попрощалась с отцом, верный Генрих

помог молодым войти в карету, и кони весело понесли её в царство молодого принца.

Как ликовал верный Генрих, как он радовался освобождению своего господина от злых чар! Но не успели они проехать и полпути, как вдруг раздался сильный треск, словно что-то поломалось. Встревоженный принц обернулся и крикнул:

— Генрих, скажи мне —
Карета сломалась?
— Нет, господин,—
Это вам показалось...
Когда я боялся,
Что так и придётся
Век вековать вам
Лягушкой в колодце,
Когда я в разлуке
Без вас горевал,—
Тремя обручами
Я сердце сковал.
Вот первый распался...

Они поехали дальше; и по дороге ещё дважды вновь и вновь слышался треск, вновь и вновь спрашивал принц, не сломалась ли карета; но то распадались обручи на сердце верного Генриха, потому что великую радость сердца труднее удержать в оковах, чем горькую печаль.

ШАРЛЬ ПЕРРО.

(1628—1703)

Рике с хохолком.

Жила когда-то королева, у которой родился сын, такой безобразный, что долгое время сомневались — человек ли он. Волшебница, присутствовавшая при его рождении, уверяла, что всё обернётся к лучшему, так как он будет весьма умён; она даже прибавила, что благодаря особому дару, полученному им от неё, он сможет наделить всем своим умом ту особу, которую полюбит более всего на свете.

Это несколько утешило бедную королеву, которая весьма была огорчена тем, что родила на свет такого гадкого малыша. Правда, как только этот ребёнок научился лепетать, он сразу же стал говорить премилые вещи, а во всех его поступках

было столько ума, что нельзя было не восхищаться. Я забыл сказать, что родился он с маленьким хохолком на голове, а потому его и прозвали: Рике с хохолком. Рике было имя всего его рода.

Лет через семь или восемь у королевы одной из соседних стран родились две дочери. Та из них, что первой явилась на свет, была прекрасна, как день; королеве это было столь приятно, что окружающие опасались, как бы ей от слишком сильной радости не стало худо. Та самая волшебница, которая присутствовала при рождении Рике с хохолком, находилась и при ней и, дабы ослабить её радость, объявила, что у маленькой принцессы вовсе не будет ума и что насколько она красива, настолько она будет глупа. Это очень огорчило королеву, но несколько минут спустя она испытала огорчение ещё большее: она родила вторую дочь, и та оказалась чрезвычайно некрасивой.

— Не убивайтесь так, сударыня,— сказала ей волшебница,— ваша дочь будет вознаграждена иными качествами, и будет у ней столько ума, что люди не заметят в ней недостатка красоты.

— Дай бог,— ответила королева,— но нельзя ли сделать так, чтобы старшая, такая красивая, стала немного поумнее?

— Что до ума, сударыня, я ничего не могу для неё сделать,— сказала волшебница,— но я всё могу, когда дело идёт о красоте, а так как нет такой вещи, которой я бы не сделала для вас, то она получит от меня дар — наделять красотой того, кто ей понравится.

По мере того как обе принцессы подрастали, умножились и их совершенства, и повсюду только и было речи, что о красоте старшей и об уме младшей. Правда и то, что с годами весьма усиливались и их недостатки. Младшая дурнела прямо на глазах, а старшая с каждым днём становилась всё глупее. Она или ничего не отвечала, когда её о чём-либо спрашивали, или говорила глупости. К тому же она была такая неловкая, что если переставляла на камине какие-нибудь фарфоровые вещицы, то одну из них непременно разбивала, а когда пила воду, то половину стакана всегда выливала себе на платье.

Хотя красота — великое достоинство в молодой особе, всё же младшая дочь всегда имела больший успех, чем старшая. Сперва все устремлялись к красавице, чтоб поглядеть на неё, полюбоваться ею, но вскоре уже все шли к той, которая была умна, потому что её приятно было слушать; можно было только удивляться, что уже через четверть часа, даже раньше, никого не оставалось подле старшей, а все гости окружали младшую. Старшая, хоть и была весьма глупа, замечала это и не пожалела бы отдать всю свою красоту, лишь бы наполовину быть такой умной, как её сестра. Королева, как ни была разумна, всё же порой не могла удержаться, чтоб не попрекнуть дочь её глупостью, и бедная принцесса чуть не умирала от этого с горя.

Как-то раз в лесу, куда она пошла поплакать о своей беде, к ней подошёл человек очень уродливой и неприятной наружности, одетый, впрочем,

весьма пышно. Это был молодой принц Рике с хохолком: влюбившись в неё по портретам, которые распространены были во всём мире, он оставил королевство своего отца ради удовольствия повидать её и поговорить с нею. В восторге от того, что встретил её здесь совсем одну, он подошёл к ней и представился как только мог почтительнее и учтивее. Он приветствовал её, как подобает, и тут, заметив, что принцесса очень печальна, сказал ей:

— Не понимаю, сударыня, отчего это особа столь прекрасная, как вы, может быть столь печальна? Хоть я и могу похвалиться, что видел множество прекрасных особ, все же, надо сказать, не видел ни одной, чья красота напоминала бы вашу.

— Вы так любезны, сударь,— ответила ему принцесса и больше ничего не могла придумать.

— Красота,— продолжал Рике с хохолком,— столь великое благо, что она всё остальное может нам заменить, а когда обладаешь ею, то, мне кажется, ничто уже не может особенно печалить нас.

— Я бы предпочла,— сказала принцесса,— быть столь же уродливой, как вы, но быть умной, вместо того чтобы быть такой красивой, но такой глупой.

— Ничто, сударыня, не служит столь верным признаком ума, как мысль об его отсутствии, и такова уж его природа, что чем больше его имеешь, тем больше его недостаёт.

— Не знаю,— сказала принцесса,— знаю только, что я очень глупа, оттого-то и убивает меня печаль.

— Если только это огорчает вас, сударыня, я легко могу положить конец вашей печали.

— А как вы это сделаете? — спросила принцесса.

— В моей власти, сударыня, — сказал Рике с хохолком, — наделить всем моим умом ту особу, которую я полюблю более всего на свете. А так как эта особа — вы, сударыня, то теперь от вас одной зависит стать умной, лишь бы вы согласились выйти замуж за меня.

Принцесса была совсем озадачена и ничего не ответила.

— Вижу, — сказал Рике с хохолком, — что это предложение смущает вас, но я не удивляюсь и даю вам сроку целый год, чтобы вы могли принять решение.

Принцессе настолько не хватало ума, и в то же время ей так сильно хотелось иметь его, что она вообразила, будто этому году никогда не будет конца, — и вот она приняла сделанное ей предложение. Не успела она пообещать Рике, что выйдет за него замуж ровно через год, как почувствовала себя совсем иною, чем раньше. Теперь она с поразительной лёгкостью могла говорить всё, что хотела, и говорить умно, непринуждённо и естественно. В ту же минуту она начала с принцем Рике любезный и лёгкий разговор и с таким блеском проявила в нём свой ум, что Рике с хохолком подумал, не дал ли он ей больше ума, чем оставил себе самому.

Когда она вернулась во дворец, весь двор не знал что и подумать о таком внезапном и необык-

новенном превращении; насколько прежде все привыкли слышать от неё одни только глупости, настолько теперь удивлялись её здравым и бесконечно остроумным речам. Весь двор был так обрадован, что и представить себе нельзя; только младшая сестра осталась не очень довольна, потому что, уже не превосходя теперь умом сестру, она рядом с нею казалась всего лишь противным уродом.

Король стал слушаться советов старшей дочери и нередко в её покоях совещаться о делах. Так как слух об этой перемене распространился повсюду, то молодые принцы из всех соседних королевств стали пытаться заслужить её любовь, и почти все просили её руки; но ни один из них не казался ей достаточно умным, и она выслушивала их, никому ничего не обещая. Но вот к ней явился принц столь могущественный, столь богатый, столь умный и столь красивый, что принцесса не могла не почувствовать к нему расположения. Отец её, заметив это, сказал, что предоставляет ей выбрать жениха и что решение зависит только от неё. Чем умнее человек, тем труднее принять решение в таком деле, а потому, поблагодарив отца, она попросила дать ей время на размышление.

Случайно она пошла гулять в тот самый лес, где встретила принца Рике, чтобы на свободе подумать о том, что ей предпринять. Гуляя там в глубокой задумчивости, она вдруг услышала глухой шум под ногами, как будто какие-то люди ходят, бегают, суетятся. Внимательно прислушав-

шись, она разобрала слова. Кто-то говорил: «Принеси мне этот котелок!» А кто-то другой: «Подай мне тот котелок». А третий: «Подложи дров в огонь». В тот же миг земля разверзлась, и у себя под ногами принцесса увидела большую кухню, которую наполняли повара, поварята и все прочие, без кого никак не приготовить роскошного пира. От них отделилась толпа человек в двадцать или тридцать; то были вертельщики, они направились в одну из аллей, расположились там вокруг длинного стола и, со шпиговальными иглами в руках, в шапках с лисьими хвостиками на головах, дружно принялись за работу, напевая благозвучно песню. Принцесса, удивлённая этим зрелищем, спросила их, для кого они трудятся.

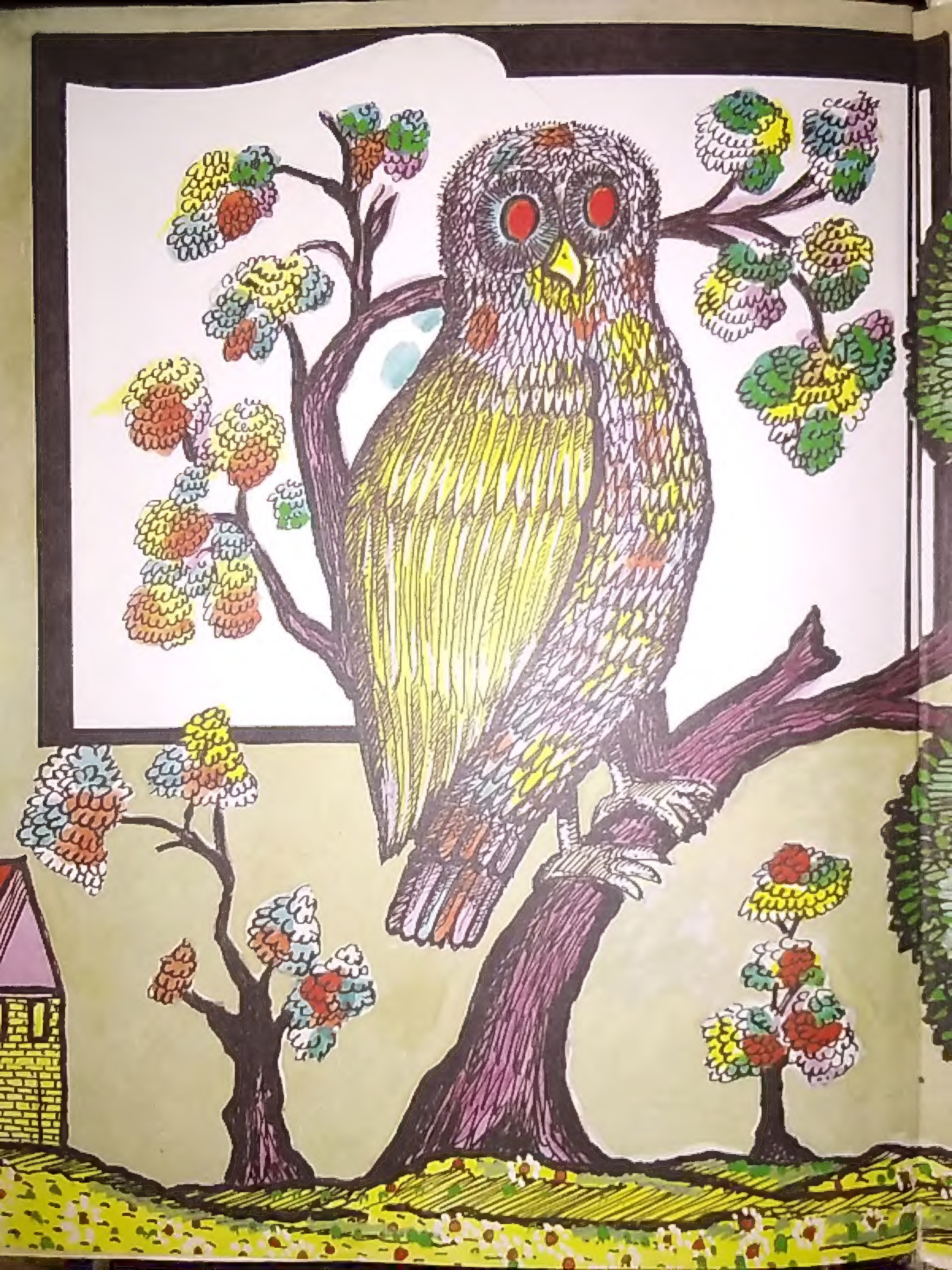
— Это, сударыня,— отвечал самый видный из них,— для принца Рике, завтра его свадьба.

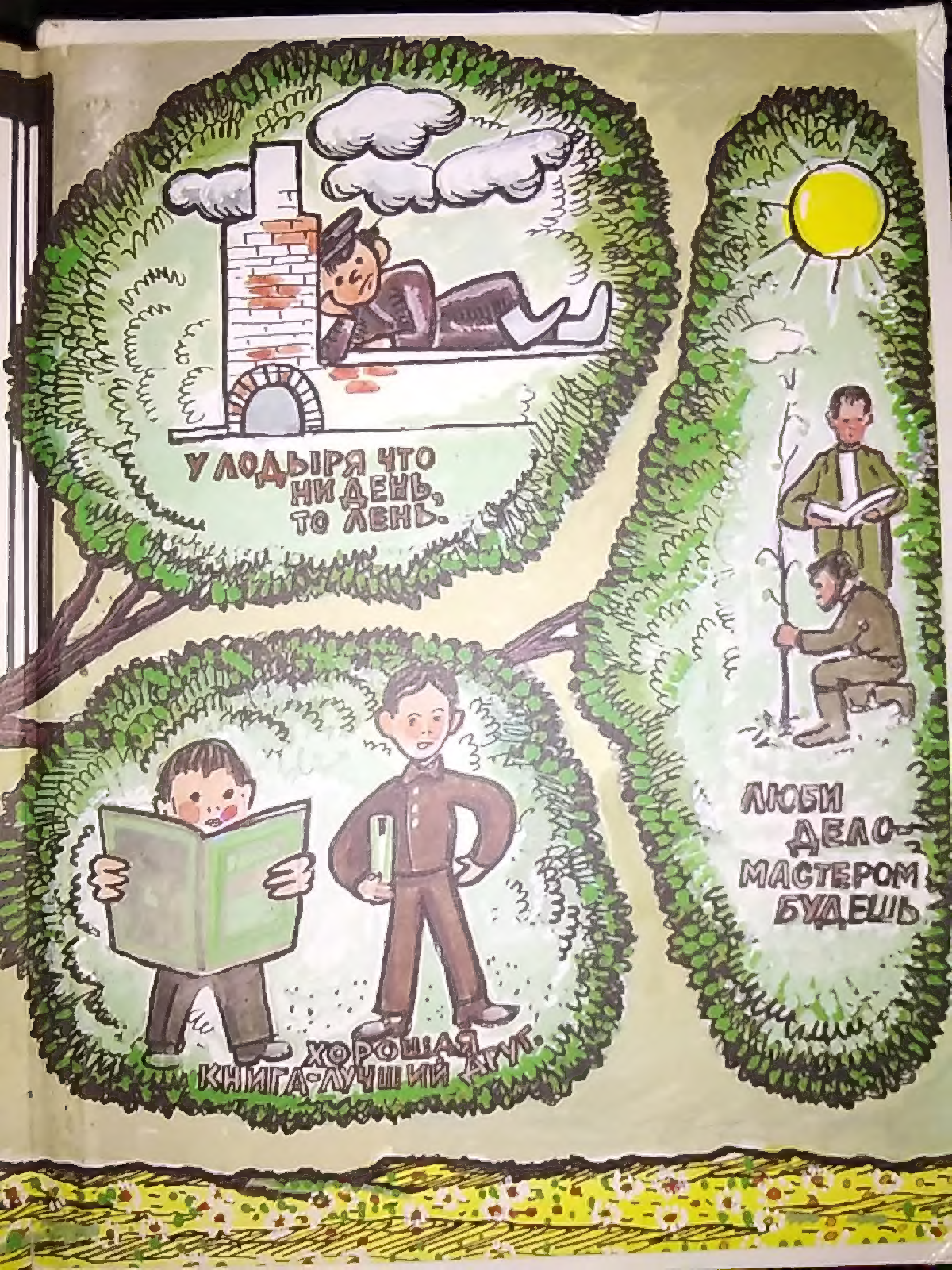
Принцесса удивилась ещё больше и, вспомнив вдруг, что сегодня исполнился ровно год с того дня, как она обещала выйти замуж за принца Рике, еле устояла на ногах. Не помнила она об этом оттого, что, давая обещание, была ещё глупой, а получив от принца ум, который он ей подарил, забыла все свои глупости.

Она продолжала свою прогулку, но не успела пройти и тридцати шагов, как пред ней предстал Рике с хохолком, исполненный отваги, в великолепном наряде, ну, словом, как принц, готовящийся к свадьбе.

— Вы видите, сударыня,— сказал он,— я свято сдержал слово и не сомневаюсь, что вы тоже при-

У ЛОДЫРЯ ЧТО НИ ДЕНЬ, ТО ЛЕНЬ.
ЛЮБИ ДЕЛО — МАСТЕРОМ БУДЕШЬ
ХОРОШАЯ КНИГА - ЛУЧШИЙ ДРУГ.